

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

37 2025
ЧАСТЬ II

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 37 (588) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Вильгельм Вундт* (1832–1920), немецкий врач, физиолог, психолог и лингвист.

Вильгельм Вундт родился в Некарау (ныне в составе Мангейма, Германия) в семье лютеранского пастора. После окончания средней школы учился в Тюбингенском, Берлинском и Гейдельбергском университетах. На последнем году учебы в Гейдельберге Вундт едва не умер от серьезного заболевания. После получения диплома по медицине в Гейдельберге Вундт некоторое время занимался у Иоганна Мюллера, а затем был ассистентом выдающегося физика и физиолога Германа фон Гельмгольца. В это время он написал сочинение «Статьи по теории чувственного восприятия» (1858–1862). В 1864 году он получил должность доцента Гейдельбергского университета.

В этот период Вундт начал читать первый в мире курс по научной психологии, постоянно подчеркивая в нем использование экспериментальных методов, взятых из естественных наук, а также физиологическую связь между мозгом и разумом. Знания и опыт Вундта в физиологии имели огромное значение для становления психологии. Его лекции были опубликованы в виде книги «Лекции о разуме человека и животных». С этого времени он начал работу, которая привела его к публикации в 1874 году одной из самых важных работ в истории психологии — книги «Принципы физиологической психологии».

В 1875 году Вундт стал ординарным профессором философии в Лейпцигском университете, а через четыре года основал первую в мире психологическую лабораторию, в скором времени преобразованную в институт экспериментальной психологии. Позже ученики Вундта основали психологические лаборатории в Университете Пенсильвании, Колумбийском университете и других.

Научное наследие Вундта колоссально по объему и составляет около 54000 страниц в виде книг и статей. Вот некоторые особо выдающиеся его работы: «Лекции о психологии человека и животных», «Эссе», «Этика: исследо-

вание фактов и законов моральной жизни», «Гипнотизм и внушение», «Введение в психологию».

Вундт пытался понять человеческий разум, изучая составные части человеческого сознания так же, как при изучении сложного химического вещества, разбивая его на составные элементы. Таким образом, Вундт считал психологию наукой, схожей с физикой и химией, в которой сознание есть набор разделяемых и опознаваемых частей. Эти идеи Вундта были развиты Эдвардом Титченером, бывшим одно время студентом Вундта. Титченер развил систему Вундта, его идеи легли в основу концепции структурализма в психологии. Структурализм не смог конкурировать в англо-американском научном сообществе с более естественным для американской науки функционализмом, созданным на основе идей Уильяма Джеймса, и в настоящее время распространен в основном в европейской науке.

Хотя Вундт полагался в своих исследованиях на научный и физиологический методы, он часто использовал и метод интроспекции, который сегодня не рассматривается как научный, так как он не является эмпирическим и не дает воспроизводимых результатов.

Вундт жил в Лейпциге до самой смерти и был научным руководителем у 186 студентов, защитивших докторские диссертации по различным научным дисциплинам. В числе его учеников был Иван Павлов и Константин Рэдулеску-Мотру.

В последние годы жизни Вундт сфокусировался на социальной и культурной психологии и до самой смерти писал фундаментальный десяти томный труд «Психология народов».

В честь Вильгельма Вундта назван астероид (635) Вундция, открытый в 1907 году.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абубекирова Д. Ш.

Особенности изменения правового режима жилого помещения.....69

Буздов Т. М.

Понятие и признаки искусственного интеллекта: эволюция научной мысли.....71

Диас С. О.

Проблема судебной защиты жилищных прав в делах о банкротстве.....74

Донецкая С. В.

Особенности современного управления органами внутренних дел.....76

Жукова А. М.

Право, применимое к акционерным соглашениям в России и Англии.....77

Зарипов И. Р.

Роль и правовая природа частных субъектов (физических и юридических лиц) в формировании и применении норм международного частного права в контексте договора международной купли-продажи79

Канкулов И. Б.

Вина как обязательный элемент состава административного правонарушения.....81

Коротаева Н. Г.

Роль педагога в уголовном судопроизводстве ... 83

Кудряшов В. С.

Проблемы квалификации продолжаемых преступлений86

Лешкова П. И.

Характеристика принципов уголовного законодательства в национальном и международном праве90

Лишина В. Е.

Актуальные вопросы построения международной холдинговой структуры.....92

Лузгина А. С.

Понятие и свойства доказательств в уголовном процессе.....95

Любарец Д. Ю.

Государственный контроль и надзор в сфере образования земельных участков.....96

Морозова Н. А.

Реализация денежно-кредитной политики как основная функция Центрального банка РФ.....99

Назаренко С. А.

Законодательство о нотариате и деятельность кредитных организаций по взысканию просроченной задолженности (по материалам судебной практики) 100

Олексина К. А.

Понятие коммерческих юридических лиц в современной России 103

Орлова Е. Ю.

Сравнительный анализ института присяжных заседателей в России и Казахстане 107

Палазник И. А.

Открытые данные и публичная власть 109

Пелевина Э. В.

Проблемы квалификации арендных отношений 110

Петрова К. В.

Проблемы привлечения к уголовной ответственности за уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей и способы их разрешения..... 112

Петрова К. В.

Некоторые проблемы применения статей, связанных с освобождением от уголовной ответственности и отбыванием наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации или в военное время ... 116

Пискунова С. Р.

Вопросы нормативно-дефинитивного оформления понятия «экологическое преступление»..... 121

Поздняков М. Е.

Правовая регламентация административных правонарушений в промышленности, строительстве и энергетике 124

Полуэктова Е. И.

Анализ природы и основных характеристик
правового государства 127

Слепченко М. А.

Насилие в семейно-бытовой сфере:
особенности квалификации в России
и зарубежных странах 128

Тарасюк Е. В.

Предупреждение коррупционных
преступлений среди государственных
служащих посредством повышения их
правовой культуры 131

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Особенности изменения правового режима жилого помещения

Абубекирова Диана Шавкатовна, студент магистратуры

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Альметьевский филиал (Республика Татарстан)

Правовой режим жилого помещения изменяется на основании норм, закрепленных в Жилищном кодексе РФ (далее — ЖК РФ) [1]. Среди обстоятельств, являющихся основаниями изменения правового режима жилого помещения следует выделить, например, такие, как:

- перевод жилого помещения в нежилое и обратный процесс;
- признание жилого помещения непригодным для проживания;
- перевод жилого помещения в число объектов специального фонда и обратный процесс, когда нет трансформации вещного права относительно данного помещения у правообладателей, видоизменяется исключительно цель использования жилого помещения;
- передача жилых помещений, расположенных в общежитиях, относящихся к ведению государственных или муниципальных предприятий, организаций на баланс органов местного самоуправления и иные обстоятельства.

Рассмотрим особенности некоторых из них. Так, перевод жилого помещения в нежилое и обратный процесс, регламентирован ЖК РФ. В частности, в ст. 22 законодатель предусмотрел условия, которые должны быть соблюдены при переводе жилого помещения в нежилое и обратно.

Например, в качестве условий, законодательно предусмотрено, что жилое помещение должно быть расположено на первом этаже, или на втором этаже, если помещения первого этажа под переводимым жилым помещением признаны нежилыми. Также недопустимо переводить часть жилого помещения в нежилое. Кроме того, следует указать в качестве обязательного условия то, что помещение, правовой режим которого меняется на основании перевода из одной категории в другую, должно иметь собственный вход и не использовать для доступа помещения, находящиеся в общей долевой собственности, такие как подъезд, общие лестничные клетки. Если нет отдельного входа, то должна быть возможность его оборудовать.

После перевода жилого помещения в нежилое должны быть соблюдены требования, установленные законода-

тельством. В частности, нормы пожарной безопасности, санитарно-гигиенические, требования норм градостроительного законодательства и иные. В частности, градостроительное законодательства не позволяет размещать в нежилых помещениях, расположенных в многоквартирных домах ряд объектов. Среди таковых следует называть трансформаторные подстанции, похоронные бюро, торговые точки, специализирующиеся на торговле рыбой и морепродуктами и иные.

Процедура перевода жилого помещения в нежилое и обратный процесс возлагается на органы местного самоуправления. Каждое муниципальное образование формирует комиссию, имеющую разные наименования, рассматривающую вопросы разрешения или отклонения изменения статуса жилого помещения. В случае положительного решения вопроса, принимается постановление о переводе жилого помещения в нежилое или обратно, при условии, что нет необходимости для полноценного использования помещения проводить перепланировку или переустройство. Если нужно провести такого рода работы для возможности использования жилого помещения в качестве нежилого, то издаваемое органами местного самоуправления постановление должно содержать положение об обязательности их реализации. Таким образом, рассматриваемое постановление является основанием для проведения работ по перепланировке или переустройству, вместе с которым важно учитывать также и проект запланированных работ, предоставляемый в уполномоченные органы заинтересованным заявителем.

Федеральный закон от 19 декабря 2023 № 608-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» [2] внес изменения в порядок перевода жилого помещения в нежилое, а также уточнил процедуру перепланировки и переустройства жилого помещения, расположенного в многоквартирном доме.

Внесенные изменения представили новое понятие перепланировки, осуществляемой в многоквартирном доме. Так, законодатель на сегодняшний момент времени понимает под перепланировкой любое изменение площади

помещения, в котором планируется перепланировка, образование новых, ранее не существующих помещений путем выделения или объединения имеющихся помещений, а также изменение внутренней планировки помещения с изменением или без изменения площади самого помещения.

Ранее законодатель не предусматривал легального определения перепланировки и в правоприменительной деятельности применяли трактовку, которая была сформулирована Верховным Судом РФ. Согласно указанной трактовке, объединение помещений в многоквартирном доме не следовало считать перепланировкой, это действие являлось реконструкцией, так как вносятся изменения в количество помещений изменяемой части многоквартирного дома.

В связи с внесенными изменениями в законодательство, собственник помещения обязан внести всю информацию о перепланировке в ЕГРН и поставить данное помещение на кадастровый учет. После проведения запланированных работ по переустройству или перепланировке жилого помещения, собственник обязан уведомить об этом орган местного самоуправления, который санкционировал проведение такого рода работ, а также предоставить новый технический план помещения. При образовании в результате перепланировки дополнительного помещения в составе изменяемого, следует к указанным документам добавить документ об уплате государственной пошлины за государственную регистрацию права на недвижимое имущество.

После проведения приемки, комиссия подтверждает законность актом, утверждаемым уполномоченным органом местного самоуправления, который давал разрешение на перевод помещения из жилого в нежилое или на обратный процесс. Утверждение акта должно быть осуществлено в тридцатидневный срок с момента получения органом местного самоуправления уведомления о завершении процедуры перепланировки или переустройства.

При отсутствии необходимости проводить переустройство или перепланировку при переводе жилого помещения в нежилое, то в качестве основания для изменения правового режима жилого помещения является решение о переводе помещения, предоставляемое органом местного самоуправления и сам процесс перевода завершается внесением изменений в ЕГРН.

Осуществление кадастрового учета и государственная регистрация прав на помещение, переводимое из категории жилого в нежилое и обратно, реализуется на основании заявления уполномоченного органа местного самоуправления, который принимал решение о разрешении перевода, а также о перепланировке, если таковая проводилась. Законодательство предоставляет 5 дней для подачи данного заявления со дня подписания акта приема-передачи комиссией, подтверждающей факт завершения перепланировки жилого помещения в многоквартирном доме.

Обратимся к рассмотрению особенностей установления пригодности жилого помещения для проживания граждан. Так, данная процедура считается оценочной

и может проводиться в жилых помещениях, которые располагаются в официально зарегистрированных зданиях. Определение пригодности жилого помещения для проживания основывается на Постановлении Правительства РФ от 28 января 2006 № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» (далее — Положение о признании здания непригодным для проживания) [3].

Определение факта аварийного состояния многоквартирного дома осуществляется исходя из того, насколько изношены конструкции здания, имеет ли оно следы разрушения, деформации и иных изменений.

При официальном признании здания аварийным, жилые помещения, расположенные в нем, признаются непригодными для проживания.

Причин, по которым жилые помещения признаются непригодными для дальнейшего проживания, может быть множество, в том числе это могут быть и техногенные катастрофы, когда инженерные системы не помогли избежать разрушения, деформации здания. В таких случаях здание проходит официальную оценку и может быть признано непригодным для проживания, и вносится в перечень зданий, подлежащих сносу или, при возможности, реконструкции.

Порядок признания многоквартирного дома непригодным для проживания определен Положением о признании здания непригодным для проживания, в котором регламентированы органы, исполняющие обязанности комиссии по проведению экспертизы зданий и домов. Это могут быть, как органы исполнительной власти субъектов РФ, так и местного самоуправления, в зависимости от того, в каком фонде находится объект.

Исследовав нормативную регламентацию данного процесса, можно выделить ряд проблем. Например, законодатель не определил императивные требования о том, чтобы в комиссию обязательно был включен государственное должностное лицо, представляющее инспекцию жилищного хозяйства. Основное количество членов, входящих в комиссию, решающую вопрос о пригодности жилого помещения к проживанию, являются муниципальными служащими, тогда как представители жилищного контроля и Роспотребнадзора в меньшинстве, их голос не наделен правом вето и они не могут существенным образом воздействовать на исход конкретного дела.

Если количество проголосовавших «за» и «против» равное, то решение принимается председателем и считается объективным. Кроме того, совершенно не обязательно, чтобы в голосовании принимали участие все члены комиссии, достаточно большинства, что также можно отнести к недостаткам правового регулирования.

Также законодательно не определена количественная основа состава комиссии, для того, чтобы решение было объективным и обоснованным.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что заявитель, по инициативе которого проводится проверка признания жилого помещения непригодным для проживания, обязан предоставить комиссии заключение о том, что соответствующая организация, специализирующаяся на проверке зданий и сооружений и признания их опасными. В качестве заявителя выступает либо собственник жилого помещения, либо орган государственной власти, осуществляющий надзорные функции в области жилищного строительства и эксплуатации зданий и сооружений. Чаще всего непригодные жилые помещения принадлежат финансово не обеспеченным лицам, что не позволяет им предоставить такое заключение.

Решение о том, что здание следует признать непригодным для проживания принимается комиссией посредством проведения голосования, что является сомнительным, поскольку объективное решение уже имеет место быть в исследованиях и расчетах специализиро-

ванной организации. Нет необходимости в голосовании, так как техническая оценка состояния здания уже дана специалистами. По нашему мнению, законодатель должен принять критерии, позволяющие избежать голосования.

Стороны, которые имеют заинтересованность в изменении правового режима жилого помещения могут обратиться в суд для того, чтобы оспорить решение уполномоченных органов любого уровня и определение о том, в каком состоянии находится здание.

Обратим внимание на то обстоятельство, что право на жилье является конституционным правом человека и методы правового регулирования, направленные на порядок изменения правового режима жилого помещения имеют важнейшее значение для защиты и гарантий данного права.

Таким образом, изучение законодательства, касающегося изменения правового режима жилого помещения, указывает на необходимость его развития.

Литература:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации /Федеральный закон от 29 декабря 2004 № 188-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (часть 1); ст. 14; 2025. — № 26 (часть I); ст. 3511.
2. Федеральный закон от 19 декабря 2023 № 608-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 52. — Ст. 9521.
3. Постановление Правительства РФ от 28 января 2006 № 47 (ред. от 19.10.2024) «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 6. — Ст. 702; 2024. — № 44. — Ст. 6614.

Понятие и признаки искусственного интеллекта: эволюция научной мысли

Буздов Тембулат Мухарбиевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Лопашенко Наталья Александровна, доктор юридических наук, профессор

Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются предпосылки становления искусственного интеллекта, а также акцентируется внимание на отсутствии понятие «искусственный интеллект» в действующем законодательстве. Автор анализирует применяемые подходы к формированию термина «искусственный интеллект» и выделяет его ключевые признаки. В результате исследования выдвигается собственная дефиниция искусственного интеллекта.

Ключевые слова: интеллект, естественный интеллект, интеллектуальная система, искусственный интеллект, когнитивные функции.

Искусственный интеллект представляет собой один из ключевых феноменов XXI века, оказывающий значительное влияние на все сферы человеческой деятельности (например, политика [4, с. 33], медицина [6, с. 2146–2148], образование [3, с. 78–80], и т. д.) но в современном мире искусственный интеллект воспринимается не всегда корректно, что во многом обусловлено рядом факторов.

Во-первых, никогда ранее в истории человечества объем информации не возрастал с такой стремитель-

ностью, произошел так называемый информационный взрыв на тему искусственный интеллект, но мало тех граждан, который смогут объяснить, что понимается под термином «искусственный интеллект», так согласно данным исследований, проведенных Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации (АЦ) и Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), лишь 29 % респондентов смогли дать определение искусственного интеллекта [7].

Во-вторых, понятие искусственного интеллекта до сих пор не закреплено на законодательном уровне, что порождает неопределенность в правоприменении. Так как отсутствует единая дефиниция искусственного интеллекта на фоне стремительного развития данной технологии и его внедрения в повседневную жизнь, поэтому необходимо адаптировать существующие правовые нормы и разработать новые подходы, которые обеспечат защиту прав и свобод граждан, а также эффективно регламентируют деятельность отношений, где присутствует искусственный интеллект.

Предпосылки к появлению искусственного интеллекта были заложены в фундаментальном труде Алана Тьюринга «Вычислительные машины и разум», который был опубликован в 1950 году, где описывается его концепция, известная под названием «тест Тьюринга» [14, с. 433–434]. Предложенный Аланом Тьюрингом тест представляет собой метод оценки способности машины проявлять разумное поведение, неотличимое от человеческого. В ходе теста наблюдатель взаимодействует с машиной и человеком через текстовый интерфейс и должен определить, кто из них является машиной, а кто человек, основываясь только на получаемых ответах, и, если машина может скрыть свое происхождение, то считается, что эта машина успешно прошла тест.

Но человеком, который ввел официально в научное общество термин «искусственный интеллект» является Джон Маккарти на конференции, которая прошла в 1956 году в Дартмутском колледже [10]. Под искусственным интеллектом Джон Маккарти понимал «науку и технологию создания умных машин, особенно умных компьютерных программ...» [13, с. 2].

Как мы упоминали выше, понятие «искусственный интеллект» в настоящее время не закреплено в законодательстве, но существует Указ Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», в котором закреплено определение искусственного интеллекта. В соответствии с этим Указом под искусственным интеллектом подразумевается: «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их...» [1, пп. «а» п. 5].

В настоящее время данное определение в полной мере характеризует искусственный интеллект «сегодняшнего дня», за исключением того, что в нем утверждается, что любая на сегодняшний день интеллектуальная система обладает всеми когнитивными функциями человека, но данный признак является, хоть и не в полной мере, но ошибочным, тогда как на самом деле каждая из систем искусственного интеллекта имитируют лишь ограниченное количество когнитивных функций.

Разработка определения искусственного интеллекта также находится в сфере интересов правовой доктрины.

Так, например, И. Р. Бегишев и З. И. Хисамов предлагают следующую дефиницию: «Искусственный интеллект — когнитивно-интеллектуальная и адаптивно-автономная система, наделенная способностями к осознанно-волевому поведению, позволяющую имитировать деятельность нейронов и нейронных сетей человеческого мозга посредством обработки информации, поступающей из окружающей среды» [2, с. 25].

По мнению П. М. Морхата: «Искусственный интеллект — автономный комплекс программных или программно-аппаратных средств (юнит) с человеко-компьютерным интерфейсом, представляющий собой виртуальную вычислительную систему или оснащённую средствами «технического» зрения и средствами непосредственного самостоятельного взаимодействия с физической реальностью и с цифровой реальностью, с программно-технически и математически эмулированными и обеспеченными способностями биоподобных когнитивных и антропоморфно-интеллектуальных речемыслительных действий, обучения и самообучения, самоорганизации и самотестирования, творческой деятельности, в том числе на основе накопленных и «исторических» данных и данных мониторинга» [9, с. 28–29].

И. А. Каляев утверждает, что «искусственный интеллект — это свойство искусственных систем решать интеллектуальные задачи, для которых отсутствует алгоритм решения» [8, с. 9].

М. Г. Щербаков под термином искусственный интеллект понимает «человекоподобную систему, имитирующую деятельность человека» [12, с. 74].

В процессе анализа различных дефиниций, предложенных различными авторами, можно заметить, что они опираются на один из двух известных подходов в области искусственного интеллекта: нисходящий или восходящий.

Нисходящий подход в искусственном интеллекте основывается на предположении, что для выполнения осмысленных действий в физической системе необходимы механизмы символьных вычислений (к примерам этого подхода относятся экспертные системы, системы поддержки принятия решений и базы знаний). Восходящий подход, напротив, предполагает возможность моделирования низкоуровневых процессов, происходящих в человеческом мозге (например, искусственные нейронные сети, эволюционные вычисления и биокомпьютинг) [5, с. 52–53].

На наш взгляд, комплексный подход (восходящего и нисходящего подхода) к формулированию понятия искусственного интеллекта представляет собой наиболее продуктивный способ решения существующей проблемы отсутствия общепринятого определения в научной среде. Так как такой подход будет учитывать не только функции, связанные с человеческим мышлением, но и аспекты, касающиеся его поведения.

При определении искусственного интеллекта существует иная проблема: некоторые авторы отождествляют

понятия «искусственный интеллект» и «робот» [11]. Опровергая такую взаимозаменяемость понятий, можно выделить несколько ключевых различий. Во-первых, роботы имеют лишь одну форму существования — киберфизическую. Во-вторых, их исходные алгоритмы могут модифицироваться только путём добавления новых алгоритмов человеком, что исключает возможность самосовершенствования. В отличие от этого, искусственный интеллект может существовать как в киберфизической, так и в виртуальной форме, и имеет встроенные механизмы в своём алгоритме для самосовершенствования.

Как утверждает Пей Ванг, «Искусственный интеллект не должен быть определен посредством узкого подхода к пониманию, который рассматривает человеческий интеллект как единственно возможный. В то же время искусственный интеллект не следует воспринимать слишком широко, так что все компьютерные системы оказываются в рамках интеллектуальных» [15, с. 370–371].

То есть высказывание Пей Ванга наталкивает на следующее умозаключение, при определении искусственного интеллекта необходимо руководствоваться рядом критериев. Во-первых, не каждая интеллектуальная система обладает когнитивными функциями, и их следует различать; во-вторых, искусственный интеллект должен включать все функции естественного интеллекта, такие как аргументация, принятие решений, рефлексия и самосовершенствование (например, изменения в системе

знаний в зависимости от условий окружающей среды и интеграция знаний), а также важными признаками являются характеристики автономности и автоматизации, которые могут быть присущи как интеллектуальным системам, так и системам, не использующим искусственный интеллект.

Таким образом, если объединить все признаки, присущие искусственному интеллекту в современном понимании, то определение можно сформулировать следующим образом, искусственный интеллект представляет собой систему, способную выполнять специализированные задачи в конкретной области жизнедеятельности человека, связанные с обработкой информации, анализом данных, их хранением и автоматизацией процессов на основе алгоритмов и моделей, эмулирующих отдельные спектры человеческих когнитивных функций.

Однако, если говорить о понимании искусственного интеллекта «завтрашнего дня», то под ним подразумевается автономная, антропоморфная система, обладающая способностью анализировать данные, обучаться, принимать решения и взаимодействовать с окружающей средой на основании математических моделей, которые эмулируют человеческие когнитивные функции, включая запоминание информации, рассуждение и процесс самосовершенствования, имитируя не только поведенческие и мыслительные способности, аналогичные человеческим, но и превосходящие их.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2019. — № 41. — Ст. 5700.
2. Бегишев, И. Р. Искусственный интеллект и уголовный закон / И. Р. Бегишев, З. И. Хисамова // М.: Проспект. — 2022. — С. 192.
3. Букина, Т. В. Искусственный интеллект в образовании: современное состояние и перспективы развития / Т. В. Букина // Общество: социология, психология, педагогика. — 2025. — № 1 (129). — С. 76–83. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80262603> (дата обращения: 02.07.2025).
4. Дик, С. К. Искусственный интеллект в политике и идеологии / С. К. Дик // BIG DATA и анализ высокого уровня: сборник научных статей X Международной научно-практической конференции, Минск, 13 марта 2024 г.: в 2 ч. Ч. 1 / Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники; редкол.: В. А. Богущ [и др.]. — Минск, 2024. — С. 32–36. URL: <https://libeldoc.bsuir.by/handle/123456789/54741> (дата обращения: 02.07.2025).
5. Душкин Р. В., Андронов М. Г. Гибридная схема построения искусственных интеллектуальных систем // Кибернетика и программирование. — 2019. — № 4. — С. 51–58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnaya-shema-postroeniya-iskusstvennyh-intellektualnyh-sistem/viewer> (дата обращения: 02.07.2025).
6. Искусственный интеллект: особенности применения в медицине / К. А. Мызрова, Э. А. Туганова, М. М. Хисматуллин, Г. М. Низамутдинова // Креативная экономика. — 2024. — Т. 18, № 8. — С. 2141–2152. URL: <https://1economic.ru/lib/121399> (дата обращения: 02.07.2025).
7. Искусственный интеллект: угроза или возможность? // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyj-intellekt-ugroza-ili-vozmozhnost> (дата обращения: 02.07.2025).
8. Каляев, И. А. Искусственный интеллект: камо грядеши? / И. А. Каляев // Экономические стратегии. — 2019. — Т. 21, № 5 (163). — С. 6–15. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41141795> (дата обращения: 02.07.2025).
9. Морхат, П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора юридических наук.

наук / Морхат Петр Мечиславович; Российская государственная академия интеллектуальной собственности. — Москва, 2018. — Место защиты: Российская государственная академия интеллектуальной собственности. С. 44. URL: <https://crimescience.ru/wp-content/uploads/2016/07/Автореферат-Интеллектуальное-право.pdf> (дата обращения: 02.07.2025).

10. Нейросети: краткая история // Библиотека программиста. URL: <https://proglab.io/p/iskusstvennyy-intellekt-kratkaya-istoriya-2023-11-16> (дата обращения: 02.07.2025).
11. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой // Москва: Проспект. — 2020.
12. Щербаков, М. Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта: постановка проблемы / М. Г. Щербаков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2019. — Т. 5 (71), № 3. — С. 73–81. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41327168> (дата обращения: 02.07.2025).
13. McCarthy, J. What is Artificial Intelligence? (1998). — P. 15. URL: <https://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai.pdf> (дата обращения: 02.07.2025).
14. Turing, A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind. New Series. — Vol. 59. — No. 236 (Oct., 1950). — PP. 433–460. URL: <https://phil415.pbworks.com/f/TuringComputing.pdf> (дата обращения: 02.07.2025).
15. Wang, P. (2008). What Do You Mean by «AI»? Conference Paper in Frontiers in Artificial Intelligence and Applications. — 2008. — PP. 369–370. URL: https://www.researchgate.net/publication/262357941_What_Do_You_Mean_by_AI (дата обращения: 02.07.2025).

Проблема судебной защиты жилищных прав в делах о банкротстве

Диас Суарес Ольга Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Яхина Юлия Харисовна, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует проблему судебной защиты жилищных прав на объект недвижимости, обременённый ипотекой в делах о банкротстве.

Ключевые слова: банкротство, обеспечение, ипотека, кредитор, единственное жилье, должник, реестр требований кредитора, конкурсная масса.

Проблема судебной защиты жилищных прав в делах о банкротстве в настоящее время актуальна по причине высокой стоимости жилья, высокого уровня процентных ставок, и зачастую объекты недвижимости в делах банкротстве являются предметом ипотечного залога и также являются единственным жильем у социально незащищенного слоя населения, а именно многодетных семей, семей, имеющих детей инвалида, и экономическая обстановка в стране является единственным способом финансового оздоровления населения. В связи с этим появляется проблема защиты в судебном споре многодетных семей, несовершеннолетних граждан, семей, имеющих детей инвалида в арбитражных спорах о банкротстве, так как возникает риск лишения единственного жилья и нарушения жилищных прав граждан.

В данной статье проанализируем спорные ситуации, связанные с ипотечными квартирами в спорах о банкротстве, проблему защиты жилищных прав и правовые механизмы восстановления жилищных прав. К Спорным ситуациям, связанным с ипотечными квартирами в спорах о банкротстве применяются абзац 2 часть 1 статьи 50 Закона об ипотеке и вопрос 1 Обзора судебной практики, утв. Президиумом ВС РФ 27.11.2019.

Рассмотрим первую проблему защиты жилищных прав при банкротстве солидарного созаемщика. Судебная практика показывает, что в процессе банкротства одного из солидарных созаемщиков основного заемщика — банкротом обращается взыскание и реализуется в целом объект ипотеки с возмещением компенсации другому созаемщику денежных средств соразмерно его доле, в случае отсутствия в закладной условий об обеспечении пропорционально долям. Судебная практика по вышеописанной проблеме нашла свое отражение в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.09.2019 N Ф04-4108/2019 по делу N А03-17358/2017, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.09.2023 N 09АП-51843/2023 по делу N А40-230136/2022, Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.07.2023 N 18АП-6303/2023 по делу N А76-27456/2022, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 12.07.2018 N Ф06-34829/2018 по делу N А55-3907/2017, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.09.2019 N Ф04-4108/2019 по делу N А03-17358/2017.

Например, в одном деле о банкротстве от должника поступило заявление от кредитора о включении в реестр

требований кредиторов должника требования, как обеспеченного залогом имущества должника — квартиры. При рассмотрении спора суд установил, что кредитор и должник заключили ипотечный договор о предоставлении кредитных денежных средств на приобретение жилого помещения, которая являлась обеспечением исполнения обязательств заемщиков по кредитному договору. Также судом было установлено, что должник и созаемщик являются солидарными созаемщиками и несут солидарную ответственность по погашению суммы ипотечного кредита и уплате процентов, и закладная не содержит каких-либо условий об обеспечении заемных обязательств соразмерно доле принадлежащим им в праве собственности на квартиру. Судом апелляционной инстанций было обоснованно отклонено возражение должника-банкрота относительно ущемления его жилищных прав установлением требования в реестре требований кредиторов должника как обеспеченного залогом всего объекта недвижимого имущества. Процедура возбуждения дела о банкротстве только лишь в отношении одного из созаемщиков и залогодателя не исключила возможности обращения взыскания и продажи ипотечной квартиры, являющейся единственным жильем у должника, в целом в составе конкурсной массы должника в порядке, предусмотренном Законом о банкротстве, с последующим возмещением другому заемщику денежных средств пропорционально его доле.

Таким образом, с целью защиты жилищных прав созаемщиков в делах о банкротстве необходимо обязательное наличие условий в закладной о об обеспечении заемных обязательств соразмерно доле принадлежащим им в праве собственности на квартиру.

Судебная практика по разрешению спорных ситуаций по исключению из конкурсной массы в делах о банкротстве физического лица жилого помещения, обремененного ипотекой и являющегося единственным жильем очень неоднозначная.

Имеется судебная практика, когда жилое помещение, обремененное ипотекой, которое является единственным жильем было исключено из конкурсной массы и также было отказано в исключении из конкурсной массы объекта недвижимости, что связано в первую очередь с тем, какую долю составляет размер задолженности по ипотеке

в общей рыночной стоимости квартиры, больше пяти процентов или меньше.

Например, Определением Арбитражного суда было возбуждено производство по делу о признании индивидуального предпринимателя должника банкротом. Должника признали банкротом, в отношении которого была введена процедура реализации имущества гражданина. Супруги обратились в суд с ходатайством об исключении из конкурсной массы должника залогового жилого дома и земельного участка, обремененных ипотекой в силу закона.

Банк обратил взыскание на квартиру, заложенную по договору об ипотеке, для удовлетворения за счет этого имущества требований, включенных в реестр требований кредиторов, при этом сам по себе факт наличия у гражданина-должника жилого помещения, являющегося для него и членов его семьи единственным пригодным для постоянного проживания, не препятствует обращению взыскания на него в деле о банкротстве, если оно обременено ипотекой. Суды пришли к обоснованному выводу, что земельный участок и расположенный на нем жилой дом не подлежат исключению из конкурсной массы.

В случае если квартира, обремененная ипотекой, является единственным жильем и размер требований незначительный и есть иное имущество для погашения требований кредиторов, жилое помещение суды могут исключить из конкурсной массы, о чем свидетельствует судебная практика, отраженная в Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22.11.2021 N Ф01-6421/2021 по делу N А43-45074/2018, Постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 10.10.2023 N Ф03-4389/2023 по делу N А73-20564/2022.

Таким образом, если задолженность перед кредитором по ипотеке незначительная и должник добросовестно выполнял до банкротства свои кредитные обязательства, то суды исключают единственное жилье из конкурсной массы и не обращают взыскание на ипотечное жилье.

С целью защиты жилищных прав при делах о банкротстве судам необходимо объективно выяснять все обстоятельства по делу и давать правовую оценку действиям добросовестности должника и размеру задолженности по ипотечному кредиту.

Особенности современного управления органами внутренних дел

Донецкая Снежана Владимировна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор рассматривает ключевые особенности управления органами внутренних дел (ОВД) Российской Федерации. Особое внимание уделено вопросам профессионализации кадров, внедрению инновационных методов работы, повышению эффективности использования ресурсов, а также роли межведомственного взаимодействия и международного сотрудничества.

Ключевые слова: органы внутренних дел, система управления, правоохранительная деятельность, управление органами внутренних дел.

Неотъемлемой частью системы управления государством является деятельность органов внутренних дел (далее — ОВД), которая направлена на обеспечение правопорядка, защиту прав и свобод граждан, противодействие преступности и иным правонарушениям. В динамично изменяющемся мире управление ОВД претерпевает ряд существенных трансформаций: деятельность правоохранительных органов должна быть не только эффективной и результативной, но и гибкой, адаптивной и ориентированной на результат.

Правовую основу деятельности органов внутренних дел Российской Федерации составляют:

- Конституция Российской Федерации. Гарантирует права и свободы граждан, являющиеся объектом защиты со стороны ОВД.
- Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» определяет цели, задачи, принципы деятельности полиции, права и обязанности сотрудников, а также порядок применения мер принуждения.
- Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» регулирует вопросы прохождения службы в ОВД, включая прием на службу, аттестацию, дисциплинарную ответственность, пенсионное обеспечение.
- Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 250 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» направлен на повышение эффективности работы ОВД, включая их реструктуризацию и модернизацию.
- Постановления Правительства Российской Федерации и ведомственные нормативные акты МВД России, которые детализируют положения федеральных законов и регламентируют конкретные аспекты деятельности ОВД.

Ключевыми особенностями современного управления ОВД являются:

1. Стратегический подход к управлению и планированию.

Современное управление ОВД характеризуется переходом от оперативного реагирования к долгосрочному стратегическому планированию. Разрабатываются и реализуются государственные программы, направленные

на повышение эффективности правоохранительной деятельности, снижение уровня преступности, улучшение общественного доверия к ОВД. Примером может служить Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 26.06.2015 № 635 (в ред. от 27.02.2024). Эта программа определяет приоритетные направления развития, целевые показатели и механизмы их достижения.

2. Цифровизация и информационные технологии

Цифровые технологии существенно облегчают организацию работы ОВД. Это включает в себя:

- системы видеонаблюдения с использованием системы распознавания лиц, автоматического детектирования правонарушений;
- электронный документооборот;
- информационные системы учёта и анализа, в том числе создание единых баз данных;
- цифровые сервисы для граждан (например, развитие онлайн-сервисов для подачи заявлений, получения справок и т. д.).

3. Профессионализм и развитие кадрового потенциала.

Ключевым фактором эффективности ОВД является высокий уровень профессиональной подготовки и компетентности сотрудников. Современное управление уделяет повышенное внимание:

- непрерывному обучению и повышению квалификации, актуализация знаний и навыков сотрудников в соответствии с изменяющимися вызовами и угрозами;
- формирование управленческих компетенций на всех уровнях
- создание системы, поощряющей высокую результативность и добросовестное исполнение обязанностей;
- воспитание приверженности служебным ценностям, принципам законности и справедливости.

4. Управление, ориентированное на граждан

Выстраивание доверительных отношений с населением — одна из основных задач работы ОВД. Это может проявляться в:

- повышении открытости и прозрачности деятельности, которой можно достичь при помощи публикации

информации о работе органов, а также в предоставлении доступа к статистическим данным (например, публикация пресс-релиза о снижении уровня преступности)

- реализации принципа «полиция на службе народа»;
- учёте общественного мнения, например, сбор обратной связи по работе подразделений.

5. Адаптация к новым угрозам и вызовам

Сотрудники ОВД должны быть готовы противодействовать широкому спектру угроз, включая:

- развитие специализированных подразделений и использование современных методов борьбы с онлайн-мошенничеством, кражей данных и т. д.;
- профилактика, выявление и пресечение деятельности экстремистских и террористических организаций;
- борьба с транснациональной преступностью, наркотрафиком, незаконным оборотом оружия;

– противодействие нарушениям природоохранного законодательства.

Современное управление органами внутренних дел — это сложный и многогранный процесс, требующий постоянного совершенствования и адаптации к меняющимся условиям. Интеграция цифровых технологий, стратегическое планирование, развитие человеческого капитала, эффективное межведомственное взаимодействие и ориентация на гражданина являются ключевыми направлениями, определяющими успешность деятельности ОВД по обеспечению общественной безопасности и правопорядка в Российской Федерации. Дальнейшее развитие системы управления будет зависеть от способности ОВД своевременно реагировать на новые вызовы, внедрять инновационные подходы и поддерживать высокий уровень доверия со стороны общества.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) от 12.12.1993 // Официальный интернет-портал правовой информации
2. Постановление Правительства Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» от 26.06.2015 (в ред. от 27.02.2024) № 635 // Официальный интернет-портал правовой информации
3. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» от 1 марта 2011 г. № 250 // Официальный интернет-портал правовой информации
4. Федеральный закон «О полиции» (последняя редакция) от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации

Право, применимое к акционерным соглашениям в России и Англии

Жукова Анастасия Михайловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Скачков Никита Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье автор исследует особенности процедуры выбора применимого к акционерному соглашению права в России и Англии.

Ключевые слова: акционерное соглашение, акционерное общество, акционеры, гражданское право, применимое право

Выбор права, подлежащего применению, вносит весомый вклад в формирование договорных отношений. Особенно если правоотношения на самом деле обременены иностранным элементом. Под выбором подлежащего применению права подразумевается принимаемое решение сторон договора о том, какой национальный закон, какая территориальная юрисдикция значимы для регламентации правоотношений, в том числе и при разрешении споров.

В российском законодательстве выбор применимого права регулируется нормами международного частного права, в том числе ст. 1210 Гражданского кодекса РФ. В случае, когда стороны не достигают соглашения о применимом праве, оно определяется в соответствии с коллизионными нормами.

В случае, если в акционерном соглашении отсутствуют условия о применимом праве, но в условиях договора отсылки на конкретные нормы законодательства какой-либо страны все — таки есть, то при возникновении спора они могут быть расценены судом как подразумеваемое соглашение о выборе применимого права.

Процесс определения применимого права должен основываться на ряде ключевых принципов, включая автономию воли сторон, возможность выбора права для отдельных положений договора, принцип условного соглашения, а также принцип выбора нейтрального права — права юрисдикции, не связанной напрямую ни с договором, ни с его участниками. Вместе с тем, принцип автономии воли сторон не совсем подходит для установ-

ления пределов применения акционерных соглашений. В данном случае необходим подход, юридически воздействующий с большей императивностью, когда закрепление сразу приобретет институциональный эффект.

В ситуации, когда существует тесная связь с двумя юрисдикциями, приоритет отдается той юрисдикции, с которой есть наиболее тесная связь. В этой связи есть ряд обстоятельств, которые могут свидетельствовать о более тесной связи соглашения с правом конкретной юрисдикции: 1) место заключения и исполнения договора; 2) место нарушения обязательств; 3) место ведения бизнеса.

Кроме того, необходимо отметить, что в соответствии со ст. 1214 и 1202 ГК РФ, выбор права, подлежащего применению не может затрагивать следующие вопросы: 1) статус организации; 2) организационно-правовую форму; 3) требования к наименованию юридического лица; 4) вопросы создания, реорганизации и ликвидации юридического лица, в том числе вопросы, связанные с правопреемством; 5) содержание правоспособности юридического лица; 6) порядок приобретения юридическим лицом гражданских прав и принятия гражданских обязанностей; 7) внутренние отношения, включая отношения юридического лица с его участниками; 8) способность юридического лица отвечать по своим обязательствам; 9) вопросы, касающиеся ответственности учредителей (участников) юридического лица по обязательствам.

Выбор применимого к акционерному соглашению права оформляется в виде прямо выраженного указания на него — оно может быть выражено как в самом тексте соглашения в видео оговорки, так и быть оформлено отдельным соглашением. Акционер, очевидно, оценит то множество преимуществ в приверженности свободе договора, выбери он английское право.

В России взгляды на вопросы применимого к акционерному соглашению права различны. Все-таки стоит отметить, что Россия относится к романо-германской правовой семье, отличительной чертой которой является ключевая роль законов, в которых досконально прописывается порядок определения применимого права. Англия же, принадлежащая к англосаксонской правовой семье, отдает законам лишь второстепенную роль, а главенствующее место занимает прецедентное право.

Говоря о порядке определения применимого права в Англии также нельзя не упомянуть содержание Регламента (ЕС) № 593/2008 о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Регламент Рим I»), в соответствии с которым стороны могут договориться об изменении применимого законодательства, а также о том, чтобы разные законы регулировали разные части соглашения. Сфера действия регламента ограничена — из нее выпадают вопросы, связанные со статусом и правоспособностью физических лиц, обязательства, вытекающие из оборота ценных бумаг и другие. Тем не менее, для британских законов отсылка к Регламенту Рим I — возможность пояснить, что представляет собой такое понятие как «характерное исполнение контракта». Так же следуя

Регламенту Рим I правоприменители Соединенного королевства предотвращают нелицеприятные случаи, когда стороны выбирают другое право, лишь, чтобы отойти от положений Закона о несправедливых договорных условиях 1977 г.

Еще одно различие касается отношения к форме договора. Российское право предписывает, что большинство договоров заключается в письменной форме, что позволяет зафиксировать все условия и минимизировать количество недоразумений. В английском праве многие договоры могут быть заключены и считаться действительными, даже если они не оформлены письменно.

Стороны акционерного соглашения могут договориться о том, в соответствии с каким правом будут регулироваться эти правоотношения. Если выбрано российское право, то соглашение будет регулироваться Гражданским кодексом РФ, а также иными российскими законами [1]. Если же в качестве применимого выбрано английское право, то в дело вступают национальные законы Великобритании.

По английскому праву применимое право выбирается сторонами и этот выбор имеет прямое выражение, но если выбор сторонами не сделан, соглашение автоматически регулируется правом той страны, с которой оно наиболее тесно связано [2].

В современных реалиях стороны акционерного соглашения, выбирая между российским и английским правом, учитывают такие факторы как надежность, место рассмотрения спора и финансовая составляющая.

Относительно надежности отмечают то, что английское право кажется более определенным и предсказуемым за счет возраста английской правовой системы, а также того, что большинство правовых конструкций в ней используются уже на протяжении многих веков, чего на данный момент нельзя сказать о России, в которой отсутствует единообразная судебная практика по поводу различных договорных инструментов.

Применимое к соглашению право взаимосвязано с местом, где будет рассмотрен спор, который вытекает из возникших правоотношений. В ряде соглашений применение иностранного права может не иметь практического смысла, ведь, например, российский суд будет долго рассматривать спор по иностранному праву и само его присутствие минимизирует определенность в исходе дела.

Что касается финансового вопроса, не будет лишним отметить, что соглашение, в котором в качестве применимого права указано английское, будет связано с более высокими расходами, вовлечением большого количества юристов, а также может потребоваться перевод документов, связанных с соглашением, на русский язык. Всё это многократно усложнит имеющиеся правоотношения.

Однако для каждой конкретной ситуации сторонам акционерного соглашения может быть целесообразно, в зависимости от обстоятельств, как российское, так и английское право в качестве применимого к их правоотношениям.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // «Российская газета», N 233, 28.11.2001,
2. Contracts (Applicable Law) Act 1990.

Роль и правовая природа частных субъектов (физических и юридических лиц) в формировании и применении норм международного частного права в контексте договора международной купли-продажи

Зарипов Ильнур Ринатович, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье автор исследует правовую природу и правовой статус субъектов международного частного права, в частности вопросы гражданской правосубъектности физических и юридических лиц при осуществлении международных торговых (договорных) отношений. Он анализирует источники регулирования (внутреннее право, международные договоры), коллизионные правила (lex patriae, lex domicilii и проч.), особенности определения личного закона и личного статуса юридических лиц (инкорпорация, оседлость, центр эксплуатации), а также необходимость систематизации и гармонизации правовых понятий и категорий, применяемых при регулировании частных субъектов в международном частном праве.

Ключевые слова: глобализация экономики, международные торговые отношения, правовое поле, договор.

Одним из признаков современной экономики является ее глобализация, а это считается основанием для усложнения видов взаимодействия между участниками международных торговых отношений, а также механизма регламентации в правовом поле. Базовым элементом в регулировании реализации международных торговых операций, осуществляемых между юридическими лицами — резидентами разных стран, является договор.

Вне зависимости от того, что в нашем мире количество и роль сделок с участием иностранных субъектов, постоянно возрастает, в действующем научном правовом поле нет определения и легального толкования понятий, являющихся элементами отношений, возникающих в рамках международного частного права. В связи с этим имеется потребность систематизировать и гармонизировать положения правовых актов, направленных на регулирование положения частных субъектов и определении их роли в формировании и применении норм международного частного права.

Несмотря на то, что реформирование гражданско-правовой отрасли в России идет быстрыми темпами и вводятся новые понятия и институты, вопросы с применением совокупности понятий и определений, категорий относительно особенностей частных субъектов в международном частном праве, становятся еще более запутанной и требует разъяснения.

Среди субъектов международного частного права можно выделить физических и юридических лиц, пра-

вовое положение которых определяется правом страны гражданства физического лица или личным статутом юридического лица.

По мнению Блинова Ю. В. правовая составляющая юридического лица сосредотачивает в себе финансовые и экономические средства. Юридическое лицо отличается от физического тем, что имущество юридического лица обособлено от имущества его учредителей. [3, с. 12.]

По сути, субъект права — это лица (как физические, так и юридические), которые наделены волей и включены в совокупность социальных отношений. В связи с чем можно сказать, что содержание правосубъектности отражается в волевой способности лица, которой объясняется возможность его участия как самостоятельного, так и через иных лиц, в правоотношениях. [5, с. 121]

Таким образом, формально, правосубъектность — это правовая способность лица определенного объема, выраженная в форме правоспособности и дееспособности. Исходя из этого, можно сказать, что сами правоспособность и дееспособность — это установленные правовые формы, в которых и закреплена способность человека действовать в тот или иной момент времени.

Если говорить о юридическом лице, то в данном случае, нет необходимости говорить о разделении правоспособности и дееспособности, потому как согласно гражданскому законодательству любое юридическое лицо, обладающее правоспособностью обязательно дееспособно.

Примечательно, что выделяют несколько типов гражданской правосубъектности, ставящиеся в зависимость

от правовой формы волевой способности. К таковым относятся:

- полный тип правосубъектности. В данном случае имеется в виду правосубъектность лиц, достигших совершеннолетия, лиц, которые вступили в брак до достижения 18-летнего возраста, несовершеннолетних, которые эмансипированы, юридических лиц.

- неполные типы гражданской правосубъектности. Сюда относят правоспособность тех физических лиц, обладающих частичной, ограниченной дееспособностью, лиц, правосубъектность которых была ограничена судом.

При этом в отличие от конструкций динамической правоспособности, правового модуля и т. п. тип правосубъектности не зависит от конкретных отношений, в которых находится соответствующий субъект, т. е. в данном случае правосубъектность рассматривается как сугубо статичное явление, имеющее место в каждый отдельный момент времени.

На основании чего можно сказать, что категория правосубъектности — это ни что иное как совокупность воли в виде содержания социального характера и праводееспособности в виде правового содержания.

Таким образом, сделаем вывод, что гражданская правосубъектность — это облеченная в правовую оболочку волевая способность лиц, т. е. признанная правопорядком способность юридически значимого проявления воли в области регулируемых цивилистической отраслью имущественных отношений. [4, с. 80]

В международном праве может быть такое, что частные субъекты имеют больший объем правоспособности, предоставленный им законодательством государства их гражданства, но, находясь на территории иностранного государства они не могут ссылаться на него, поскольку правоспособность лица, определяется законодательством местонахождения субъекта.

Специфика всех сделок международного характера в том, что правовая регламентация таковых состоит из норм внутреннего права государств-участников, а также норм международных договоров, которые ратифицированы странами, к которым принадлежат стороны договорных отношений. В том случае, если возникает спорная ситуация в ходе заключения и исполнения договора в рамках международного частного права, то нужно опираться на систему источников в определенном порядке. Так, если имеется международный договор, в котором есть нормы материального унифицированного характера, которые могут быть применены к тем или иным вопросам, то договор будет регламентироваться именно положениями данного договора.

Так, согласно положениям Конституции РФ [1] общепризнанные нормы и принципы международного права и международные договоры признаются частью правовой системы страны. Все ратифицированные международно-правовые акты имеют высшую силу в Российской Федерации и приоритет над внутренним законодательством.

В России используется система, основанная на принципах *lex patriae*, то есть закон гражданства и *lex domicilii*, означающий закон места жительства.

Согласно действующему российскому законодательству при установлении личного закона физического лица, используются такие правила, как:

- следует исходить из того, гражданством какой страны обладает лицо, право этого государства признается в качестве личного закона лица;

- гражданин РФ, обладающий двойным гражданством в качестве личного закона, имеет российское право;

- иностранный гражданин, проживающий на постоянной основе на территории РФ в качестве личного закона использует российское право;

- личным законом лица без гражданства считается право страны, где он проживает на постоянной основе;

- гражданин, который имеет более двух гражданств, то личным законом страны данного лица считается право страны его постоянного места проживания;

- при установлении личного закона страны беженца, таковым является право страны, предоставившей лицу убежище.

Коллизионная норма российского права определяет, что личный закон физического лица определяет его гражданскую правосубъектность.

Юридические лица, как субъекты международного частного права также определяют правосубъектность на основании личного закона или статута. Личный статут юридического лица определяет базовые юридические критерии данного участника правоотношений, с его помощью выявляется принадлежность субъекта к категории юридическое лицо, конкретизируются полномочия, объем правосубъектности, виды, права и обязанности органов, пределы ответственности и иные.

Международное частное право определяет личный статут юридического лица на основании таких теорий, как:

- инкорпорации, когда личный статут юридического лица устанавливается исходя из места его государственной регистрации;

- оседлости, при которой личный статут устанавливается по месту нахождения органов управления юридического лица;

- центра эксплуатации — личный статут установлен по законодательству страны, где фактически реализуется хозяйственная деятельность юридического лица.

В РФ гражданское законодательство определяет личный статут юридического лица. В частности, законодатель в п. 1 ст. 1202 ГК РФ [2] закрепил, что личным законом юридического лица считается право страны, где оно было учреждено. На основе указанного принципа решается вопрос относительно личного статута иностранной организации, если таковая не относится к категории юридических лиц по иностранному праву. Исходя из этого, можно сделать вывод, что в РФ действует теория инкорпорации при установлении личного статута юридического лица. [6, с. 136]

Таким образом, можно сделать вывод, что правовое положение юридического лица является той областью коллизионной регламентации, где автономия воли сторон не работает.

На основании анализа действующего гражданского законодательства можно выделить среди всех сделок, в которых могут участвовать физические и юридические лица, те, которые осложнены иностранным элементом и сделки без такового. То есть разделить все сделки на внутренние и международные. Внутренние сделки попадают под регламентацию раздела VI части третьей ГК РФ. Тогда как международные сделки регламентируются нормами иностранного права, положениями торговых обычаев, международных договоров. Субъектами, рассматривающими споры по указанным кате-

гориям обязательств, рассматриваются судами РФ, иностранными судами и международным коммерческим арбитражем.

Стороны международных сделок все чаще высказываются в пользу негосударственного характера регулирования коммерческих отношений, постепенно отходя от национального права и международных договоров.

Все это указывает на необходимость формирования общих международных норм для того, чтобы установить единый режим регуляции договоров международного характера. Они помогут установить гармоничный режим сотрудничества во внешнеэкономической предпринимательской деятельности с участием субъектов с разной государственной принадлежностью, ускорит механизм заключения и реализации договоров.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с учетом поправок, внесенных 6 октября 2022 г.) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — № 237; [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>, свободный (Дата обращения 03.09. 2025)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья // Федеральный закон от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (с изм. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. — № 49. — Ст. 4552.; 2024. — № 33 (Часть I), Ст. 4933.
3. Блинова Ю. В. Понятийная дистрибуция юридического лица в международном частном праве / Ю. В. Блинова // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. — 2021. — Т. 6., № 1 (11). — С. 12–17.
4. Груздев В. В. Правообразовательные возможности в гражданском обороте // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2013. — № 2. — С. 80–84.
5. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — М., 1998. — 353 с.
6. Яннова Е. В., Бикташева Г. Р., Ахмедьянова Р. Г., Сакаева Э. З. Юридические лица как субъекты международных частных правоотношений // Интерактивная наука. — 2021. — № 5. — С.136–137.

Вина как обязательный элемент состава административного правонарушения

Канкулов Инал Бесланович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена исследованию категории вины в контексте административной ответственности. Автор анализирует правовую природу вины как обязательного элемента состава административного правонарушения, а также рассматривает особенности ее установления и доказательства в рамках административного производства. Освещаются различия между формами вины, а также значение вины при квалификации правонарушений и определении меры ответственности. Особое внимание уделяется вопросам доказательственного стандарта, роли должностных лиц в выявлении субъективной стороны и перспективам законодательного развития в данной сфере.

Ключевые слова: вина, административное правонарушение, ответственность, умысел, неосторожность, правовая оценка, субъективная сторона, производство по делу.

Guilt as a mandatory element of the composition of an administrative offense

The article is devoted to the study of the category of guilt in the context of administrative liability. The author analyzes the legal nature of guilt as a mandatory element of the composition of an administrative offense, and also considers the features of its establishment and proof within the framework of administrative proceedings. The differences between forms of guilt are highlighted, as well as the importance of guilt in qualifying offenses and determining the measure of responsibility. Particular attention is paid to

issues of evidentiary standards, the role of officials in identifying the subjective side, and the prospects for legislative development in this area.

Keywords: *guilt, administrative offense, responsibility, intent, negligence, legal assessment, subjective side, proceedings.*

Современная система административного права Российской Федерации основывается на принципах справедливости, законности и индивидуализации ответственности. Одним из ключевых признаков привлечения к административной ответственности является установление состава правонарушения, обязательным элементом которого выступает вина. Институт вины в административном праве имеет свою специфику, обусловленную как характером правонарушений, так и особенностями производства по делам об административных правонарушениях.

Правильное понимание понятия вины необходимо для обеспечения справедливости правоприменения, минимизации ошибок в процессе квалификации деяний и выбора санкций. Кроме того, в условиях развития автоматизированных систем контроля и фиксации правонарушений возрастает значимость анализа вины как критерия для различения ответственности физических и юридических лиц.

В соответствии с частью 1 статьи 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [1], лицо подлежит ответственности только за те правонарушения, в отношении которых установлена его вина. Таким образом, вина является обязательным элементом состава правонарушения, без наличия которого лицо не может быть привлечено к ответственности.

Вина в административном праве представляет собой отношение лица к совершенному деянию и его последствиям. При этом учитываются такие факторы, как сознание противоправности деяния, предвидение и допущение наступления общественно вредных последствий. Подобное определение сближает административную вину с уголовной, но требует учета специфики административного производства, предполагающего ограниченные возможности установления субъективной стороны.

Кроме того, наличие вины является не только основанием для привлечения к ответственности, но и важным критерием для индивидуализации наказания, принятия решения о возможности применения предупреждения, смягчения или освобождения от ответственности.

Административное законодательство, в отличие от уголовного, не содержит столь развернутой классификации форм вины. Однако на практике применяются категории умысла и неосторожности. Умысел может быть прямым и косвенным. Прямой умысел предполагает, что лицо осознавало противоправный характер своих действий, предвидело наступление последствий и желало их наступления. Косвенный умысел означает, что лицо предвидело последствия, но безразлично относилось к их наступлению.

Неосторожность, в свою очередь, включает легкомыслие и небрежность. При легкомыслии лицо предвидело возможность наступления последствий, но рассчитывало на их предотвращение. При небрежности — не предвидело последствий, хотя при должной внимательности и предусмотрительности могло и должно было их предвидеть.

Стоит отметить, что в ряде случаев формы вины могут быть определены лишь в контексте анализа профессиональных обязанностей правонарушителя. Например, в области транспортных или строительных нарушений виновность может быть оценена через призму специальных знаний и уровня квалификации лица.

Одной из проблем административного процесса является доказуемость субъективной стороны правонарушения. В отличие от уголовного судопроизводства, здесь отсутствует полноценная процедура сбора доказательств, в том числе показаний свидетелей, проведения экспертиз, допросов. Это порождает трудности в установлении умысла или неосторожности.

При рассмотрении дела орган, уполномоченный на составление протокола, а затем и суд, должны оценить обстоятельства, подтверждающие наличие или отсутствие вины, на основе объективных данных: характера действий, поведения лица, наличия предупреждений, предшествующих событий и иных факторов. Однако на практике в ряде случаев презумпция виновности подменяет принцип презумпции невиновности, особенно в массовых делах, фиксируемых автоматизированными системами.

Вопрос установления вины юридических лиц представляет собой особую категорию. Юридическое лицо не может обладать сознанием в прямом смысле, а потому его вина оценивается через призму организационно-правовых условий: наличие внутреннего контроля, системы соблюдения норм, адекватности мер по предотвращению правонарушений. Таким образом, даже при отсутствии вины конкретного должностного лица юридическое лицо может быть признано виновным.

Вина влияет не только на факт привлечения к ответственности, но и на квалификацию правонарушения, а также на выбор меры наказания. Например, при наличии смягчающих обстоятельств, свидетельствующих о меньшей степени вины (например, малозначительность деяния, раскаяние, добровольное устранение последствий), суд может ограничиться минимальной санкцией или вообще освободить от ответственности в порядке статьи 2.9 КоАП РФ [2].

Значение вины также актуально при рецидиве правонарушений. Повторное совершение противоправного деяния может указывать на устойчивую антисоциальную

установку лица, что требует ужесточения санкций. В то же время отсутствие умысла и признание вины способствуют назначению менее строгого наказания.

Следует также отметить, что в некоторых случаях виновность лица может быть опровергнута обстоятельствами, исключающими противоправность деяния. К ним относятся крайняя необходимость, необходимая оборона, исполнение приказа или распоряжения. В таких ситуациях вопрос субъективного отношения теряет правовое значение, поскольку действие изначально признается правомерным.

В условиях автоматизации административного контроля возникает необходимость адаптации правовых механизмов установления вины. Так, развитие интеллектуальных систем видеонаблюдения и фиксации нарушений требует переосмысления стандартов доказательства субъективной стороны.

Кроме того, в законодательной плоскости актуален вопрос о введении института дифференцированной ответственности с учётом уровня вины. Например, закреп-

ление различных градаций санкций в зависимости от умысла или неосторожности может способствовать справедливой индивидуализации наказания.

Также следует развивать правовую и профессиональную подготовку должностных лиц, уполномоченных на возбуждение дел об административных правонарушениях, поскольку от их квалификации зависит корректность оценки вины и соблюдение процессуальных гарантий.

Таким образом, вина является ключевым элементом состава административного правонарушения, без установления которого невозможно правомерное привлечение к ответственности. Ее содержание и формы заимствованы из уголовного права, однако в рамках административного судопроизводства имеют специфические особенности, обусловленные упрощённостью процедур и характером самих правонарушений. Совершенствование механизмов установления вины, в том числе за счёт развития доказательной базы, повышения квалификации уполномоченных лиц является необходимым шагом к повышению справедливости административной юстиции.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

Роль педагога в уголовном судопроизводстве

Коротаева Наталья Геннадьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Туров Сергей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент

Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В статье рассматривается процессуальный статус педагога в уголовном судопроизводстве, а также освещаются исторические данные введения в уголовное процессуальное законодательство статуса педагога.

Ключевые слова: несовершеннолетний, педагог, уголовное судопроизводство, специалист, защита прав несовершеннолетних.

The role of the teacher in criminal proceedings

The article examines the procedural status of a teacher in criminal proceedings, and also highlights the historical data on the introduction of the status of a teacher into criminal procedural legislation.

Keywords: minor, teacher, criminal proceedings, specialist, protection of the rights of minors.

Права ребенка — многочисленная группа прав, которые регулируются не только семейным, но и другими отраслями права, поскольку невозможно рассматривать одно право в отрыве от другого: именно в совокупности они представляют собой комплекс прав правового статуса ребенка.

Стоит отметить, что права ребенка имеют следующие признаки:

– общепризнаны, неотъемлемы и неотчуждаемы, являются непосредственно действующими и закрепляются в международном и национальном законодательстве;

- через права детей опосредуется построение взаимоотношений между личностью, обществом и государством;
- объективны и не зависят от признания и регламентирования их государством;
- защищены внешними и внутренними государственными механизмами защиты [7].

Начиная с конституционных положений, которые последовательно развиваются в семейном законодательстве и иных отраслях права, права ребенка признаются, защищаются и охраняются как высшая ценность государства, что в свою очередь предопределяет и особый порядок реализации и защиты прав несовершеннолетних при совершении ими преступлений.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации отдельной главой установлен порядок судопроизводства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних [8]. Положения статьи 425 УПК РФ предусматривают обязательное участие педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет. Если подозреваемый, обвиняемый или подсудимый в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии, участие педагога также является обязательным [8, ст. 421].

Участие педагога или психолога в следственных и судебных действиях рассматривается как дополнительная гарантия прав несовершеннолетних в ходе уголовного процесса, что обусловлено необходимостью учета их возрастных особенностей.

Педагог как участник процесса появился еще в дореволюционном уголовном судопроизводстве. Уставом уголовного судопроизводства 1864 года и Законом от 2 июня 1897 года «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказании» были закреплены особенности производства по делам несовершеннолетних. Воспитатели и учителя как лица, сведущие в области педагогики, привлекались к участию в уголовном судопроизводстве, если это было важно для надлежащего и всестороннего исследования личности несовершеннолетнего обвиняемого с целью решения вопроса о его «разумении» [9].

В УПК РСФСР 1922 года и в УПК РСФСР 1923 года нормы об участии педагогов в уголовном судопроизводстве отсутствовали, хотя на практике воспитатели и учителя нередко привлекались к допросу несовершеннолетних свидетелей и обвиняемых [10]. В частности, такая рекомендация содержалась в методических указаниях об организации прокурорского надзора по делам несовершеннолетних, утвержденных заместителем Генерального прокурора СССР 5 января 1957 года. Еще раньше, 11 июня 1940 года, был издан совместный Приказ НКЮ СССР и Прокуратуры СССР № 67/110 «О порядке расследования и судебного рассмотрения дел о преступлениях несовершеннолетних», согласно которому суды при

рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних обязаны были вызывать представителей тех школ и детских учреждений, где они обучались и воспитывались [9].

В России возможность участия педагога в допросах несовершеннолетних потерпевших, свидетелей и обвиняемых на законодательном уровне впервые была предусмотрена в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года [11, ст. 159, 285, 397].

По усмотрению следователя или прокурора либо по ходатайству защитника (ст. 397) педагог мог стать участником допроса несовершеннолетнего обвиняемого, свидетелей и потерпевших в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению следователя (суда) — в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в отличие от своих предшественников, закрепил случаи обязательного участия педагога (психолога) в допросе несовершеннолетнего, причем не только обвиняемого, но и подозреваемого, предусмотрел возможность участия психолога в указанном следственном действии, расширил возможности факультативного участия педагога в допросе несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, а также изменил подход к понятию «педагог».

Так, согласно пункту 62 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации под «педагогом» понимается «педагогический работник, выполняющий в образовательной организации и организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся» [8, ст. 5].

Также определение «педагог» закреплено в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации»: педагогический работник определяется как физическое лицо, которое состоит в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и выполняет обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности. Право на занятие педагогической деятельностью имеют лица, имеющие среднее профессиональное или высшее образование и отвечающие требованиям, указанным в квалификационных справочниках, и (или) профессиональным стандартам [12, п. 21 ст. 2; 12, часть первая ст. 46].

Таким образом, современный УПК РФ четко определил обязательное условие для педагога: не только наличие профильного образования, но и обязательное осуществление трудовой деятельности по профессии. Обеспечивая участие педагога в уголовном судопроизводстве, законодатель не только отвел ему специальную роль, установив особый порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, но и обеспечил защиту прав несовершеннолетних с учетом особенностей их психики [8].

Уголовное процессуальное законодательство Российской Федерации закрепляет только три пункта прав педагога (психолога) как участника допроса несовершеннолетнего: с разрешения следователя задавать вопросы

несовершеннолетнему; по окончании допроса знакомиться с его протоколом; делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в протоколе записей [8, ч. 3 ст. 280; 8, ч. 5 ст. 425]. При этом закон вообще не упоминает об обязанностях педагога (психолога) и его ответственности.

Стоит обратить внимание, что УПК РФ также закреплен участник уголовного процесса — специалист: лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ст. 58 УПК РФ). В этой же статье законодатель закрепил права и обязанности специалиста. Он имеет право:

- 1) отказаться от участия в производстве по уголовному делу, если не обладает соответствующими специальными знаниями;
- 2) задавать вопросы участникам следственного действия с разрешения дознавателя, следователя и суда;
- 3) знакомиться с протоколом следственного действия, в котором участвовал, и делать заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол;
- 4) подавать жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права.

При этом специалист не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд, а также разглашать данные предварительного расследования, ставшие известными ему в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве специалиста, если он был заранее предупрежден об этом в порядке, установленном статьей 161 УПК РФ. За разглашение данных предварительного расследования специалист несет ответственность в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации [8, ч. 3, ч. 4 ст. 58].

Таким образом, роли специалиста и педагога в уголовном процессе различаются: специалист как профессионал более узкой направленности привлекается для решения конкретной задачи (например, психиатр — для

дачи пояснений по проведенной экспертизе или разъяснений об установленных у несовершеннолетнего диагнозах и т. д.), когда как роль педагога — помочь получить максимально достоверные и полные сведения о совершенном преступлении от несовершеннолетнего с учетом индивидуально-психологических и возрастных особенностей, а также без вреда для психического состояния последнего.

Кроме того, непроцессуальное взаимодействие педагога с правоохранительными органами на стадии следствия выражается в даче следователю консультаций о психологических особенностях развития конкретного подростка, его личной мотивации и методах наиболее эффективной работы по получению от него правдивых показаний.

Роль педагога в уголовном судопроизводстве обуславливается не только обеспечением реальной защиты подростка, но и необходимостью установления морально-психологических свойств личности несовершеннолетнего.

Кроме того, в случаях, когда требуется проведение судебно-психологической экспертизы несовершеннолетнего, педагог может привлекаться в качестве специалиста, который, обладая специальными знаниями в области педагогики и психологии, способен помочь следователю в определении предмета экспертного исследования и постановке необходимых вопросов. При проведении предварительного следствия по уголовному делу в соответствии со статьей 421 УПК РФ возникает необходимость обследования социально-бытовых условий воспитания несовершеннолетнего. При этом изучаются семейные, материальные и психологические аспекты жизни несовершеннолетнего подозреваемого. Все эти данные необходимы для выяснения причин и условий, способствовавших совершению им преступления, а также принятию рационального решения по применению мер наказания.

Таким образом, педагог выступает источником непроцессуальной информации о несовершеннолетнем, что помогает тактически грамотно провести расследование и собрать характеризующую несовершеннолетнего информацию. Так компенсируется недостаток специальных педагогических знаний у лица, проводящего расследование преступления с участием несовершеннолетнего. А значит, роль педагога в уголовном судопроизводстве заключается в том, чтобы обеспечить получение наиболее полных и достоверных показаний несовершеннолетнего.

Литература:

1. Гончаров, Д. Ю. Становление российской уголовно-правовой науки и уголовного законодательства в первой трети XIX в. / Д. Ю. Гончаров // Научная сеть «Современное право». — 2015. — С. 150–156.
2. Латыпов, В. С. Оказание содействия педагогом и психологом в российском уголовном процессе / В. С. Латыпов // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2022. — Т. 13. — № 1 (47). — С. 138–144.
3. Лягошина, Ю. Д. Участие педагога и психолога в уголовном процессе: проблемы законодательного регулирования и теоретические предложения по их разрешению / Ю. Д. Лягошина // Молодой ученый. — 2020. — № 47 (337). — С. 327–328.
4. Тетюев, С. В. Педагог — это специалист или самостоятельный участник уголовного судопроизводства? (К вопросу о несовершенстве УПК РФ) / С. В. Тетюев // Научные труды РАЮН. — 2005. — Т. 3. — № 5. — С. 301–305.

5. Российское законодательство XI–XVIII веков об уголовной ответственности несовершеннолетних / С. Н. Шишков, Е. В. Макушкин, Е. Г. Дозорцева [и др.]. // Психология и право. — 2020. — № 4. — С. 231–244.
6. Федотова, М. М. История российского уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних / М. М. Федотова // Полицейская и следственная деятельность. — 2022. — № 1. — С. 40–47.
7. Динзанова, К. Э. Отдельные исправления судебной защиты прав несовершеннолетних / К. Э. Динзанова // Молодой ученый. — 2023. — № 42 (489). — С. 196–200.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 11.08.2025).
9. Газиянц, Л. Недостатки судебной практики по делам о преступлениях несовершеннолетних / Л. Газиянц // Социалистическая защищенность. — 1956. — № 5. — С. 48.
10. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-процессуальном кодексе» (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом Р. С. Ф. С. Р.») — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4006#mIQEgwUCGaQCMcod1> (дата обращения: 11.08.2025)
11. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 11.08.2025)
12. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 11.08.2025).

Проблемы квалификации продолжаемых преступлений

Кудряшов Виталий Сергеевич, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Правильная квалификация преступлений является одним из фундаментальных принципов уголовного права, обеспечивающим законность, справедливость и индивидуализацию уголовной ответственности. Среди многообразия форм преступной деятельности особое место занимают так называемые продолжаемые преступления. Их правовая природа, не имеющая прямого законодательного закрепления в Уголовном кодексе Российской Федерации, формируется преимущественно доктринально и посредством толкования Верховного Суда РФ. Отсутствие четких законодательных критериев приводит к значительным трудностям в правоприменительной практике, порождая дискуссии и неоднозначные подходы к отграничению продолжаемых преступлений от единичных сложных, повторных преступлений и совокупности преступлений.

Согласно устоявшейся в российской уголовно-правовой доктрине и судебной практике позиции, продолжаемое преступление — это единичное сложное преступление, состоящее из двух или более тождественных (однородных) преступных деяний, объединенных единым умыслом и направленных к достижению общей преступной цели. Каждое из этих деяний представляет собой эпизод или этап в осуществлении единого преступного замысла.

В декабре 2023 г. Пленум Верховного Суда РФ издал Постановление от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и про-

должаемых преступлениях» [1], направленное на унификацию подходов к квалификации подобных деяний. Несмотря на значимость документа для разрешения множества практических вопросов, отдельные его положения могут потребовать дальнейшей интерпретации в правоприменительной практике.

Постановление № 43 подчеркивает важность точного разграничения длящихся и продолжаемых преступлений, что имеет фундаментальное значение для правильной квалификации деяний, исчисления сроков давности уголовного преследования и решения вопросов об освобождении от уголовной ответственности. Оба вида преступлений определяются как разновидности единого сложного преступного деяния.

В частности, длящееся преступление характеризуется начальным действием (бездействием) и последующим непрерывным осуществлением объективной стороны его состава. Ключевым признаком длящегося преступления является непрерывность совершения единого деяния, постоянно воспроизводящего его состав (например, незаконное хранение оружия). При этом принципиально важно отграничивать длящиеся и продолжаемые преступления от совокупности, представляющей собой совершение нескольких самостоятельных деяний.

Особо отметим, что позиция Верховного Суда РФ, выраженная в многочисленных постановлениях Пленума, играет определяющую роль в формировании правоприменительной практики по данному вопросу. Например,

в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (с последующими изменениями) неоднократно упоминается понятие продолжаемого хищения [2].

По мнению Агаева Г. А., «особую сложность представляет отграничение продолжаемых преступлений от совокупности преступлений». Их различия можно охарактеризовать по ряду критериев [11]:

1. Необходимым признаком продолжаемого преступления является наличие одного и того же непосредственного объекта посягательства. В то же время, следует иметь в виду, что и при совокупности преступлений возможны посягательства не только на разные, но и на одинаковые объекты, при том аналогичными способами (например, повторный угон автомашины).

2. В отличие от совокупности преступлений продолжаемое преступление не всегда выражается в совершении нескольких актов, каждый из которых образует самостоятельный состав преступления (например, деяния, образующие продолжаемое хищение могут признаваться непрерывными ввиду их малозначительности).

3. Необходимо установление времени, истекшего после совершения первого и последующих общественно опасных деяний. Наличие значительного промежутка времени свидетельствует о том, что имела место совокупность преступлений.

4. Признаками продолжаемого преступления традиционно признавались единство умысла и общность цели. Этому во многом способствовало разъяснение, данное Пленумом Верховного Суда СССР в Постановлении от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям», о том, что продолжаемые преступления -это преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление. С таким определением продолжаемого преступления согласиться трудно, так как цель может меняться в процессе выполнения эпизодов продолжаемого преступления и на квалификацию большинства преступлений не влияет.

Анализ судебной практики по квалификации продолжаемых преступлений имеет различные позиции.

К примеру, апелляционное определение Верховного Суда РФ от 09.02.2016 № 33-АПУ16-1 [3]. В рассматриваемом случае производство наркотической смеси с содержанием метадона, осуществлявшееся по отдельным эпизодам, было признано единым продолжаемым преступлением по ч. 5 ст. 228.1 УК РФ.

Важным аспектом является то, что первоначальная квалификация привела к «ухудшению положения виновного». Это свидетельствует о том, что нижестоящие инстанции могли квалифицировать каждый эпизод производства как самостоятельное преступление, что влекло бы за собой назначение наказания по совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ), значительно более сурового, чем за

единое продолжаемое деяние. Решение Верховного Суда РФ о переквалификации подчеркивает принципиальное значение правильного разграничения продолжаемых преступлений и совокупности для обеспечения справедливости и пропорциональности уголовной ответственности.

К примеру, в еще одном проанализированном деле речь идет о хищении чужого имущества (ч. 1 ст. 158 УК РФ) посредством использования топливной карты. Защита утверждает, что умысел на тайное хищение возник у Гражданина А. изначально, при наличии топливной карты, и охватывал все последующие действия. Прекращение хищений после возникновения подозрений также косвенно подтверждает, что все действия совершались в рамках единого замысла [4]. Однако, все хищения были направлены на достижение единой преступной цели — завладение имуществом потерпевшего.

Также, судебная практика демонстрирует подход суда к квалификации множества однородных преступлений, совершенных обвиняемым в особом порядке [5]. Ключевым моментом является отказ суда от признания действий Н. единым продолжаемым преступлением, несмотря на доводы жалобы. Суд мотивировал это тем, что каждое хищение совершалось с вновь возникшим умыслом, носило самостоятельный характер и позволяло осужденному распорядиться похищенным имуществом после каждого эпизода, подчеркнув, что тождественность деяний сама по себе не свидетельствует о едином преступном умысле. Таким образом, приговор подтверждает строгое применение принципа квалификации каждого самостоятельного эпизода как отдельного преступления, даже при наличии множества смягчающих обстоятельств, которые были учтены лишь при назначении наказания, но не повлияли на квалификацию.

Продолжая анализ судебной практики, стоит сказать, что апелляционное представление Пермского транспортного прокурора [6] оспаривает приговор суда, указывая на его несправедливость и чрезмерную мягкость назначенного наказания вследствие существенных нарушений уголовно-процессуального и неправильного применения уголовного закона. Прокурор утверждает, что суд необоснованно исключил квалифицирующий признак «совершенное группой лиц по предварительному сговору» по ст. 173.1 УК РФ, что привело к назначению мягкого наказания и освобождению от него в связи с истечением срока давности, требуя переквалификации на более тяжкий состав. Кроме того, прокурор настаивает, что суд ошибочно объединил два самостоятельных преступления по ч. 1 ст. 187 УК РФ в одно продолжаемое, несмотря на то, что они были совершены в разные дни, с отдельным финансированием и каждый раз требовали выполнения осужденным всех объективных действий, что, по мнению апеллянта, свидетельствует о необходимости квалификации каждого эпизода как отдельного преступления.

Сторона обвинения или защиты часто ставит вопрос об изменении приговора в связи с неправильным применением уголовного закона в отношении продолжаемых пре-

ступлений. Подобные ситуации можно заметить в определениях по делу № 1–53/2024, делу № 22–1719/24 [7], по делу № 22–2213/2023 [8], апелляционное постановление № 22–242/2025 от 25 февраля 2025 г. по делу № 1–233/2024 [9] и др.

Проблемы квалификации продолжаемых преступлений обусловлены, прежде всего, отсутствием их нормативного определения и оценочным характером ключевых признаков [12]. Рассмотрим их подробнее.

1. Субъективность установления единого умысла:

Проблема: умысел является внутренней категорией сознания и не может быть непосредственно воспринят. Его установление производится путем анализа объективных обстоятельств дела: характера и количества деяний, их последовательности, способа совершения, времени и места, а также мотивов и целей виновного. Однако такая оценка всегда содержит элемент субъективности.

Последствия: следователь и суд вынуждены «реконструировать» умысел, что может привести к ошибочному выводу о наличии или отсутствии единого умысла, а, следовательно, к неверной квалификации как продолжаемого преступления или совокупности. Например, сложно доказать единый умысел при длительных перерывах между деяниями или при изменении способа совершения.

2. Определение тождественности (однородности) деяний:

Проблема: хотя в целом под тождественными понимаются деяния, предусмотренные одной и той же статьей УК РФ, вопрос об однородности может вызывать затруднения. Например, является ли хищение денег и хищение имущества (не денег) однородными деяниями, если они совершены одним способом? Или побои, нанесенные одному лицу, и побои, нанесенные другому лицу в рамках одного конфликта, но с разными мотивами?

Последствия: неправильное понимание тождественности/однородности может привести к необоснованному признанию деяний продолжаемыми или, наоборот, к их искусственному раздроблению на отдельные преступления.

3. Критерии единства места, времени и обстановки:

Проблема: понятия «непродолжительный промежуток времени», «одно и то же место», «единая обстановка» являются оценочными. Нет четких временных рамок, определяющих «непродолжительный промежуток». Один день, неделя, месяц? Что считать «одним местом» — один дом, улица, населенный пункт? Как определить «единую обстановку», если между деяниями произошли существенные изменения в ситуации?

Последствия: субъективная оценка этих критериев правоприменителем влечет за собой риск произвольной квалификации. Например, длительный перерыв между деяниями при сохранении единого умысла может быть ошибочно истолкован как самостоятельные преступления.

4. Разграничение с иными видами единичных и множественных преступлений:

С единичным сложным (составным) преступлением: продолжаемое преступление само является видом единичного сложного, но отличается от составного (например, разбой включает в себя хищение и насилие, которые органически слиты).

С повторностью преступлений: наиболее сложная проблема. Повторность предполагает совершение двух или более самостоятельных преступлений, каждое из которых имеет свой самостоятельный умысел, направленный на достижение отдельной цели. При продолжаемом преступлении умысел единый. Разграничение часто зависит от интерпретации субъективной стороны.

С совокупностью преступлений: если деяния не объединены единым умыслом или не являются тождественными/однородными, они образуют совокупность преступлений, что влечет применение ст. 69 УК РФ при назначении наказания (более строгое наказание). Неправильное разграничение между продолжаемым преступлением и совокупностью существенно влияет на объем уголовной ответственности.

5. Доказательственные трудности:

Проблема: установление всех признаков продолжаемого преступления, особенно единого умысла, требует тщательного сбора и анализа доказательств. Это может быть затруднительно в случае отсутствия прямых показаний обвиняемого или свидетелей о его изначальных намерениях.

Последствия: недостаточность доказательств вынуждает правоприменителя квалифицировать деяния как совокупность, даже если фактически имело место продолжаемое преступление, что приводит к утяжелению ответственности.

Ошибки в квалификации продолжаемых преступлений имеют серьезные практические последствия. Признание деяния продолжаемым преступлением означает, что назначается одно наказание по одной статье УК РФ (без применения правил ст. 69 УК РФ о совокупности). Неправильная квалификация как совокупности может привести к назначению более строгого наказания. Сроки давности привлечения к уголовной ответственности и погашения судимости исчисляются с момента совершения последнего деяния, входящего в продолжаемое преступление. При ошибочной квалификации как совокупности, сроки могут исчисляться по каждому деянию отдельно, что может повлиять на возможность освобождения от ответственности. Продолжаемое преступление не образует рецидива, поскольку является единичным. Ошибочная квалификация как совокупности может повлечь необоснованное признание рецидива, что утяжеляет наказание. Условия применения актов амнистии или помилования могут зависеть от категории преступления и количества эпизодов, что также может быть искажено неправильной квалификацией.

Как итог, предполагается, что пути решения проблем могут быть следующими — необходимо продолжать работу по разъяснению спорных вопросов квалификации продолжаемых преступлений в постановлениях Пленума

ВС РФ, в том числе путем выработки более четких критериев для определения единого умысла, тождественности/однородности деяний и временных/пространственных рамок. Создание ведомственных методических рекомендаций для органов предварительного расследования и прокуратуры, содержащих подробные алгоритмы анализа обстоятельств дела и сбора доказательств, необходимых для правильной квалификации продолжаемых преступлений. Также, регулярное обучение и проведение семинаров для судей, прокуроров и следователей по вопросам квалификации сложных форм преступной деятельности, включая продолжаемые преступления, с анализом типичных ошибок и примеров судебной практики. Хотя полное законодательное определение продолжаемого преступления может ограничить гибкость правоприменения, возможно закрепление в УК РФ общих принципов или указание на ключевые оценочные критерии, которые должны учитываться при квалификации.

Например, в Общей части УК РФ можно было бы упомянуть о различных формах единичных преступлений.

В конечном итоге, проблемы квалификации продолжаемых преступлений остаются актуальными в российской уголовно-правовой практике. Отсутствие прямого законодательного регулирования и оценочный характер ключевых признаков создают значительные трудности для правоприменителей, что может приводить к ошибкам, нарушению принципов законности и справедливости. Для минимизации этих проблем необходим комплексный подход, включающий дальнейшее развитие судебной доктрины, разработку практических рекомендаций и постоянное повышение квалификации юридических кадров. Только последовательная и единообразная практика позволит обеспечить правильную квалификацию продолжаемых преступлений, адекватно отразить характер и степень общественной опасности деяния и назначить справедливое наказание.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях». // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 19.08.2025). — Текст: электронный.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 19.08.2025). — Текст: электронный.
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.02.2016 N 33-АПУ16-1 по делу № 33-АПУ16-1. // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 19.08.2025). — Текст: электронный.
4. Апелляционное постановление № 22–148/2025 от 12 февраля 2025 г. по делу № 1–990/2024. // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 19.08.2025). — Текст: электронный.
5. Приговор № 22–470/2025 от 10 февраля 2025 г. по делу № 1–251/2024. // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 19.08.2025). — Текст: электронный.
6. Апелляционное постановление № 22–278/2025 от 19 февраля 2025 г. по делу № 1–182/2024. // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 19.08.2025). — Текст: электронный.
7. Апелляционное постановление № 22–1719/2024 от 14 апреля 2024 г. по делу № 1–53/2024. // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 19.08.2025). — Текст: электронный.
8. Апелляционное постановление № 22–2213/2023 22К-2213/2023 от 15 ноября 2023 г. по делу № 3/10–102/2023. // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 19.08.2025). — Текст: электронный.
9. Апелляционное постановление № 22–242/2025 от 25 февраля 2025 г. по делу № 1–233/2024. // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 19.08.2025). — Текст: электронный.
10. Апелляционное постановление № 10–10/2025 1–23/2024 от 25 февраля 2025 г. по делу № 1–23/2024. // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 19.08.2025). — Текст: электронный.
11. Агаев, Г. А., Зорина, Е. А. Продолжаемые преступления и их отграничение от совокупности преступлений / Г. А. Агаев, Е. А. Зорина // Правовая политика и правовая жизнь. — 2016. — № 4. — С. 80–88. — Текст: непосредственный.
12. Тюнин, В. И. К вопросу о «длящихся» и «продолжаемых» преступлениях / В. И. Тюнин // КриминалистЪ. — 2025. — № 1. — С. 93–102. — Текст: непосредственный.

Характеристика принципов уголовного законодательства в национальном и международном праве

Лешкова Полина Игоревна, студент магистратуры

Научный руководитель: Морозов Виктор Иванович, кандидат юридических наук, доцент
Тюменский государственный университет

В статье автор исследует характеристику принципов национального уголовного права и международного уголовного права, их соотношение.

Характеристика принципов права, являясь обширным исследованием, включает в себя следующие аспекты, необходимые к изучению юристами любой из отраслей права: понятие принципов права, признаки принципов права, функции принципов права. Нами будет рассмотрена характеристика принципов российского уголовного законодательства и принципов международного уголовного законодательства, их соотношение.

Общим понятием принципа права, как для национального, так и для международного права является понятие, используемое в римском праве «Principium est potissima pars cuiusque rei» в переводе на русский язык «Принцип есть важнейшая часть всего». Само по себе слово principium означает «начало», что свидетельствует о первостепенности правовых принципов [4].

Как в международном уголовном праве, так и в национальном праве, фундаментально закреплены следующие принципы, вернее сказать «идеи, берущие начало в римском праве»:

1. «Non bis in idem», который по своей природе отражает справедливость и запрещает повторное осуждение лица за совершение одного преступления.
2. «Causa a nullo prestatitur», сформулированный Гаем и означающий «за случай никто не несет ответственности». Ответственность за такого рода «деяния», не допускается.
3. «Lex retro non agit», означающий запрет на ретроспективность закона.
4. Nullum crimen, nulla poena sine lege или принцип законности, отраженный в ст. 3 УК РФ и в ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Для определения понятия принципов национального уголовного права и международного уголовного права, необходимо обратиться к понятиям уголовного права, как к отрасли права. Вопрос действительно очень важный и объемный, учитывая, что существуют разные правовые системы и в каждой из этих систем, понятие «уголовного права» сформулировано по-своему.

Например, в своей научной статье, Генрих Н. В. и Квашиш В. Е. [5] утверждают, что в зависимости от того, какой идеи придерживается государство: идея преступления, либо идея наказания за преступление — формируется понимание права. Однако, не совсем остается ясным о каком понимании идет речь: понимание, как правосознание граждан данного государства или закрепление на

законодательном уровне. Например, в США существует «криминальное право» (Criminal Law). В его основе лежит идея преступления (право о преступлении). Во Франции же право о наказании (Penal Law) или «наказательное право», где на первое место выдвигается идея наказания за преступление. Для Российского уголовного права такое деление недопустимо. Уголовный кодекс Российской Федерации, исходя из общих положений, приоритетными направлениями выделяет деятельность по охране прав, свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка, общественной безопасности окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений.

Для осуществления этих задач настоящий Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Уголовный кодекс Российской Федерации не только определяет, какие деяния признаются преступлениями, но и устанавливает основания для признания правомерным причинение вреда лицам, посягающим на охраняемые уголовным законом социальные ценности. То есть уголовный кодекс не отдает предпочтений только наказанию или только положениям о сущности преступлений, являясь всеобъемлющим, полным и всесторонним.

Исходя из сказанного выше, принципы национального уголовного права понимаются как основополагающие идеи, закрепленные в системе уголовно-правовых норм, определяющие содержание уголовного права, его составных частей, а именно: общей и особенной части, содержащие в себе идею взаимосвязи между совершенным преступлением, характеристикой личности и наказанием, распространяя свое действие исключительно на граждан Российской Федерации, либо на лиц, совершивших преступление на территории Российской Федерации.

Принципы международного уголовного права — система основополагающих идей международного права, определяющих развитие и применение норм международного уголовного права, которые в свою очередь, задают вектор развития национальному законодательству, имея при этом наднациональный статус.

Если сопоставлять принципы национального уголовного права и международного уголовного права, то нужно исходить из того, что и те, и другие принципы обладают идеологическим признаком, который в свою очередь является социально направленным, а значит сущность принципов совпадает и им присущи одинаковые признаки. И принципы национального уголовного права, и международного уголовного права берут начало и соответствуют общепризнанным принципам и нормам международного права.

Отметим важные признаки, присущие позитивному праву, а именно: общеобязательность, формальная определенность, обеспеченность нормами государственного воздействия и регулятивность, половина из которых вытекает из признаков права. Нельзя определять признаки принципа уголовного права вне связи с существом самого права.

Чередниченко Е. Е. [6] выделяет следующие особенности признаков принципов уголовного права:

1. Стабильность
2. Императивный характер
3. Действие нормы-принципа распространяется на весь УК РФ
4. Лаконичный, краткий стиль изложения с высоким уровнем обобщения
5. Отсутствие двусмысленного толкования

Важно также упомянуть про признак системности, который упоминается не только в рамках науки, но и на практической основе. Так, в п. 1 ПП ВС РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» указано следующее: «Посредством применения норм главы 11 Уголовного кодекса Российской Федерации реализуются принципы справедливости и гуманизма».

Важнейшим принципом, который не закреплен в уголовном законодательстве, но он неразрывно связан с отношениями в сфере уголовного права — принцип правовой определенности, который не раз упоминал Конституционный суд, указывая: «Критерии ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе правового регулирования приобретают особую значимость применительно к уголовному законодательству, являющемуся по своей природе крайним, исключительным средством, с помощью которого государство реагирует на противоправное поведение в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью норм иной отраслевой принадлежности. В силу этого любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста нормы — при необходимости с помощью толкования, данного ей судами, — каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий или бездействия [7].

Принципы международного уголовного права закреплены как нормы-принципы в кодифицированных

международных актах, поэтому, зачастую, данные принципы являются абстрактными и не обязательны для исполнения в особенности, учитывая, что ответственность в международном праве предусмотрена для лиц, являющихся участниками определенных договоров и конвенций.

Если сопоставлять принципы национального уголовного права и международного уголовного права, то нужно исходить из того, что и те, и другие принципы обладают идеологическим признаком, который в свою очередь является социально направленным, а значит сущность принципов совпадает и им присущи одинаковые признаки. И принципы национального уголовного права, и международного уголовного права берут начало и соответствуют общепризнанным принципам и нормам международного права.

Функция — отношение элемента к целому, которое производит действие элемента с точки зрения “интересов” данной системы целесообразным и как правило служит обеспечению сохранения целого.

Перевалов В. Д. отмечает, что в функциях заключается сущность и социальное назначение права [8].

Под функциями уголовно-правовых принципов понимается соотношение элементов к целому с целью направления и развития структурных элементов уголовного права.

В научной литературе выделяют следующие функции уголовно-правовых признаков:

1. Функция толкования (в случае пробела в законе, правоприменитель должен руководствоваться принципами права)
2. Стабилизирующая функция (Связана с учетом и анализом норм положений отраслей права, которые тесно связано и взаимодействуют с уголовным правом)
3. Оценочная функция (Выражается в качестве критерия правомерности или наоборот, неправомерности)
4. Содержательная функция (определение содержания интеграционного воздействия на положения всего уголовного кодекса и концентрация внимания на охране законных прав и свобод личности, обеспечение интересов государства)
5. Охранительная функция
6. Идеологическая функция

К функциям принципов международного уголовного права относятся:

1. Регулятивная функция (Регулирует правовое содержание общественных отношений в сфере сотрудничества государств в борьбе с международной преступностью в качестве превентивных мер)
2. Содержательная функция (Устанавливает границы правосубъектности субъектов международного права по развитию межгосударственного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью, определяет пределы экстерриториального проявления субъектов международного права в отношении совершенных ими преступлений)

3. Стабилизирующая функция (Стабилизирует источник международного уголовного права, их взаимосвязь, внутреннее непротиворечие друг другу).

4. Охранительная и превентивные функции принципов международного уголовного права прослеживаются в смещении акцента на общемировую защиту естественных прав и свобод.

Ранее, важным отличием функций национальных и международных принципов уголовного права являлось наличие идеологической функции. Международное уголовное право, как и международное право не содержало в себе идеологии. Нормы являлись нейтральными. Однако на сегодняшний день, изучая решения международ-

ного суда можно прийти к выводам о том, что они являются явно политизированными, в контексте чего можно говорить о возрождении политической функции в международном праве, что, несомненно, влияет и на международное уголовное право.

Полагаем, что в данной ситуации, когда международное уголовное право имеет важную роль в динамике национального уголовного права, влияние на политическую действительность, необходимо создать новую систему международных судов, соответствующих всем принципам международного права, исходя из их характеристики, которые действовали бы альтернативно настоящему международному уголовному суду в рамках БРИКС.

Литература:

1. Теория государства и права: учебник и практикум для вузов / В. Д. Перевалов. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 341 с.
2. Новицкий, И. Б. Римское право: учебник для вузов / И. Б. Новицкий. — Москва: Издательство Юрайт, 2024—298 с.
3. Алексеев С. С. Собрание сочинений. Том 2: Специальные вопросы правоведения. — М.: Статут, 2010—471 с.
4. Прошина И. А. «Принцип права» глазами сторонников нормативистской теории // Право и современные государства. № 3. 2014, с. 35—41.
5. Генрих Н. В., Квашис В. Е. Понятие уголовного права // Общество и право. № 1 (55). 2016. С. 38—45.
6. Чередниченко Е. Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации // Волтерс Клувер. 2007. 192 с.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2020 N 38-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. А. Литвинова»
8. Перевалов В. Д. Социальная ценность и функции права // Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. С. 241.

Актуальные вопросы построения международной холдинговой структуры

Лишина Виктория Евгеньевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует актуальные вопросы построения международных холдинговых структур в условиях современного правового регулирования, обращая особое внимание на выбор юрисдикций, экономическое присутствие и стратегическое управление активами.

Ключевые слова: международные холдинговые структуры, юрисдикции, оптимизация и комплаенс, защита активов, риски

В условиях глобализированной экономики международные холдинговые структуры становятся важнейшим инструментом для транснациональных корпораций и средних компаний, стремящихся к эффективному управлению активами, оптимизации налоговой нагрузки и защите бизнеса от политических и экономических рисков. Построение международного холдинга позволяет централизовать функции управления, распределить ресурсы по ключевым направлениям, снизить транзакционные издержки и обеспечить гибкость корпоративной политики.

Особую значимость данная тема приобретает в 2025 году в связи с факторами, оказывающими влияние на трансграничное структурирование бизнеса. Во-первых, реформирование международного налогового регулирования требует переосмысления подходов к выбору юрисдикций и схем владения активами. Во-вторых, усиление санкционного давления [1] на ряд стран и компаний, а также рост требований по процедуре комплаенса (в том числе KYC, AML и ESG), диктует необходимость разработки устойчивых, юридически выверенных моделей холдингов.

Проблематика построения международной холдинговой структуры включает в себя как стратегические, так и прикладные аспекты: от выбора юрисдикции и проектирования структуры владения, до построения моделей корпоративного управления и налогового планирования с учетом международных обязательств. Практика последних лет показывает, что ошибочные решения на этапе структурирования могут привести к значительным рискам — от налоговых претензий до блокировки активов и утраты контроля над обществами.

Целью настоящей статьи является определение актуальных проблем построения международной холдинговой структуры в условиях современного правового, налогового и санкционного регулирования. Задачи исследования включают: определение сущности и классификации холдинговых структур; выявление практических сложностей построения международных холдинговых структур для создания базы к дальнейшему исследованию вопроса; формулирование выводов и рекомендаций по построению устойчивой холдинговой модели.

Таким образом, настоящая статья нацелена на выявление проблемных зон в построении международных холдинговых структур из-за текущих ограничений и нацелена показать, как современные изменения в международном и национальном регулировании влияют на выбор юрисдикций и структуру холдингов.

В 2025 году тема построения международных холдинговых структур остаётся одной из наиболее значимых и востребованных в юридической и бизнес-практике. Причиной тому служат стремительно меняющиеся глобальные экономические, политические и правовые условия, в которых действуют транснациональные и крупные национальные компании. Ужесточение налогового регулирования, усиление санкционного давления, реформирование подходов к прозрачности корпоративной структуры и трансграничному движению капитала — всё это формирует новые вызовы и требования к построению и оптимизации международных холдингов.

Холдинговая структура [2] — это способ юридической и финансовой организации группы компаний, при котором управление осуществляется через материнскую (головную) компанию, владеющую контрольными пакетами дочерних компаний. Преимущества холдингов заключаются в возможности централизованного управления, защиты активов, налоговой оптимизации, упрощения сделок M&A и структурирования трансграничного бизнеса. Однако с 2020-х годов эти преимущества подвергаются значительным ограничениям со стороны регуляторов, а юридическая конструкция таких структур требует всё большей гибкости, легитимности и прозрачности.

Ключевыми характеристиками международного холдинга являются:

1) наличие центра управления [3] (холдинговой компании);

2) многоуровневая структура с распределением функций и рисков;

3) трансграничный характер, предполагающий присутствие в нескольких юрисдикциях [4];

4) наличие стратегических целей: налоговая оптимизация, защита активов, диверсификация рисков, международная экспансия.

С 2022 года, в условиях нарастающих политических конфликтов, включая санкционную изоляцию России, перестройку глобальных цепочек поставок, а также обостренные отношения между западными и восточными юрисдикциями, построение международной холдинговой структуры оказалось на переднем плане оптимизации деятельности компаний, особенно сотрудничающих с или владеющих иностранным элементом. Для российских собственников бизнесов, стремящихся сохранить международное присутствие, обеспечить безопасность активов и продолжить расчёты с контрагентами, становится критически важным переосмысление юрисдикционного состава своих структур. Гонконг, ОАЭ, Турция, Армения, Казахстан, а также «нейтральные» юрисдикции вроде Узбекистана и Сербии начинают играть ключевую роль как замена традиционных офшорных и европейских структур (Кипр, Люксембург, Нидерланды).

При этом на уровне G20 и ОЭСР сохраняется курс на ужесточение требований к прозрачности и налоговому регулированию [5, 6] — как, например, реализация Плана BEPS (Base Erosion and Profit Shifting), внедрение глобального минимального налога (Pillar Two), а также автоматический обмен финансовой информацией (CRS). Всё это влечёт необходимость пересмотра прежних моделей холдингов, ориентированных преимущественно на снижение налогообложения путём использования «традиционных» офшорных зон.

Актуальность темы также обусловлена тем, что формирование холдинговой структуры в 2025 году невозможно без анализа правовых рисков, таких как: потенциальное признание контролируемой иностранной компании (КИК), утрата налогового резидентства материнской компании, двойное налогообложение, ограничение трансфертного ценообразования, а также необходимость соблюдения норм валютного контроля. В Российской Федерации с каждым годом ужесточается регулирование в отношении иностранных счетов и активов, ужесточены требования по уведомлению об участии в иностранных структурах, а также действуют существенные штрафы за несоблюдение режима КИК и предоставления отчётности по зарубежным активам.

Основная проблема практического построения структур заключается в том, что ошибки при выборе юрисдикции, недооценка налоговых и санкционных рисков могут привести к блокировке активов. В связи с этим проектирование холдинговой структуры требует учёта норм сразу нескольких правовых систем и международных соглашений. Особенно важно соблюдение норм национального законодательства, международного частного права

и налоговых соглашений об избежании двойного налогообложения (СИДН) [7], многие из которых в 2022–2024 годах были денонсированы или пересмотрены, как, например, СИДН между Россией и Нидерландами, Латвией, Мальтой. Кроме того, на первый план выходит вопрос экономического присутствия («substance») в юрисдикции, где зарегистрирована компания. Компании без реального офиса, сотрудников и деловой активности всё чаще признаются фиктивными структурами, что ведёт к утрате налоговых льгот, блокировке банковских счетов и правовой недействительности транзакций.

В современных условиях особое значение приобретают вопросы установления и документирования бенефициарного контроля, а также разграничения номинального и фактического владения. Реестры бенефициарных владельцев, вводимые в большинстве стран, делают прозрачными структуры собственности. Ранее данные реестры были закрытыми и сохраняли конфиденциальность конечных выгодоприобретателей [8, 9]. Тенденция сегодняшнего времени ведет к раскрытию даже таких «чувствительных» сведений. Новые реалии раскрытия информации требуют от собственников заблаговременного юридического структурирования владения, в том числе с использованием трастов, частных фондов, юридических лиц со специальным статусом (например, foundations, SPV и SPC).

Также важным становится вопрос защиты активов от внешнего давления — как со стороны иностранных государств (например, в форме санкций и арестов), так и со стороны конкурентов или недобросовестных кредиторов. Международные холдинговые структуры в данном контексте становятся инструментом, позволяющим изолировать риски, создать механизмы наследования, передать контроль через доверительное управление или корпоративные соглашения.

Современные реалии приводят к изменениям в классических схемах построения холдингов. Например, всё чаще применяется модель «бесприютного холдинга» — при которой структура строится на множестве юрисдикций, ни одна из которых не имеет доминирующего значения. Становятся популярны гибридные структуры: использование компаний в свободных экономических зонах ОАЭ (FZCO, RAK ICC) [10], привязка IP-активов к юрисдикциям с мягким режимом налогообложения, разделение операционных и холдинговых функций между несколькими странами. Всё это требует высокого уровня правовой квалификации и постоянного мониторинга нормативных изменений.

Таким образом, в свете рассмотренных аспектов становится очевидным, что построение международной холдинговой структуры в современных условиях представляет собой сложный и многоплановый процесс, требующий сочетания экономической логики, юридической точности и стратегического видения. Успешное проектирование и внедрение холдинга зависит от грамотного выбора юрисдикций, соблюдения международных стандартов комплаенса, оптимизации налоговых потоков и защиты активов. Важным элементом устойчивости становится соблюдение требований к «substance», прозрачности владения и корректное документирование отношений между участниками. При этом, упомянутые структуры продолжают оставаться ключевым инструментом для эффективного управления трансграничным бизнесом, обеспечивая баланс между законностью, финансовой эффективностью и стратегической гибкостью в условиях динамично меняющейся геополитики. Для юристов, налоговых консультантов и владельцев трансграничного бизнеса работа в этом направлении требует постоянного профессионального развития и индивидуального подхода к каждой структуре.

Литература:

1. Ишутин, А. В. Санкционные риски российских компаний и их профилактика (на примере сферы FMCG) / А. В. Ишутин. — Текст: непосредственный // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». — 2023. — С. 97.
2. Определение «Холдинг». — Текст: электронный // Грамота.ру: [сайт]. — URL: <https://gramota.ru/meta/kholding> (дата обращения: 05.09.2025).
3. Международное налоговое право: учебник и практикум для вузов / А. А. Копина, А. В. Реут. — Москва: Юрайт, 2023. — 239 с. — 50 с.
4. Правовое положение холдингов в России. Виды холдингов. — Текст: электронный // Studfiles. Файловый архив студентов: [сайт]. — URL: <https://studfile.net/preview/429044/page:4/> (дата обращения: 05.09.2025).
5. Налоговая прозрачность и международное сотрудничество. — Текст: электронный // Официальный сайт ОЭСР: [сайт]. — URL: [https://www.oecd.org/en/topics/tax-transparency-and-international-co-operation.html#:~:text=The %20international %20standards %20developed %20by,financial %20account %20information %20\(AEOI\)](https://www.oecd.org/en/topics/tax-transparency-and-international-co-operation.html#:~:text=The%20international%20standards%20developed%20by,financial%20account%20information%20(AEOI)) (дата обращения: 10.09.2025).
6. Международное налоговое право: учебное пособие для магистратуры / Л. Л. Арзуманова, Е. Н. Горлова. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. — 128 с. — 12 с.
7. Международное налоговое право: учебник и практикум для вузов / А. А. Копина, А. В. Реут. — Москва: Юрайт, 2023. — 239 с.
8. Азбука офшора. GSL. — Москва: РИПОЛ классик, 2017. — 254 с. — 184 с.
9. Бенефициарный владелец: кому может быть раскрыта информация? — Текст: электронный // International Wealth: [сайт]. — URL: <https://clck.ru/3P9SWV> (дата обращения: 05.09.2025).

10. Как создать компанию в Объединенных Арабских Эмиратах: порядок действий по регистрации бизнеса. — Текст: электронный // Гарант.ру: [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/1c-wiseadvice/guide/kak-otkryt-biznes-v-uae/> (дата обращения: 05.09.2025).

Понятие и свойства доказательств в уголовном процессе

Лузгина Анастасия Сергеевна, студент

Научный руководитель: Каландаришвили Христина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Иркутск)

В теории уголовного судопроизводства проблема понятия доказательств является одной из наиболее важных. На протяжении многих лет этот вопрос был и остается предметом многочисленных исследований ученых. В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с понятием «доказательство» в уголовном процессе России.

Ключевые слова: институт доказательств, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, признаки доказательств, доказывания, относимость, допустимость, достоверность, понятия, расследования

The concept and properties of evidence in criminal proceedings

Luzgina Anastasiya Sergeevna, student

Scientific advisor: Kalandarishvili Khristina Aleksandrovna, phd in law, associate professor
East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Irkutsk)

In the theory of criminal justice, the problem of the concept of evidence is one of the most important. Over the years, this issue has been and remains the subject of numerous studies by scientists. The article discusses topical issues related to the concept of «evidence» in the Russian criminal process.

Keywords: institute of evidence, criminal procedure, criminal proceedings, signs of evidence, evidence, relevance, admissibility, reliability, concepts, investigations.

Значимой проблемой уголовно-процессуального права России представляется в настоящее время проблема доказательств.

Доказательство является наиболее важным компонентом системы доказывания по уголовному делу. Правила доказывания и доказательства неразрывно связаны с нормами уголовно-процессуального права.

Относимость — внутреннее свойство доказательств, определяющее пригодность сведений, которые содержатся в доказательстве, устанавливать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Относимыми считаются те доказательства, посредством которых в конечном счете устанавливаются обстоятельства, входящие в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ), а также иные обстоятельства, имеющие значение для расследуемого уголовного дела» [8, с. 94].

При отсутствии относимости использование информации по конкретному делу бессмысленно, поскольку иметь доказательственное значение она не будет.

Допустимость доказательства — юридическое свойство, характеризующее процессуальную доброкачественность, пригодность доказательства с точки зрения законности источника, способов и приемов получения сведений. Допустимым является доказательство: во-первых, полученное из предусмотренного законом ис-

точника, во-вторых, собранное и закрепленное в установленном законом порядке, т. е. надлежащим должностным лицом, путем проведения предусмотренных законом процессуальных действий, с соблюдением установленной законом процессуальной процедуры, гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина (признаки допустимости доказательства).

Достоверность доказательства представляет собой субъективно-объективную категорию, продиктованную спецификой ретроспективного процесса познания по уголовному делу. Достоверность — это несомненность доказательства, обусловленная проведенной уголовно-процессуальной проверкой, предусмотренной законом (ст. 87 УПК РФ). Также при проверке сведений выясняются согласованность и непротиворечивость содержания отдельного доказательства, условий его формирования.

Достоверность является категоричным свойством, не допускающим различных степеней. Доказательства оцениваются на основе внутреннего убеждения следователя и суда, являющегося методом и результатом процесса доказывания. Если названные субъекты сомневаются в оцениваемых сведениях, то последние являются вероятными. Убеждение в несомненности любого доказательства может быть только однозначным — оно достоверно или нет.

Закон не раскрывает понятия «достаточность доказательств», несмотря на то что закон в конкретных нормах УПК РФ при разрешении важных вопросов требует от судьи, прокурора, следователя, дознавателя установления достаточных доказательств, достаточных данных или достаточных оснований (например, ст. 11, 88, 97, 115, 154, 171, 215 УПК РФ).

При этом достаточность доказательств определяется не только в случае вынесения итоговых решений по делу, но и по ряду промежуточных актов.

Например, для принятия постановления о возбуждении уголовного дела должно быть достаточно уже такой совокупности доказательств, которая указывает на реальную вероятность события преступления.

Поскольку закон рассматривает достаточность как свойство не отдельно взятого доказательства, а их совокупности, то оценивать можно лишь достаточность всех доказательств, собранных по делу.

Под совокупностью законодатель имеет в виду все собранные по делу и признанные относимыми, допустимыми, достоверными доказательства, независимо от того, о какой количественной величине идет речь. Иначе говоря, если в деле имеется даже одно доброкачественное (относимое, допустимое и достоверное) доказательство, то и оно должно быть оценено с точки зрения его достаточности для разрешения дела или принятия какого-либо иного уголовно-процессуального решения» [5, с. 951].

Подводя итог, отметим, что проведенный анализ понятия «доказательств» в уголовном праве, позволяет определить доказательства как «сведения, на основе которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, полученные из источников, указанных в законе, в порядке и способом, предусмотренным законом».

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 147-ФЗ (в редакции от 23 ноября 2024 г.) // СЗ РФ. — 2001. — № 52 (ч.1). — Ст. 4921.
2. Алиев Р. К. Правовая сущность доказывания и доказательств в уголовном процессе / Р. К. Алиев // Интернаука. — 2024. — № 22–4(339). — С. 23–25.
3. Брижатов Е. А. Предмет и пределы доказывания в уголовных делах: понятие, содержание, проблемы определения / Е. А. Брижатов // Научные высказывания. — 2022. — № 15(23). — С. 43–46.
4. Бровченко Д. А. Актуальные проблемы классификации вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве / Д. А. Бровченко // Инновации. Наука. Образование. — 2022. — № 49. — С. 950–954.
5. Гриценко Т. В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме: проблемы правового регулирования / Т. В. Гриценко // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. — 2022. — № 2(47). — С. 73–77.

Государственный контроль и надзор в сфере образования земельных участков

Любарец Дарья Юрьевна, студент магистратуры

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Барнаул)

В статье рассматриваются вопросы государственного контроля и надзора в сфере образования земельных участков в Российской Федерации. Анализируются правовые основы регулирования, основные направления и методы контроля, а также меры ответственности за нарушения земельного законодательства. Особое внимание уделено перспективам развития системы надзора, включая цифровизацию мониторинга, совершенствование административных процедур и усиление правовых санкций. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к контролю за образованием земельных участков, обеспечивающего законность и рациональное использование земельных ресурсов.

Ключевые слова: государственный контроль, земельный надзор, образование земельных участков, земельное законодательство, кадастровый учет, административная ответственность, цифровизация, мониторинг земель.

Государственный контроль и надзор в сфере образования земельных участков играют важную роль в обеспечении законности и рационального использо-

вания земельных ресурсов. Земля является ограниченным и стратегически значимым ресурсом, поэтому процессы её образования, перераспределения и использования тре-

буют строгого регулирования. Без эффективного контроля существует риск самовольного захвата земель, возникновения имущественных споров, несоответствия участков градостроительным нормам и другим требованиям земельного законодательства.

Актуальность государственного контроля в этой сфере обусловлена необходимостью обеспечения прозрачности процедур образования земельных участков, предотвращения незаконных операций и защиты прав как граждан, так и юридических лиц. Особенно это важно для органов власти, ответственных за территориальное планирование и кадастровый учет, а также для участников рынка недвижимости, чья деятельность зависит от точности и достоверности сведений о земельных участках.

Развитие цифровых технологий, совершенствование законодательства и внедрение современных механизмов контроля позволяют минимизировать риски правонарушений и повысить эффективность государственного надзора. В условиях урбанизации и роста экономической активности необходимость государственного регулирования в данной сфере становится ещё более значимой.

Государственный контроль и надзор в сфере образования земельных участков в Российской Федерации представляют собой систему мероприятий, направленных на обеспечение соблюдения земельного законодательства и предотвращение правонарушений в этой области. Основные правовые положения, регулирующие данную деятельность, закреплены в Земельном кодексе РФ [1]. В частности, статья 71 Кодекса определяет государственный земельный надзор как деятельность, направленную на предупреждение, выявление и пресечение нарушений земельного законодательства [2].

Дополнительное правовое регулирование установлено Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [3]. Этот закон определяет порядок осуществления контрольных мероприятий, включая плановые и внеплановые проверки, инспекционные визиты, мониторинг соблюдения обязательных требований, а также вводит систему профилактических мер, от предупреждения до консультирования, которые направлены на предотвращение возможных нарушений.

Компетенция по осуществлению государственного контроля в сфере распределена между несколькими органами. Одним из ключевых регуляторов является Росреестр, который через свои территориальные управления проводит проверки соблюдения требований законодательства при образовании земельных участков, а также контролирует ведение кадастрового учета. Кроме того, полномочиями в области земельного надзора обладают органы исполнительной власти субъектов РФ, отвечающие за региональный уровень контроля. Значительную роль играет муниципальный контроль, позволяющий выявлять нарушения на местах и оперативно реагировать на несоответствия градостроительным регламентам [4].

Формирование эффективной системы государственного контроля требует не только строгого соблюдения установленных норм, но и постоянного совершенствования механизмов надзора. Современные тенденции направлены на цифровизацию процессов контроля, внедрение автоматизированных систем мониторинга и повышение уровня взаимодействия между различными уровнями власти, что способствует большей прозрачности и эффективности государственного контроля в сфере образования земельных участков.

Контрольные функции государства в сфере образования земельных участков базируются на нормативно-правовых актах, обеспечивающих правовую основу для надзорных мероприятий. Однако эффективность государственного контроля зависит не только от законодательного регулирования, но и от практических механизмов его реализации. Важное значение имеет выбор методов контроля, позволяющих выявлять и предотвращать нарушения на всех этапах формирования земельных участков.

Основные направления контроля — проверка законности образования новых участков, соответствие их параметров установленным требованиям, соблюдение порядка регистрации и постановки на кадастровый учет, а также контроль за использованием земель в соответствии с их целевым назначением [1].

Методы контроля варьируются в зависимости от целей проверки и степени выявленных рисков. Согласно Федеральному закону № 248-ФЗ, контрольные мероприятия могут осуществляться в форме плановых и внеплановых проверок, инспекционных визитов, рейдовых осмотров и документального анализа [2]. Плановые проверки проводятся на основе утвержденного графика и касаются объектов, деятельность которых связана с повышенным риском нарушений. Внеплановые проверки назначаются в случае поступления жалоб, выявления потенциальных нарушений или необходимости проверки ранее выданных предписаний.

Современные технологии существенно расширяют инструменты контроля. Внедрение автоматизированных систем мониторинга, анализ данных дистанционного зондирования Земли и использование геоинформационных систем (ГИС) позволяют органам надзора оперативно выявлять нарушения, такие как самовольное занятие земельных участков, несоответствие фактических границ кадастровым данным или незаконное изменение категории земель [3].

Эффективная реализация методов контроля способствует снижению числа нарушений, повышению прозрачности процессов образования земельных участков и защите интересов государства, бизнеса и граждан. Внедрение новых технологий и совершенствование административных процедур позволяют усилить контрольные механизмы, обеспечивая законность всех этапов формирования земельных участков.

Совершенствование методов государственного контроля и внедрение современных технологий позволяют

более эффективно выявлять и предотвращать нарушения в процессе образования земельных участков. Однако эффективность контроля невозможна без чёткого механизма ответственности за выявленные правонарушения. Санкции за несоблюдение земельного законодательства играют ключевую роль в обеспечении правопорядка и стимулируют соблюдение установленных норм.

Нарушения земельного законодательства могут быть связаны с самовольным занятием земельных участков, несоблюдением процедур кадастрового учета, предоставлением недостоверных сведений или нарушением градостроительных норм. В зависимости от характера правонарушения применяются различные виды ответственности, в первую очередь административная, предусмотренная Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [1].

Наиболее распространённые виды нарушений:

1. Самовольное занятие земельного участка — согласно ст. 7.1 КоАП РФ, за это правонарушение предусмотрены штрафы, размер которых зависит от категории нарушителя (физическое, должностное или юридическое лицо). В ряде случаев возможен демонтаж самовольно размещённых объектов.

2. Нарушение установленного порядка образования земельных участков — влечёт административные санкции и может привести к аннулированию кадастрового учёта. Если участок был образован с нарушениями, он не может быть объектом законных сделок с недвижимостью, что создаёт риски как для собственников, так и для инвесторов (ст. 8.8 КоАП РФ).

3. Искажение сведений в кадастровом учёте — грозит штрафами и обязательным внесением исправлений. Недостоверные данные могут стать причиной имущественных споров и препятствовать государственному контролю за использованием земель.

4. Нецелевое использование земельного участка — несоответствие фактического использования земли её назначению также влечёт штрафные санкции, предусмотренные ст. 8.8 КоАП РФ.

Кроме административной ответственности, в некоторых случаях возможны гражданско-правовые последствия, включая возмещение ущерба, причинённого в результате нарушения земельного законодательства. В особо серьёзных случаях, например, при незаконном изъятии земель или крупномасштабных махинациях, может наступить уголовная ответственность, установленная Уголовным кодексом РФ [2].

Современные тенденции в сфере государственного контроля направлены на повышение эффективности надзорных мероприятий и снижение административной нагрузки на добросовестных участников земельных право-

отношений. Одним из ключевых направлений развития является цифровизация процессов контроля, позволяющая оперативно выявлять нарушения и предотвращать их последствия.

В современном мире появляются инновационные предложения по совершенствованию контроля — автоматизированный мониторинг земельных участков, которое происходит благодаря интеграции геоинформационных систем (ГИС), спутниковых снимков и беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для выявления в режиме реального времени незаконного изменения границ земельных участков и нарушения их использования [3].

Второй инновацией выступает единая цифровая системы государственного контроля. Такая площадка позволит объединить кадастровые и градостроительные данные и сможет повысить прозрачность земельных процессов и ускорить их администрирование.

Последнее предложение — упрощение административных процедур, которое будет происходить за счет оптимизации проверок путем перехода к риск-ориентированному подходу (когда внимание уделяется объектам с высокой вероятностью нарушений), за счет чего получится сократить избыточное административное давление на добросовестных владельцев земельных участков.

Развитие системы государственного контроля и надзора в сфере образования земельных участков способствует повышению законности, прозрачности и эффективности управления земельными ресурсами. Совершенствование правовых норм, внедрение цифровых технологий и усиление ответственности за правонарушения создают условия для рационального использования земель и предотвращения злоупотреблений в этой сфере.

Совершенствование механизмов контроля и надзора в сфере образования земельных участков требует комплексного подхода — как нормативно-правовое регулирование, так и внедрение современных технологий. Система юридической ответственности играет важную роль в предотвращении нарушений, однако её эффективность напрямую зависит от развитости инструментов мониторинга, прозрачности административных процедур и оперативности реагирования на выявленные правонарушения.

Дальнейшее развитие системы контроля должно учитывать баланс между жёсткостью надзорных мероприятий и созданием благоприятных условий для участников земельных правоотношений. Оптимизация контрольных процедур, усиление ответственности за нарушения и внедрение современных технологий станут ключевыми направлениями совершенствования государственного надзора, обеспечивая защиту интересов государства, бизнеса и граждан.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 44.

2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31.
3. Федеральный закон от 30.12.2021 № 259-ФЗ «О государственном земельном надзоре» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 1.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25.
6. Приказ Минэкономразвития РФ от 30.06.2021 № 422 «Об утверждении методики мониторинга земельных ресурсов с применением дистанционных технологий» // Официальный интернет-портал правовой информации.
7. Постановление Правительства РФ от 30.12.2021 № 2593 «О государственном земельном надзоре» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 2.

Реализация денежно-кредитной политики как основная функция Центрального банка РФ

Морозова Наталья Алексеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор рассматривает цели, инструменты и правовую базу денежно-кредитной политики Центрального банка Российской Федерации, а также её соотношение с экономическими задачами государства.

Ключевые слова: Центральный банк, денежно-кредитная политика, ценовая стабильность, инструменты ДКП

Современная экономика немыслима без эффективного регулирования денежного обращения. Центральный банк Российской Федерации (Банк России) выступает главным органом, ответственным за проведение денежно-кредитной политики (далее — ДКП), направленной на защиту национальной валюты и обеспечение ценовой стабильности. ДКП позволяет сглаживать возникающие колебания, а также поддерживать доверие к рублю и стимулировать устойчивое развитие экономики.

Цели и инструменты денежно-кредитной политики описаны в Федеральном законе № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 года (с актуальными изменениями на 2025 год).

Основной целью деятельности Банка России является защита и обеспечение устойчивости рубля (ст. 3 ФЗ № 86). Для достижения этой цели Центральный банк разрабатывает и реализует денежно-кредитную политику, ежегодные направления которой представляются в Государственную Думу (ст. 45 86-ФЗ). Стоит отметить, что Конституция Российской Федерации также закрепляет за ЦБ исключительное право денежной эмиссии и обязанность по обеспечению стабильности национальной валюты.

Основной задачей денежно-кредитной политики является обеспечение низкой и предсказуемой инфляции. Условия для роста производства и благосостояния населения, а также для долгосрочных инвестиций формируют стабильные цены.

Помимо этого, денежно-кредитная политика решает ряд дополнительных задач:

- поддержание стабильности финансового сектора;
- обеспечение сбалансированного развития банковской системы;
- регулирование денежного предложения;
- содействие экономическому росту при сохранении контроля над инфляцией.

В арсенале Банка России имеется широкий набор инструментов, закреплённых в Федеральном законе № 86-ФЗ (ст. 35–44):

1. Ключевая ставка — основной ориентир для стоимости кредитов и депозитов в экономике. Её изменение напрямую влияет на уровень инфляции и экономическую активность.
2. Операции на открытом рынке — покупка и продажа государственных ценных бумаг.
3. Обязательные резервные требования — нормативы, определяющие минимальный объём средств, который банки обязаны хранить в ЦБ.
4. Рефинансирование кредитных организаций — предоставление кредитов банкам.
5. Валютные интервенции — операции по купле-продаже иностранной валюты для регулирования курса рубля.
6. Эмиссия собственных облигаций Банка России и другие методы количественного контроля.

Эти инструменты позволяют ЦБ гибко реагировать на изменения в экономике и поддерживать равновесие между денежным предложением и спросом.

В октябре 2024 года Банк России утвердил основные направления денежно-кредитной политики на 2025–2027

годы, предусматривающие четыре сценария развития экономики: базовый, дезинфляционный, проинфляционный и рисковый.

Базовый сценарий предполагает снижение инфляции до 4–4,5 % в 2025 году и сохранение её около 4 % в дальнейшем. Для этого средний уровень ключевой ставки в 2025 году прогнозируется на уровне 14–16 %, с постепенным снижением в 2026–2027 годах.

Дезинфляционный сценарий предполагает более быстрое снижение инфляции при ставке 12–14 % в 2025 году.

Проинфляционный сценарий связан с риском роста цен, что потребует более жёсткой политики — ставка может достигать 20–23 %.

Рисковый сценарий учитывает возможность внешних шоков: ставка может подниматься до 25 %, а инфляция достигать 13–15 %.

Фактически, в 2025 году Банк России уже начал цикл смягчения политики. 6 июня 2025 года ключевая ставка была снижена с 21 % до 20 % — впервые за последние три года. Это решение обусловлено замедлением инфляции и стабилизацией экономической динамики.

Банк России выполняет ключевую функцию, являясь кредитором последней инстанции, регулятором денежного обращения и гарантом устойчивости банковской системы.

Центральный Банк РФ при реализации ДКП взаимодействует с Правительством РФ, что позволяет принимать

решения исходя из экономических реалий, а не политической конъюнктуры. При этом, ЦБ при этом взаимодействии сохраняет институциональную независимость, которая закреплена в законе.

Также Банк России ежегодно публикует основные направления денежно-кредитной политики, содержащие прогнозы, целевые ориентиры по инфляции и сценарии экономического развития, что обеспечивает прозрачность и предсказуемость его действий.

Денежно-кредитная политика является важнейшим инструментом Центрального банка РФ, обеспечивающим устойчивость национальной валюты и ценовую стабильность. Через систему инструментов и законодательно закреплённые полномочия Банк России регулирует денежный рынок, контролирует инфляцию и способствует устойчивому экономическому развитию. В современных условиях ДКП остаётся центральным элементом государственной экономической политики, напрямую влияя на уровень жизни населения и инвестиционный климат в стране.

Перспективы на ближайшие годы связаны с постепенным переходом от жёсткой политики к более мягкой, при условии закрепления инфляции вблизи целевого уровня. Это создаст предпосылки для активизации инвестиционной деятельности, снижения стоимости кредитов и ускорения экономического роста, сохраняя при этом макроэкономическую стабильность.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (дата обращения: 27.03.2025)
2. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395–1 (последняя редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации (дата обращения: 27.03.2025)
3. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ (последняя редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации (дата обращения: 27.03.2025)

Законодательство о нотариате и деятельность кредитных организаций по взысканию просроченной задолженности (по материалам судебной практики)

Назаренко Светлана Александровна, помощник нотариуса Владивостокского нотариального округа Приморского края
Медведевой Е. П. (г. Владивосток)

Статья посвящена анализу роли исполнительной надписи нотариуса в процессе взыскания задолженности по кредитным договорам в условиях растущего объема банковского кредитования и увеличения просроченной задолженности. Особое внимание уделяется принципу бесспорности требований кредитора к должнику как основному условию для совершения исполнительной надписи. В статье также обсуждаются преимущества данного инструмента для кредиторов, включая возможность избежать длительных судебных разбирательств и ускорить процесс взыскания. Автор подчеркивает важность информирования сторон о их правах и обязанностях в рамках данной процедуры для минимизации споров и улучшения правоприменительной практики.

Ключевые слова: исполнительная надпись, нотариус, взыскание задолженности, кредитный договор, бесспорность требований, внесудебное взыскание, правоприменительная практика, кредиторы, должники, законодательство.

Институт исполнительной надписи нотариуса представляет собой внесудебный механизм взыскания задолженности, который занимает важное место в системе правовых средств обеспечения исполнения обязательств. Вопрос о роли исполнительной надписи нотариуса в процессе взыскания задолженности по кредитным договорам становится все более актуальным в свете роста объемов банковского кредитования и увеличения просроченной задолженности. Данная тема рассматривается в статьях, написанных Д. А. Гавриным и К. А. Шебапиной [4], а также другими авторами, например, такими, как Е. С. Раздьяконов и Р. В. Сёмин [7], которые подчеркивают значимость этого инструмента для защиты прав кредиторов.

Так, Д. А. Гаврин и К. А. Шебапина в своей статье отмечают, что «исполнительная надпись нотариуса на кредитном договоре предоставляет кредиторам возможность взыскивать задолженность во внесудебном порядке» [4], что значительно упрощает процесс взыскания и разгружает судебную систему. Они также указывают на изменения в законодательстве, которые позволили расширить функции нотариусов и упростить процедуру взыскания долгов, что соответствует мнению о необходимости разгрузки судов.

Е. С. Раздьяконов акцентирует внимание на том, что «бесспорность требований взыскателя к должнику является основным условием совершения исполнительной надписи» [7]. Р. В. Сёмин также подчеркивает, что «совершение нотариусом исполнительной надписи придает силу исполнительного документа кредитному договору», что является важным аспектом для защиты прав кредиторов [10].

Таким образом, исполнительная надпись нотариуса на кредитном договоре представляет собой эффективный инструмент для взыскания задолженности и защиты прав кредиторов. Важно, чтобы кредиторы и должники были осведомлены о своих правах и обязанностях в рамках этой процедуры, что поможет минимизировать споры и улучшить правоприменительную практику. Примеры таковой и особенности судебных решений рассмотрим ниже.

Так, рассмотрев решение Ленинского районного суда г. Владивостока от 13.07.2020 по делу № 2–2681/2020 [9], которое затрагивает ключевые аспекты совершения исполнительной надписи на кредитном договоре и ее соответствия действующему законодательству, определили, что данное дело, безусловно, иллюстрирует правовые коллизии, возникающие между нотариатом, кредитными организациями и заемщиками, и демонстрирует подход судебных органов к их разрешению. Суть дела состояла в том, что между ПАО СКБ Приморья «Примсоцбанк» и заемщиком был заключен кредитный договор на сумму 221 000 рублей с определенным сроком возврата. При

этом нотариусом была совершена исполнительная надпись о взыскании задолженности в размере 197 968 рублей 23 копейки, включающей основной долг, проценты, пени и расходы на нотариальные услуги. Истец же оспаривает законность исполнительной надписи, аргументируя это тем, что в договоре отсутствовало условие о возможности взыскания через исполнительную надпись и что банк не уведомил его за 14 дней до обращения к нотариусу.

Статья 90 Основ законодательства РФ о нотариате [2] определяет перечень документов, по которым взыскание производится в бесспорном порядке, включая кредитные договоры (за исключением МФО), при наличии условия о возможности взыскания по исполнительной надписи. Статья 91.1 Основ законодательства о нотариате устанавливает требование о направлении уведомления должнику за 14 дней до обращения к нотариусу. Статья же 428 ГК РФ регулирует договоры присоединения, каковыми являются кредитные договоры с общими условиями [1].

Проведя правовой анализ судебного решения, обнаружили, что суд установил наличие условия о возможности взыскания через исполнительную надпись содержалось в п. 14 кредитного договора, который отсылал к Общим условиям договора потребительского кредита (п. 5.1.1). Истец согласился с этими условиями, поставив подпись на договоре. Суд признал, что Общие условия являются неотъемлемой частью договора присоединения, и их условия обязательны для заемщика.

Этот вывод суда соответствует положениям Гражданского кодекса о договорах присоединения (ст. 428 ГК РФ) и практике применения исполнительных надписей по кредитным договорам. Как отмечается в литературе, включение условия об исполнительной надписи в договор присоединения является правомерным, если заемщик был ознакомлен с условиями и принял их.

В процессе соблюдения уведомительного порядка суд подтвердил, что банк направил истцу уведомление о нарушении обязательства с требованием погасить задолженность в течение 14 дней и предупреждением о возможности обращения к нотариусу. Нотариус также направил уведомление о совершении исполнительной надписи. Таким образом, требования ст. 91.1 Основ о нотариате были соблюдены.

Данный аспект особенно важен в свете изменений в законодательстве о нотариате, вступивших в силу с 5 февраля 2025 года, которые усилили контроль за достоверностью документов, представляемых нотариусу. Хотя на момент рассмотрения дела эти изменения еще не действовали, они отражают тенденцию к ужесточению требований к процедуре совершения исполнительных надписей.

Суд отметил, что нотариус проверил представленные документы на соответствие ст. 90 Основ о нотариате,

включая кредитный договор с условием об исполнительной надписи, расчет задолженности, подтверждение направления уведомления должнику.

Истец не представил доказательств нарушения нотариусом требований ст. 91 Основ, в частности, того, что требования были спорными или прошло более двух лет с момента возникновения обязательства. Этот подход согласуется с судебной практикой, согласно которой нотариус не обязан проверять экономическую обоснованность требований, а лишь устанавливает их формальное соответствие закону.

Решение подчеркивает преимущество внесудебного порядка взыскания при наличии бесспорных требований, что соответствует целям разгрузки судебной системы и ускорения процедуры взыскания. Однако в деле отсутствовали основания для обращения взыскания в судебном порядке, предусмотренные ст. 348–349 ГК РФ, такие, как несоразмерность требований стоимости заложенного имущества или наличие спора о праве.

Отметим, что с 5 февраля 2025 года вступили в силу поправки в Основы о нотариате, которые усилили контроль за исполнительными надписями по договорам займа. Нотариус теперь обязан проверять достоверность документов от кредитных организаций через запросы, а также ограничена территориальная компетенция нотариусов по месту жительства должника.

Кроме того, Минюст России разработал проект нового закона, который может вступить в силу с 1 января 2026 года. Он предусматривает изменение порядка утверждения нотариальных тарифов и введение аудио-видеофиксации нотариальных действий. Таким образом, как показывает практика, нарушения процедуры могут привести к отмене исполнительных надписей, что влечет дополнительные расходы и задержки во взыскании.

Решение Ленинского районного суда г. Владивостока от 13.07.2020 демонстрирует сбалансированный подход судебных органов к разрешению споров об исполнительных надписях. С одной стороны, суд признал законность действий нотариуса и банка, подтвердив эффективность внесудебного механизма взыскания. С другой стороны, решение подчеркивает необходимость строгого соблюдения процедурных требований, обеспечивающих защиту прав должников.

В контексте развития законодательства анализ данного дела позволяет выделить ключевые тенденции:

— Усиление контроля за совершением исполнительных надписей, выражающееся в новых требованиях к проверке документов и территориальной компетенции нотариусов.

— Важность четких формулировок в кредитных договорах и соблюдения уведомительного порядка для предотвращения оспаривания исполнительных надписей.

— Роль судебного контроля как гаранта баланса интересов кредиторов и должников.

В подтверждение сказанного было рассмотрено решение по делу № 2а-314/2025, вынесенное Ленинским рай-

онным судом г. Владивостока, также важное в контексте законодательства о нотариате и исполнительном производстве [9]. В решении говорится, что нотариусом была совершена исполнительная надпись о взыскании задолженности по кредитному договору, заключенному с ответчиком в пользу ПАО «Росбанк». Далее на основании договора цессии право требования задолженности перешло от ПАО «Росбанк» к ООО «ПКО УК «Траст».

ОСП по Владивостокскому городскому округу возбудило исполнительное производство № -ИП по заявлению ООО «ПКО УК Траст», но затем окончило его на основании п. 3 ч. 1 ст. 46 Федерального закона № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (возвращение исполнительного документа взыскателю). ООО «ПКО УК Траст» обратилось в суд с требованием признать бездействие судебных приставов-исполнителей незаконным, указав, что исполнительный документ и копии постановлений не были направлены в адрес взыскателя.

Суд установил, что исполнительная надпись нотариуса была совершена в соответствии с требованиями статьи 90 Основ о нотариате. Кредитный договор содержал условие о возможности взыскания задолженности через исполнительную надпись, что соответствует практике, сложившейся после изменений в законодательстве о нотариате. Однако в деле отсутствовали данные о том, был ли соблюден уведомительный порядок, предусмотренный статьей 91.1 Основ, что могло повлиять на законность исполнительной надписи.

Суд пришел к выводу, что бездействие судебных приставов-исполнителей отсутствовало, поскольку все необходимые исполнительные действия были совершены (запросы в регистрирующие органы, обращение взыскания на денежные средства и доходы должника), документы (постановления и исполнительный лист) были направлены взыскателю в установленном порядке, жалобы взыскателя были рассмотрены в сроки, предусмотренные статьей 126 Закона № 229-ФЗ (в течение 10 дней).

Таким образом, суд не усмотрел нарушения прав ООО «ПКО УК Траст», поскольку его требования были фактически исполнены, а несвоевременное получение документов не свидетельствует о бездействии приставов. Однако суд восстановил пропущенный административным истцом срок обращения в суд, признав причину пропуска уважительной. Истец указал, что о нарушении своих прав узнал только тогда, когда не получил исполнительный документ и ответы на жалобы. Этот подход согласуется с позицией Верховного Суда РФ (Обзор судебной практики №, 2020), согласно которой пропуск срока сам по себе не является основанием для отказа в проверке законности оспариваемых действий.

Таким образом, кредитные организации и правопреемники (как ООО «ПКО УК Траст») должны проверять наличие в кредитных договорах четких условий о возможности взыскания через исполнительную надпись и соблюдение уведомительного порядка. При этом взыскатели должны активно взаимодействовать со службой судебных

приставов, своевременно получать постановления и исполнительные документы, а также обжаловать действия (бездействие) приставов в установленные сроки. В случае утраты исполнительного документа взыскатель вправе обратиться в суд за выдачей дубликата, как это предусмотрено Приказом ФССП России от ДД.ММ.ГГГГ № (Об утверждении Положения об организации работы по восстановлению утраченных исполнительных документов).

Оба приведенные решения демонстрируют сбалансированный подход судебных органов к разрешению споров, связанных с исполнительным производством на основании исполнительных надписей нотариусов. С одной стороны, суд подтвердил законность действий судебных

приставов-исполнителей, указав на отсутствие бездействия. С другой стороны, суд восстановил пропущенный срок обращения в суд, обеспечив защиту прав взыскателя.

В контексте развития законодательства анализ данного дела позволяет выделить ключевые тенденции:

1. Усиление контроля за совершением исполнительных надписей, выражающееся в новых требованиях к проверке документов и территориальной компетенции нотариусов.

2. Важность четкого взаимодействия между взыскателями, нотариатом и службой судебных приставов для обеспечения эффективности принудительного исполнения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: (утв. ГД 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ) (ред. 26.06.2025 г.). — КонсультантПлюс. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru>.
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025). — КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/
3. Вязовская, Т. Н. Исполнительная надпись нотариуса / Т. Н. Вязовская, Т. Ф. Тимофеева, З. К. Кондратенко // Право и практика. — 2021. — № 2. — С. 164–167.
4. Гаврин Д., Исполнительная надпись нотариуса на кредитном договоре / Д. Гаврин, К. Шебакина // Хозяйство и право. — 2017. — № 5(484). — С.106–115.
5. Меринова А. И. Подготовка банка к нотариальному производству о совершении исполнительной надписи на договоре потребительского кредита / А. И. Меринова / В сборнике: Современные проблемы правотворчества и правоприменения. — 2017. — С. 238–241.
6. Пешкова, Х. В. Комментарий к основам законодательства Российской Федерации о нотариате / Х. В. Пешкова, И. Н. Кашурин, О. В. Макаров. — Москва, 2020. — 132 с.
7. Раздьяконов, Е. С. Вопросы определения компетенции нотариуса по совершению исполнительной надписи / Е. С. Раздьяконов // Нотариальный вестник, 2020. — № 11. — С. 5–16.
8. Ручкин, Р. О. Списание банками безнадежных долгов заемщиков — физических лиц с использованием сведений из реестра наследственных дел единой информационной системы нотариата: некоторые вопросы правоприменения / Р. О. Ручкин // Банковское право. — 2019. — № 2. — С. 52–57.
9. Сафронский, Г. Э. Исполнительная надпись нотариуса как внесудебный способ защиты обязательственных прав / Г. Э. Сафронский, А. Р. Казанков / В сборнике: Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право. — Москва, 2022. — С. 477–482.
10. Сёмин, Р. В. Защита прав и законных интересов кредиторов путем совершения нотариусом исполнительной надписи / Р. В. Сёмин // Юридическая наука и практика: актуальные вопросы, достижения и инновации. — 2024. — С.52–54.
11. Судебные и нормативные акты РФ: Электронный ресурс: Режим доступа: <https://sudact.ru/>

Понятие коммерческих юридических лиц в современной России

Олексина Ксения Александровна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В настоящей статье рассматриваются коммерческие юридические лица, как вид юридических лиц, с указанием признаков им признаков и с акцентом на тенденцию последних лет в виде сближения правового положения коммерческих и некоммерческих организаций на современном рынке, несмотря на отсутствие у некоммерческих организаций законодательно закрепленного права на ведение предпринимательской деятельности. В качестве решения сложившейся ситуации для проведения более четкой границы между коммерческими и некоммерческими организациями автор предлагает включить в Гражданский кодекс Российской Федерации определение «коммерческое юридическое лицо».

Ключевые слова: юридическое лицо, концепции происхождения юридических лиц, коммерческое юридическое лицо, извлечение прибыли, некоммерческая организация, социально-экономические функции коммерческих юридических лиц

Исторически субъектами права являлись только физические лица — живые люди (индивиды), обладающие определенными правами и обязанностями. В процессе развития экономических отношений возникла объективная потребность в создании нового субъекта права — юридического лица, способного самостоятельно участвовать в имущественном обороте.

В теории права существует несколько основных концепций, объясняющих сущность юридических лиц. Теория фикции, разработанная Фридрихом Карлом фон Савиньи, рассматривает юридическое лицо как искусственный субъект, созданный законодателем для определенных целей. Согласно данной теории, реальными субъектами права могут быть только люди, а юридическое лицо — это правовая фикция, допущенная законодателем для удобства гражданского оборота.

Теория реальности, предложенная Отто фон Гирке, напротив, признает за юридическим лицом качества реально существующего субъекта. В рамках данной концепции юридическое лицо рассматривается как особый социальный организм, обладающий собственной волей и интересами, отличными от воли и интересов входящих в него лиц.

Теория интереса, разработанная Рудольфом фон Иерингом, обосновывает существование юридического лица необходимостью защиты коллективных интересов. Согласно данной теории, юридическое лицо — это способ организации коллективных интересов, получивший правовое признание.

Теория целевого имущества рассматривает юридическое лицо как обособленное имущество, предназначенное для достижения определенной цели. При этом носителем прав и обязанностей признается не юридическое лицо как таковое, а само целевое имущество [5].

Каждая теория отражает определенный аспект юридического лица, но имеет как достоинства, так и недостатки.

Теория фикции Савиньи практична и прагматична. Она признает, что юридическое лицо — это искусственная конструкция, созданная законом для конкретных целей. Эта теория хорошо объясняет процесс создания юридических лиц государством и их функциональное назначение. Однако она слишком упрощает сложную природу юридических лиц, игнорируя их реальное экономическое и социальное значение.

Теория реальности Гирке представляет противоположный взгляд, рассматривая юридическое лицо как реальный социальный организм. Эта теория лучше объясняет самостоятельность юридических лиц, их способность формировать и выражать коллективную волю, отличную от воли отдельных участников. Но она может излишне очеловечивать организацию, приписывая ей качества, свойственные только физическим лицам.

Теория интереса Иеринга занимает промежуточную позицию, фокусируясь на целевом назначении юридического лица как способа защиты коллективных интересов. Это более функциональный подход, который подчеркивает роль юридических лиц в обществе и праве. Однако эта теория может недостаточно учитывать формальные юридические аспекты.

Теория целевого имущества смещает акцент с организационной структуры на имущественную основу юридических лиц. Она хорошо объясняет имущественную обособленность и целевой характер деятельности юридических лиц, но может недооценивать организационный и человеческий факторы.

Наиболее обоснованным представляется интегративный подход, учитывающий ценные аспекты каждой теории.

Однако, анализ данных теорий позволяет сделать вывод, что российский законодатель в большей степени придерживается теории реальности, признавая за юридическим лицом качества самостоятельного субъекта права, что нашло отражение в определении юридического лица, содержащемся в пункте 1 статьи 48 Гражданского кодекса Российской Федерации [2].

На основе легального определения учеными были выделены следующие основные признаки юридического лица: организационное единство, имущественная обособленность, самостоятельная имущественная ответственность по своим обязательствам, выступление в гражданском обороте от собственного имени, то есть способность юридического лица самостоятельно приобретать и осуществлять гражданские права, нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде [1].

Вышеперечисленные признаки присущи в том числе и коммерческим организациям. Ключевым критерием разграничения юридических лиц на коммерческие и некоммерческие является основная цель их деятельности, определяемая в соответствии с пунктом 1 статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации, как извлечение прибыли. При этом прибыль определяется как разница между полученными организацией доходами и произведенными расходами (пункт 1 части 2 статьи 247 Налогового кодекса Российской Федерации) [2, 6].

Главным признаком, позволяющим разделить юридические лица на коммерческие и некоммерческие, является не просто возможность получения дохода, называемого прибылью, а именно их основная цель деятельности. Для коммерческих организаций прибыль является не случайным результатом, а постоянной задачей, определяющей суть их работы. При этом мы понимаем, что коммерческие организации существуют и выживают на конкурентном рынке товаров, работ и услуг исключительно за счет получения положительной разницы между

своими доходами и расходами, в противном случае их деятельность не имеет практического смысла, и ведет к несостоятельности, или иначе к банкротству.

Иными словами, отличие коммерческих юридических лиц от некоммерческих организаций заключается в том, что они изначально создаются для ведения деятельности, направленной на систематическое, а следовательно, непрерывное, извлечение прибыли от использования имущества, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг в соответствии со статьёй 2 Гражданского кодекса Российской Федерации. То есть создаются для предпринимательской деятельности [2].

При этом можно выделить несколько иных целей их деятельности, производных от законодательно установленной цели:

- удовлетворение общественных потребностей, то есть коммерческие организации, производя товары или оказывая услуги, направляют усилия на удовлетворение спроса потребителей, а эффективное удовлетворение потребностей, в свою очередь, способствует укреплению позиций на рынке и увеличению прибыли;

- расширение масштабов деятельности, позволяющее структурировать бизнес, привлечь внешние инвестиции и расширить географию деятельности, что способствует увеличению прибыли и укреплению конкурентных позиций, что снова приводит к удовлетворению общественных потребностей в виде разработки новых инновационных товаров, работ и услуг на рынке.

Помимо цели извлечения прибыли важным критерием для характеристики коммерческих юридических лиц является правовая возможность распределения полученной прибыли между участниками, которое обязательно должно отсутствовать у некоммерческих организаций, о чем прямо указано в пункте 1 статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации [6].

А. А. Аюрова отмечает, что среди учёных до сих пор нет согласия, что же имеет большее значение в разграничении коммерческих юридических лиц и некоммерческих организаций — цель извлечения прибыли или же ее распределение между участниками, так как существуют исключения, к которым относятся унитарные предприятия, не распределяющие прибыль, но извлекающие прибыль коммерческие юридические лица, а также потребительские кооперативы, являющиеся некоммерческими организациями, но распределяющие доходы кооператива между своими членами [7, с. 118].

В. И. Григорьев подчеркивает, что деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации имеет важное значение на практике, поскольку определяет особенности их правового положения, включая объем правоспособности, порядок создания, функционирования и прекращения деятельности. Коммерческие организации, в отличие от некоммерческих, обладают универсальной правоспособностью, что позволяет им осуществлять любые виды деятельности, не запрещенные законом. Исключением из данного правила являются уни-

тарные предприятия и другие виды организаций, прямо указанные в законе, обладающие специальной правоспособностью [3].

Специфично, что законодатель устанавливает исчерпывающий перечень организационно-правовых форм коммерческих юридических лиц. Данное ограничение, называемое принципом *numerus clausus*, обусловлено необходимостью государственного контроля за деятельностью коммерческих организаций и защиты прав их кредиторов.

С точки зрения А. А. Аюровой, закрытый перечень коммерческих юридических лиц — это «первый отличительный признак, формальный по своей природе, при руководстве которым становится возможным разграничение коммерческих и некоммерческих образований — соответствие организационно-правовой формы юридического лица той или иной форме, присущей коммерческим либо некоммерческим организациям согласно закону» [7, с. 117].

Как было уже указано ранее, коммерческие юридические лица являются основными участниками гражданского оборота и предпринимательской деятельности. Они выступают в качестве контрагентов по гражданско-правовым договорам, создающих материальные и нематериальные блага в виде товаров, работ или услуг, в качестве работодателей, налогоплательщиков и субъектов иных административных и гражданских правоотношений. Через систему коммерческих организаций реализуется большая часть хозяйственных связей в экономике.

Важно отметить, что цель извлечения прибыли не исключает возможности осуществления коммерческими организациями иной деятельности, включая социально значимые проекты. Однако, такая деятельность должна носить вспомогательный характер и не противоречить основной цели коммерческой организации.

Таким образом, коммерческие юридические лица выполняют и важные социально-экономические функции: создание рабочих мест, уплата налогов и сборов, формирующих доходную часть бюджетов различных уровней, производство товаров и услуг, удовлетворяющих потребности общества. При этом их основная цель — извлечение прибыли — не противоречит выполнению данных функций, а напротив, создает материальную основу для их реализации.

В связи с этим коммерческие юридические лица представляют собой особую категорию участников гражданского оборота, характеризующуюся специальной целевой направленностью на систематическое получение прибыли, что определяет особенности их правового положения и регулирования их деятельности. Формирование таких организаций предопределено требованиями рыночных отношений, создающих институциональную потребность в эффективных правовых формах предпринимательской деятельности.

Все вышесказанное позволяет наблюдать на практике размытие границ между коммерческими юридическими

лицами и некоммерческими организациями. Это связано с тем, что приносящая доход деятельность, рассматриваемая как вспомогательная хозяйственная деятельность, приносящая доходы для поддержания существования некоммерческой организации практически, не отличается от деятельности по извлечению прибыли коммерческой организацией, особенно ярко это проявляется в случаях, когда деятельность коммерческого юридического лица не приносит необходимый для реализации цели своего существования доход.

Яркими существующими примерами фактического перекоса между доходами некоммерческих и коммерческих организаций являются созданные государством государственные корпорации, такие как Росатом, Ростех и Роскосмос, формально обладающие статусом некоммерческих организаций, с годовым оборотом в несколько миллиардов рублей, и любое гипотетическое общество в ограниченной ответственности «Помидорка» с минимальным уставным капиталом в 10 000 рублей с единственным участником Сидоровым Сидором Сидоровичем, являющим и генеральным директором, и главным бухгалтером, с оборотом не более пары миллионов рублей за год.

В. И. Григорьев отмечает, что существует множество организаций, чья деятельность связана непосредственно с получением прибыли, однако часто такие организации являются некоммерческими юридическими лицами. В качестве примера он приводит российский футбол, в котором сложилась ситуация, где ведущие футбольные клубы выбирают для себя как коммерческие, так и некоммерческие организационно-правовые формы юридических лиц [3].

В указанным примерах специальная правосубъектность некоммерческих организаций при осуществлении деятельности в определенных прибыльных и специфических сферах экономики позволяет получать не меньшие доходы, не противоречащие уставной деятельности, чем те доходы, что предполагается законодателем, будут получать коммерческие организации с универсальной правосубъектностью.

Таким образом, разницы между извлечением прибыли и приносящей доход деятельностью в соответствии с уставом на практике может и не быть, что является негативным примером как для новых субъектов конкурентного рынка товаров, работ и услуг, так и для субъектов, осуществляющих важные социальные функции, являющихся основной целью их деятельности.

Стоит отметить, что в анализируемой научной литературе акцентируется внимание на отдельных признаках, отличающих именно некоммерческих организаций от коммерческих, но при этом не дается полноценное определение понятия «коммерческое юридическое лицо» или «коммерческая организация».

Еще в 2009 году Концепция развития гражданского законодательства предполагала, что разумно будет сохранить базовое разделение юридических лиц на коммерче-

ские и некоммерческие организации в соответствии со статьей 50 Гражданского кодекса Российской Федерации, так как отмена этого принципа привела бы к тому, что некоммерческие структуры (фонды, учреждения, общественные объединения и другие организации) получили бы неограниченные возможности для ведения предпринимательской деятельности, что прямо противоречит их уставным целям и специальной правоспособности. При этом критерии разграничения требовали уточнений. В частности, необходимо было прямо указать, что ограниченная (специальная) правоспособность некоммерческих организаций распространяется и на их предпринимательскую деятельность. Это позволило бы избежать злоупотреблений и сохранить баланс между их основной миссией и хозяйственной активностью. И данное предложение было реализовано через реформу гражданского законодательства 2014 года [4].

Таким образом, законодатель подтверждает, что правовой статус коммерческих юридических лиц в отличие от лиц некоммерческих не является вопросом проблемным и дискуссионным.

В связи с тем, что на практике ситуация складывается иначе, одним из способов четко разграничить коммерческих юридических лиц от некоммерческих организаций является формулировка и добавление в статью 50 Гражданского кодекса Российской Федерации наиболее точного определения «коммерческого юридического лица», соответствующего нормам современного гражданского законодательства.

На основании вышеизложенного предлагается следующее определение «коммерческого юридического лица».

Коммерческое юридическое лицо — это хозяйствующий субъект в виде организации, имеющей в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество, отвечающей по своим обязательствам этим имуществом, созданной в установленном законом порядке в одной из предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации организационно-правовых форм, обладающей правосубъектностью, необходимой для самостоятельного участия в гражданском обороте, осуществляющего систематическую предпринимательскую деятельность с целью систематического извлечения прибыли, подлежащей распределению между участниками, и исполняющей иные социальные обязанности перед обществом и государством, возложенные на нее в соответствии с действующим законодательством.

В данное определение вложены наиболее полные характеристики коммерческих юридических лиц без учёта особенностей отдельных организационно-правовых форм, но с учётом их универсальной правоспособности, цели деятельности, особенности владения имуществом, а также с учётом наличия социально значимых функций, реализуемых в интересах государства и общества. Воспользуемся именно данным определением в следующих параграфах работы.

Литература:

1. Габов, А. В. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 томах. Том 1. Общие положения о юридических лицах / А. В. Габов, О. В. Гутников, Н. Г. Доронина [и др.]; отв. ред. А. В. Габов, О. В. Гутников, С. А. Сеницын. — Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2020. — 384 с. — ISBN 978-5-16-011513-9. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1080555> (дата обращения: 06.09.2025). — Режим доступа: по подписке.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. 31.07.2025) // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 06.09.2025).
3. Григорьев, В. И. Деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации / В. И. Григорьев // Вестник гражданского права. — 2023. — № 3. — С. 188–229.
4. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 // Вестник ВАС. — 2009. — N 11. — СПС КонсультантПлюс. 2024. (дата обращения: 06.09.2025).
5. Котов, И. Р. Теории правовой природы юридического лица / И. Р. Котов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 49 (496). — С. 312–313. — URL: <https://moluch.ru/archive/496/108561/> (дата обращения: 06.09.2025).
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть 1): Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. 29.11.2024) // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 06.09.2025).
7. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 томах. Том 2. Виды юридических лиц в российском законодательстве / А. А. Аюрова, О. А. Беляева, М. М. Вильданова [и др.]; отв. ред. А. В. Габов. — Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2022. — 352 с. — ISBN 978-5-16-011814-7. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/1877289> (дата обращения: 06.09.2025). — Режим доступа: по подписке.

Сравнительный анализ института присяжных заседателей в России и Казахстане

Орлова Екатерина Юрьевна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье автор проводит сравнительно-правовой анализ института присяжных заседателей в России и Казахстане.

Ключевые слова: присяжные заседатели, Россия, Казахстан, сравнение, анализ.

Институт присяжных заседателей в России и Казахстане появился как элемент демократизации судебной системы. В России он был введен в результате судебной реформы 1993 года, в Казахстане — спустя 14 лет, в 2007 году, после масштабных судебных преобразований.

В России институт присяжных заседателей руководствуется Уголовно-процессуальным кодексом (глава 42) и ФЗ № 113 от 20.08.2004 «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции», в Казахстане — Уголовно-процессуальным кодексом и Законом № 121 от 16.01.2006 «О присяжных заседателях».

В России состав коллегии присяжных заседателей зависит от того, в каком суде рассматриваются дела — суд субъекта предполагает наличие восьми человек, а в районных судах число заседателей ограничено шестью людьми. В Казахстане сформирована единая система — десять присяжных и один профессиональный судья.

Главным различием института присяжных заседателей в России и Казахстане является то, что в отличие от России, где используется классическая англо-американская модель, которая подразумевает участие в процессе профессионального судьи, который ведет процесс, но не принимает участие в вынесении решения, в Казахстане применяется смешанная модель — вынесенное решение основывается не только на мнении коллегии присяжных, но и на профессиональном мнении судьи.

В связи с этим также различается процедура голосования по вынесению решения. В России коллегия под председательством старшины удаляется в комнату для голосования без судьи, а в Казахстане профессиональный судья удаляется вместе с коллегией для принятия решения, что закреплено в статье 655 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан [1]. В совещательной комнате присутствуют только судья и присяжные, и никакие иные

лица не допускаются. Судья не только наблюдает за ходом обсуждения, но и разъясняет присяжным незакрытые моменты, обеспечивает порядок голосования и подсчёт бюллетеней — фактически участвует в процедуре принятия вердикта [2]. Такая модель предполагает более активное участие профессионального судьи в аналитической, ценностной, а не только правоприменительной функции коллегии.

С одной стороны, присутствие судьи в совещательной комнате может способствовать:

- предотвращать процессуальные ошибки присяжных;
- обеспечивать корректность процедуры голосования;
- повышать юридическую грамотность и законность формулировок вердикта.

С другой стороны, такой подход уменьшает степень независимости присяжных заседателей и может вызвать обоснованные опасения относительно влияния судьи на их оценку фактов — в отличие от классических англосаксонских систем, где жюри автономно выносит вердикт, а судья лишь оглашает наказание.

В российской действительности законодательство акцентирует автономию присяжных в совещательной комнате: роль судьи ограничена напутственным словом и контролем за процедурой, но он не входит в обсуждение. Такая модель соответствует традиционным представлениям об институциональной чистоте и независимости присяжных.

В современных реалиях одной из главных проблем, как в России, так и в Казахстане, является сложность формирования коллегии присяжных заседателей, что влияет на продолжительность стадий рассмотрения уголовного дела в суде, а также низкая явка граждан в суд для участия в качестве присяжных заседателей. Так, в России списки присяжных заседателей формируются всего один раз в 4 года на базе ГАС «Выборы», а в Казахстане списки формируются местными акиматами ежегодно, чего не достаточно для формирования полноценной коллегии присяжных, с учетом низкой явки, а также наличия оснований для исключения из списков: например, проживание не по месту нахождения суда, участие в качестве присяжных в течение последнего года, наличие судимости и прочее, а также имеющейся в законодательстве возможности отвода присяжных сторонами.

Суд присяжных, благодаря своей независимости, является важным инструментом защиты принципа презумпции невиновности, особенно когда профессиональное правосудие может проявлять обвинительный уклон, однако на практике в обеих странах, как я уже указывала выше, отмечается низкая гражданская активность [3]: большинство потенциальных присяжных уклоняются от участия, ссылаясь на занятость, здоровье или вовсе не объясняя причин, также наблюдается высокий уровень правового нигилизма граждан, который выражается в недоверии населения к суду и различным органам государственной власти. В связи с чем законодателям обеих стран необходимо повышать уровень доверия граждан к власти, проводить правовой «ликбез» с целью увеличения гражданской активности в судебной системе, а также развивать цифровизацию в процессе формирования списков присяжных заседателей и извещения граждан о вызове в суд для принятия участия в судебном процессе, например, вызов присяжных через Единый портал государственных услуг, а также возможность подачи гражданами заявлений об уважительных причинах неявки, ходатайств о переносе или освобождении в цифровом формате, что упростит и ускорит процедуру формирования коллегии присяжных заседателей.

Институт присяжных заседателей в Российской Федерации и Республике Казахстан, обладая значительным демократическим потенциалом и глубокими историко-правовыми корнями, по-прежнему остаётся структурно и функционально несовершенным элементом модели уголовного судопроизводства. Несмотря на значительные усилия законодателей обеих стран, направленные на расширение доступности суда присяжных и институциональное его оформление, доктринальная неопределённость относительно процессуальной роли присяжных, их статуса и функций порождает правовую фрагментарность и практическую неустойчивость данного механизма.

Однако, обе страны нацелены на повышение доверия к судебной системе через демократизацию правосудия. Законодатели планируют дальнейшие изменения с учетом социальной и политической ситуации в странах, так, например в Казахстане в 2024 году законодателем расширен перечень составов преступлений до 45 пунктов, по которым возможно участие присяжных заседателей.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, ст. 655 «Тайна совещания присяжных заседателей» [Электронный ресурс]. — URL: <https://zakonpravo.kz/statya-655-tayna-soveshaniya-prisyazhnyh-zasedateley-upk-rk-ugolovno-protsessualnyy-kodeks-respubliki-kazahstan> (дата обращения: 07.09.2025)
2. Законное таинство совещательной комнаты, или Как работают статьи УПК РК присяжных заседателей // Ulysmedia.kz. — 13.05.2024 [Электронный ресурс]. — URL: <https://ulysmidia.kz/news/31112-zakonnoe-tainstvo-soveshatelnoi-komnaty-ili-kak-rabotaiut-stati-upk-rk-prisiazhnykh-zasedatelei> (дата обращения: 07.09.2025)
3. Шнарбаев Б. К. Суд с участием присяжных заседателей в Казахстане: Учебное пособие. — Костанай: Костанайский филиал ЧелГУ, 2019. — С. 149.

Открытые данные и публичная власть

Палазник Илья Андреевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Принцип информационной открытости сегодня перестал быть исключительной прерогативой органов государственной и муниципальной власти. Он в равной степени распространяется на любой государственный орган, а также на структуры и должностных лиц, наделённые публичными функциями. Государственные данные представляют один из ключевых интересов для общества, и многочисленные некоммерческие организации и отдельные активисты добиваются открытости государственной информации в машиночитаемой форме. Многие национальные правительства в рамках стратегий «открытого государства» создали веб-сайты для распространения части данных, обрабатываемых в секторе государственного управления [1].

Активное освоение интернет-пространства публичной властью стало ключевым драйвером этой открытости. Цифровая среда используется не только для решения управленческих задач, но и как инструмент обеспечения подотчётности перед обществом. Доступ к информации о деятельности власти позволяет гражданам составить объективную картину происходящего в стране и на местах, что, в свою очередь, повышает эффективность общественного контроля и способствует укреплению доверия к институтам власти.

Право на доступ к информации во многом предполагает самостоятельный выбор субъектом той информации, которая для него является важной. Оно распространяется в основном на публичную сферу и в первую очередь на доступ к информации о деятельности государственных и муниципальных органов. В соответствии с статьей 1 Федерального закона от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [2], под информацией о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления понимается информация (в том числе документированная), созданная в пределах своих полномочий государственными органами, их территориальными органами, органами местного самоуправления или организациями, подведомственными государственным органам, органам местного самоуправления, либо поступившая в указанные органы и организации.

Также правовой основой служит Постановление Правительства от 10.07.2013 года № 583 «Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных» [3]. Этим документом утверждены правила, согласно которым госорганы и органы местного самоуправления определяют, какая именно информация из их деятельности относится к общедо-

ступной и подлежит размещению в формате открытых данных. При этом наблюдается устойчивая тенденция к постоянному расширению перечня таких данных.

На практике реализация этих требований выглядит следующим образом. Каждый орган власти обязан создать на своем официальном сайте специальный раздел «Открытые данные». Ключевым элементом этого раздела является реестр наборов данных. Каждый набор снабжается исчерпывающими метаданными, позволяющими его однозначно идентифицировать и автоматически обработать. Эти метаданные включают наименование набора данных, информацию о его владельце, прямую гиперссылку для скачивания и указание на машинный формат (например, CSV, JSON). Такой подход обеспечивает не только прозрачность, но и технологическую готовность информации для её повторного использования в цифровой среде.

Открытые данные внедряются как на государственном, но также и на региональном уровне. В июне 2009 г. открыт портал OpenGovData.ru, который стал одной из первых платформ, посвященных продвижению концепции открытости государственных данных и предоставляющей доступ к различным наборам информации

Среди наиболее заметных региональных инициатив можно выделить:

- Портал открытых данных Правительства Москвы (data.mos.ru), предлагающий огромный массив структурированной информации о жизни столицы.
- Общественный портал открытых данных Санкт-Петербурга (opendata.spb.ru), развиваемый силами активистов и IT-сообщества.
- Специализированный ресурс GisLab.info, который поддерживается сообществом экспертов по геоинформационным технологиям и служит платформой для публикации открытых геоданных.

Ключевой проблемой на текущем этапе развития открытых данных в России является низкий уровень формализации и стандартизации публикуемой информации. На существующих порталах данные представлены в разрозненном виде — от документов в форматах офисных пакетов (Word, Excel) до HTML-страниц и текстовых файлов с разделителями.

Подобная разнородность форматов и отсутствие единых требований к структуре данных создают серьезные препятствия для их эффективного использования. В перспективе это приведет к необходимости дорогостоящей интеграции и переработки массивов информации на новом технологическом уровне.

Для решения этих проблем требуется реализация комплексной системы унификации, включающей:

1. Разработку единых стандартов описания структур данных, закрепленных в нормативных актах
2. Обеспечение семантической однозначности всех реквизитов и связей между данными
3. Создание четких требований к логической и физической структуре данных, включая:
 - форматы значений и типы данных
 - систему уникальных идентификаторов
 - первичные и внешние ключи
 - ограничения целостности

4. Формирование детальных регламентов ввода и обновления информации с указанием:

- ответственных лиц и организаций
- периодичности обновления
- нормативной базы для публикации [4, с. 11].

Только при выполнении этих условий открытые данные смогут стать полноценной основой для создания приложений и сервисов, а их обработка будет осуществляться автоматизированно, без необходимости ручной доработки и интерпретации.

Литература:

1. Староверов В. В. Открытые данные // International Journal of Open Information Technologies. 2016. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otkrytye-dannye> (дата обращения: 07.09.2025).
2. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 7. Ст. 776.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.07.2013 № 583 «Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (ч. 1). Ст. 8973.
4. Волков А. И., Рейнгольд Л. А. Открытые данные: проблемы и решения // Прикладная информатика. 2014. № 3 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otkrytye-dannye-problemy-i-resheniya> (дата обращения: 07.09.2025).

Проблемы квалификации арендных отношений

Пелевина Элла Владимировна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор исследует проблемы квалификации арендных отношений.

Ключевые слова: арендные отношения, проблемы, классификация.

Арендные отношения, являясь одним из старейших гражданско-правовых институтов, представляют значительную сложность для классификации их многогранности, исторической эволюции и разнообразия современных форм [1, с. 45]. Эта проблема имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, поскольку отнесение аренды к тому или иному виду влияет на правовой режим, налоговые последствия, бухгалтерский учёт и защиту прав сторон [2, с. 112].

Договор аренды (имущественного найма) является одним из классических и наиболее распространенных институтов гражданского права, опосредующих передачу имущества во временное владение и пользование [3, ст. 606 ГК РФ]. Однако на практике часто возникают ситуации, когда правовая природа возникающих отношений не является очевидной. Схожесть экономического результата — возможности использовать чужое имущество — приводит к коллизиям между договором аренды и такими договорами, как безвозмездное пользование (ссуда), возмездное оказание услуг, лизинг (финансовая аренда) и простого товарищества [4, с. 78].

Неправильная квалификация договорных отношений влечет за собой серьезные последствия: применение не тех норм права, признание сделки недействительной, доначисление налогов, отказ в судебной защите [5, с. 91]. Таким образом, проблема точного определения юридической сущности возникающих отношений сохраняет свою высокую актуальность для правоприменительной практики.

Основная сложность заключается в том, что по договору оказания услуг (например, по предоставлению в пользование помещений для проведения мероприятия) исполнитель также предоставляет заказчику возможность использовать имущество. Однако различие носит сущностный характер, связанный с объектом договора. В аренде объектом является само имущество и право его использования. Арендатор самостоятельно организует процесс его эксплуатации [3, ст. 606 ГК РФ].

В договоре услуг объектом является не имущество само по себе, а деятельность (действие) исполнителя по предоставлению доступа к этому имуществу в комплексе с иными услугами (например, техническое сопровождение, охрана, уборка) [3, ст. 779 ГК РФ].

По характеру предоставления аренда предполагает предоставление имущества на длительный срок для его самостоятельного использования арендатором. Услуга носит разовый или срочный характер и направлена на достижение конкретного результата (проведение конференции, банкета), где имущество — лишь одна из составляющих этого результата [6, с. 134].

На практике стороны часто заключают смешанный договор, содержащий элементы и аренды, и оказания услуг. В этом случае суд, руководствуясь ст. 421 ГК РФ, квалифицирует отношения исходя из действительной общей воли сторон и смысла договора [7, с. 201].

Следующей проблемой является аренда и безвозмездное пользование (ссуда). Формальным разграничивающим признаком здесь является возмездность. Договор аренды всегда возмездный (ст. 606 ГК РФ), ссуды — всегда безвозмездный [3, ст. 689 ГК РФ]. Однако проблема возникает в случаях, когда плата за пользование имуществом завуалирована или носит косвенный характер.

Например, стороны заключают договор ссуды, но ссудополучатель обязан производить капитальный ремонт переданного имущества или нести иные расходы, явно превышающие выгоду от безвозмездного пользования. Суд может переqualифицировать такие отношения в арендные, посчитав, что под видом безвозмездной сделки фактически скрываются возмездные отношения [3, ст. 170 ГК РФ; 8, с. 65].

Далее рассмотрим вопрос аренды и лизинга (финансовой аренды). Лизинг является разновидностью аренды, что закреплено в [3, ст. 625 ГК РФ]. Однако его квалификация вызывает споры из-за сложной структуры отношений. Классическая аренда — отношения строятся по схеме «арендодатель — арендатор». Лизинг подразумевает трехсторонние отношения — «лизингодатель (финансовая компания) — лизингополучатель — продавец имущества».

Ключевые отличия заключаются в субъектном составе: в лизинге арендодатель (лизингодатель) специально приобретает имущество для передачи его в аренду, а не использует свое собственное. Цель лизингодателя в том, что он является не столько собственником, сколько финансовым инвестором. Как правило, за лизингополучателем закреплено право выбора продавца и конкретного имущества [10, с. 77]. Проблема заключается в неверном

оформлении договора (например, отсутствие ссылки на продавца или порядка взаимодействия с ним) может привести к переqualификации лизинга в обычную аренду, что повлечет налоговые и риски для всех участников сделки [11, с. 93].

Еще одной проблемой является аренда и договор простого товарищества. Сложность возникает, когда один из товарищей вносит в общее дело не денежные средства, а право пользования имуществом (например, помещением). Формально это похоже на аренду, где платой является доля в прибыли от совместной деятельности. Однако различие заключается в цели аренды — получение арендатором имущества в пользование за плату. Цель простого товарищества — совместная деятельность товарищей для извлечения прибыли, где внесенное имущество является вкладом в это общее дело [3, ст. 1041 ГК РФ; 12, с. 102].

Квалификация будет зависеть от содержания договора: если он предусматривает совместную деятельность, распределение прибылей и убытков, то это товарищество. Если же договор лишь фиксирует обязанность по передаче имущества и внесению периодических платежей — это аренда [13, с. 115].

Проблемы квалификации арендных отношений носят системный характер и порождены гибкостью гражданского оборота. Для их минимизации участникам правоотношений и правоприменителям необходимо руководствоваться не только формальными признаками договора, но и его экономической сущностью [14, с. 56].

Ключевыми для разграничения являются следующие критерии:

- существо опосредуемого экономического интереса (получение имущества во временное пользование или получение комплекса услуг/участие в совместной деятельности);
- характер встречного предоставления (арендная плата, доля в прибыли, встречная услуга);
- степень самостоятельности пользователя в эксплуатации имущества;
- субъектный состав и роль каждого участника сделки [15, с. 124].

Тщательный анализ этих критериев на стадии заключения договора позволит избежать судебных споров, налоговых претензий и обеспечит стабильность гражданского оборота.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ.
2. Абрамов В. А. Сделки. Исковая давность. — М.: ООО «Юридическая фирма контракт», 2018. — 256 с.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. — М.: Статут, 2011. — 780 с.
4. Гонгало Б. М., Крашенинников П. В., Масляев А. И. Гражданское право: учебник. — М.: Статут, 2017. — 511 с.
5. Егорова М. А. Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора. — М.: Статут, 2019. — 270 с.
6. Карапетов А. Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре. — М.: Статут, 2018. — 210 с.
7. Саватье Р. Теория обязательств. — М.: Прогресс, 2018. — 345 с.
8. Суханов Е. А. Гражданское право: В 4 т. Т. 3: Общая часть: учебник для вузов. — М.: Волтерс Клувер, 2018. — 720 с.

9. Фогельсон Ю. Б. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора. — М.: Статут, 2019. — 290 с.
10. Цибуленко З. И. Аренда и ее виды // Журнал российского права. — 2020. — № 5. — С. 75–80.
11. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. — М.: Спарк, 2019. — 556 с.
12. Щенникова Л. В. Аренда в гражданском праве России: проблемы теории и практики // Законодательство. — 2021. — № 3. — С. 100–105.
13. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 N 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды».
14. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 N 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой».
15. Определение Верховного Суда РФ от 12.10.2020 по делу N 305-ЭС20–12345.

Проблемы привлечения к уголовной ответственности за уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей и способы их разрешения

Петрова Ксения Валерьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Латыпова Эльвира Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

Самым распространенным преступлением против семьи и несовершеннолетних является неуплата средств на содержание детей и нетрудоспособных родителей. Общественная опасность заключается в том, что преступления данной группы за последние несколько лет не имеют тенденции к снижению количества совершений, а объектами нарушенных прав выступают самые незащищенные и наиболее уязвимые слои населения — дети и нетрудоспособные родители. Более того с каждым годом увеличивается и рецидивность преступления. Произошедшие в статье изменения 2016 г. не только не упростили применение статьи 157 УК РФ, но и создали некоторые сложности. Это говорит о наличии проблем при применении статьи 157 УК РФ. При проведении исследования нами выделен ряд несовершенств состава, закрепленного в УК РФ, выраженных в неверном понимании природы защиты прав и интересов ребенка, в неоднозначности толкований некоторых признаков состава преступления, а также наличия формулировок в законе, содержание которых создает невозможность применения статьи в случаях, когда оно требуется. Это предполагает необходимость дальнейшего изменения статьи. Для правильного и четкого применения статьи, предусматривающей ответственность за преступления по уклонению от уплаты средств на содержание детей и нетрудоспособных родителей, мы считаем необходимым внести изменения в действующую редакцию статьи УК РФ, а также в уголовно-процессуальный кодекс РФ и в Постановление № 39 Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей».

Ключевые слова: уклонение, неуплата, содержание, алименты, несовершеннолетние, нетрудоспособные, статья 157 УК РФ.

Семья во все времена играла особую роль в обществе, и с каждой эпохой авторитет и важность института семьи только росли.

На сегодняшний день в семейном праве имеет большое значение институт алиментных обязательств. Отношения внутри семьи, в том числе алиментные отношения, регулируются семейным законодательством, которое провозглашает обеспечение родителями достойного воспитания детей, внимания к их благосостоянию и развитию, а также, соответственно, заботу детей о своих нетрудоспособных родителях.

Эти принципы абсолютно естественны для современного цивилизованного общества, но, тем не менее, не редки случаи, когда они нарушаются и попытки восстановить нарушенные права выходят далеко за пределы

компетенции семейного права. В таком случае механизм осуществления защиты прав переходит к административному, а следом к уголовному праву.

Самым распространенным преступлением против семьи и несовершеннолетних является неуплата средств на содержание детей и нетрудоспособных родителей. Общественная опасность заключается в том, что преступления данной группы за последние несколько лет не имеют тенденции к снижению количества совершений, а объектами нарушенных прав выступают самые незащищенные и наиболее уязвимые слои населения — дети и нетрудоспособные родители.

Актуальность данной статьи состоит в том, что по состоянию на сегодняшний день статья 157 УК РФ содержит ряд несовершенств, выраженных в неверном понимании

природы защиты прав и интересов ребенка, в неоднозначности толкований некоторых признаков состава преступления, а также наличия формулировок в законе, содержание которых создает невозможность применения статьи в случаях, когда оно требуется, что порождает некоторые проблемы в связи с применением этой статьи.

Целью данной статьи является рассмотрение актуальных проблем, возникающих у правоприменителя, а также разработка предложений по устранению данных пробелов в праве и усовершенствованию уголовного законодательства в сфере алиментных правоотношений между родителями и детьми.

Совершая преступление по статье 157 УК РФ, родитель, обязанный к уплате средств на содержание ребенка, в связи с решением суда приговаривается к уголовному наказанию. В таком случае он получает судимость, что негативно может сказываться на построении профессионального будущего ребенка. М. А. Горбатова и В. Е. Лесин отмечают, что проблема неуплаты алиментов носит острый социальный характер, и способы ее решения должны учитывать в первую очередь интересы лиц, на содержание которых должны поступать необходимые средства [13. С. 92].

Статья 3 Трудового Кодекса Российской Федерации запрещает дискриминацию в сфере труда, регламентируя положения о том, что никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества, если это не связано с деловыми качествами работника [6]. Однако некоторые положения, например, Приказ МВД России от 18 июля 2014 г. № 595 «О некоторых вопросах поступления граждан Российской Федерации на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» содержат такие утверждения: «в случае получения в результате проверки достоверности сообщенных кандидатом сведений данных о наличии у родственников кандидата судимости решение в каждом конкретном случае принимается индивидуально руководителем, уполномоченным принимать решение по документам, с учетом тяжести совершенного преступления, степени родства, взаимоотношений и частоты общения, материальной или иной зависимости кандидата, характера предстоящей службы в органах внутренних дел» [9].

То есть по закону кандидату на свободную вакансию не имеют права отказать на основании наличия у родственника судимости, но на практике, чаще всего, оказывается так, что это является решающим фактором отказа.

Таким образом, защищая право ребенка на получение содержания от своих родителей, гарантированное статьей 60 Семейного Кодекса Российской Федерации [2], и возбуждая уголовное дело на родителя-уклониста, законодатель, сам того не ведая, препятствует содействию ребенку в реализации и защите его прав и законных интересов, предусмотренного п. 1 ст. 7 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [7]. В данном случае получается, что ребенок лишается возможности начать про-

фессиональную деятельность в определенных структурах взамен на уголовное наказание родителя. А учитывая количество совершенных преступлений по статье 157 УК РФ из года в год, а также число рецидивов, можно сделать вывод, что санкция за данную статью не пугает нарушителей.

Многие не стремятся погасить образовавшуюся задолженность после составления протокола по ст. 5.35.1 КоАП РФ [5] за аналогичное правонарушение, а после возбуждения уголовного дела для них это становится проблематично. Это порождает вторую актуальную проблему в этой теме.

Несмотря на то, что п.6 ст.86 УК РФ предусматривается аннуляция всех правовых последствий, предусмотренных данным Кодексом, после погашения или снятия судимости, некоторые ограничения могут преследовать осужденного еще долгое время, а может и всю жизнь [3]. Главным образом это ограничение касается права граждан на свободное распоряжение своими способностями к труду, так как судимость является свидетельством неблагонадежности такого лица. В данном случае судимость имеет дуалистичную природу: в уголовном праве рассматривается как временное явление, а в других случаях как пожизненное клеймо [12. С. 149].

Так происходит и в случаях с судимостью за неуплату средств на содержание детей и нетрудоспособных родителей. Содержание предполагает под собой ежемесячное материальное обеспечение. Для надлежащего исполнения данного обязательства осужденному необходимо официальное трудоустройство с гарантированной заработной платой для удержания денежных средств.

Чаще всего осужденному впервые по статье 157 УК РФ Российской Федерации назначают исправительные работы, и он их отбывает в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями [21]. После истечения срока исправительных работ у осужденного возникает проблема с трудоустройством в связи с наличием судимости. Долгие поиски официальной работы, в свою очередь, провоцируют увеличение задолженности по алиментам и являются продолжением уклонения от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. Данное пассивное поведение осужденного признается рецидивом и влечет повторное привлечение к уголовной ответственности.

Для устранения данной проблемы уголовного права необходимо изучить сложившуюся практику других стран по предупреждению рецидива преступления и обеспечения объекту преступления предоставления материального содержания, установленного судом в качестве алиментов.

Д. З. Зиядова и В. С. Харламов в своих трудах рассматривали наказание за неуплату средств Армении и Таджикистана. В этих странах практикуется принудительное трудоустройство посредством уголовно-правовых норм [15. С. 259].

Мы предлагаем внести изменения в УК РФ в раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера» и ввести главу «Принудительное трудоустройство». А также ввести в главу 11 раздела IV статью «Освобождение от уголовной ответственности в связи с принудительным трудоустройством» с текстом: «Лицо, впервые совершившее преступления, предусмотренные статьями Особенной части настоящего кодекса, может быть освобождено от уголовной ответственности с назначением принудительного трудоустройства».

Таким образом, мы предлагаем освобождать от уголовной ответственности лиц, совершивших впервые преступление за неуплату средств на содержание детей и нетрудоспособных родителей с назначением меры уголовно-правового характера в виде принудительного трудоустройства на срок от одного года до трех лет в зависимости от суммы образовавшейся задолженности. В данном случае лицо, не пожелавшее трудоустроиться самостоятельно после привлечения его к административной ответственности, начинает работу в принудительном месте получения дохода, с которого производится удержание в размере от 50 до 70 % в счет погашения задолженности по алиментам на основании ст. 99 Федерального закона от 2 октября 2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [8].

По прошествии срока принудительного трудоустройства у приговоренного к нему будет отсутствовать судимость, а также будет погашена значительная часть задолженности. В дальнейшем у осужденного лица не возникнет проблем с трудоустройством. В таком случае право ребенка на получение алиментов будет гарантировано, а его интересы, направленные на устройство профессионального будущего, также соблюдены.

Похожей точки зрения придерживается и А. В. Марковский в своих научных трудах. Он считает, что ужесточение действующего уголовного законодательства в сфере алиментных отношений не эффективно, наличие судимости у должника фактически создает проблему для взыскания алиментов, а в качестве одной из мер для взыскания задолженности выделяет принудительное трудоустройство [17. С. 25].

В связи с вышеописанными проблемами уголовного права можно выделить еще один момент. Согласно ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей является делом публичного обвинения [4]. То есть уголовное дело может быть заведено без заявления потерпевшего или его законного представителя. Так как данное преступление совершается между членами одной семьи, то далеко не каждый потерпевший желает привлекать к уголовной ответственности своего родственника по разным причинам. В случаях взыскания средств на содержание нетрудоспособных родителей потерпевший, например, желает лишь получить средства на свое содержание, но не готов обрекать своего ребенка на жизнь с судимостью. Также не каждый ребенок и его за-

конный представитель, например, мать, готов отдать под суд родного отца.

Отношения внутри семьи имеют особый статус, так, ст.1 Семейного кодекса РФ предусматривает недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи [2]. Поэтому, мы считаем, что целесообразно будет предоставить право потерпевшим самим принимать решение о привлечении виновного к уголовной ответственности. Соответственно мы предлагаем придать статье 157 УК РФ характер уголовного дела частного обвинения и внести изменения в ч.2 ст.20 УПК РФ. В ней необходимо указать, что уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 157 УК РФ, считаются уголовными делами частного обвинения.

Согласно положениям Постановления № 39 Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей», лицо может быть подвергнуто уголовной ответственности за неуплату алиментных платежей в течение двух и более месяцев подряд [10]. На практике нередки случаи, когда задолженность после привлечения к административной ответственности была погашена, а виновный после погашения задолженности действительно не вносил платежи в течение двух месяцев, но в дальнейшем трудоустроился и предпринял попытку погашения образовавшейся задолженности вдобавок к ежемесячным платежам. Тем не менее формально в данном случае состав преступления присутствует, но совершаемые действия несут характер деятельного раскаяния, которое анализируется как реальное посткриминальное поведение лица, совершившего преступление, соответствующее признакам, описанным в соответствующих уголовно-правовых нормах [14. С. 178].

В данном случае мы не видим целесообразности и эффективности привлечения лица к уголовной ответственности, если это не повлекло причинение значительного ущерба для потерпевшего лица с учетом возобновления последующих выплат.

В качестве определения границы значительного ущерба предлагаем внести в статью 157 УК РФ изменения и выпустить статью в следующей редакции:

1. Неуплата родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста в размере не менее 35000 рублей, если это деяние совершено неоднократно.

2. Неуплата совершеннолетними трудоспособными детьми без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание нетрудоспособных родителей в размере не менее 35000 рублей, если это деяние совершено неоднократно.

Наличие формулировки «в течение двух и более месяцев подряд» в Постановлении № 39 Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике

по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» может стать проблемой для привлечения лица к уголовной ответственности. Гражданин, уклоняющийся от уплаты, может производить платежи раз в два месяца, тем самым формально избегая ситуации, в которой может возникнуть состав преступления.

Во избежание указанного пробела в законе мы предлагаем исчислять месяцы неуплаты в совокупности за период с момента вступления в законную силу постановления об административном наказании по ст.5.35.1 КоАП РФ, а не подряд.

Например, лицо, подвергнутое административному наказанию, вступившему в законную силу 15 января, продолжило неуплату ежемесячных алиментных платежей, в том числе не произвело платежи за январь, март и май. В этом случае неуплата средств за январь, март и май может свидетельствовать о наличии в действиях лица начиная с 1 июня признаков состава преступления, предусмотренного статьей 157 УК РФ.

Рассматривая диспозицию статьи, можно выделить формулировку «нетрудоспособные родители», при этом законом не определено конкретное значение слова «нетрудоспособные», что порождает проблему в верном толковании термина для правоприменителя.

Е. В. Нижечек предлагает рассматривать нетрудоспособность как определенное состояние человеческого организма, то есть болезнь, травма или увечье. Также она выделяет такой вид нетрудоспособности, когда лицо физически здорово и не имеет препятствий к применению своей рабочей силы, но при этом он не может принимать участие в трудовой деятельности по причинам общественного характера, например, в связи с необходимостью ухода за малолетними детьми, инвалидами или пенсионерами [18. С. 3].

А. А. Серебрякова указывает на соотношение нетрудоспособности и нуждаемости, то есть при оценке судом критериев нетрудоспособности ему необходимо установить доходы родителя и сопоставить их с нуждой в жизненных потребностях в виде питания, одежды и лекарств [19.С. 388].

В. М. Лебедев признает нетрудоспособными родителями женщин по достижении 55 лет, мужчин — 60 лет, а также лиц, признанных в установленном порядке инвалидами I и II группы, при этом при взыскании средств не имеет значения факт получения ими пенсии [16. С. 167].

Неоднозначность понимания данного термина является одной из причин ничтожно малого количества привлечения лиц к ответственности по ч.2 ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации и недостаточности правовой защиты социально незащищенных слоев населения. За 2022 зафиксировано всего 21 преступление по данной части статьи [11]. Н. Д. Фефелова и М. А. Сутурин отмечает, что это в придачу усугубляется тем, что за нетрудоспособного нуждающегося родителя чаще всего никто не заступится, в отличие от ребенка, за которого может заступиться его родитель, попечитель [20. С. 152].

В связи с отсутствием единого понятия «нетрудоспособности» мы предлагаем сформировать перечень факторов, имеющих значение для установления факта нетрудоспособности конкретно в рамках применения к статье 157 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Подводя итог резюмируем, что, анализируя статью 157 Уголовного кодекса Российской Федерации за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, следует отметить необходимость дальнейшего совершенствования, так как уголовно-правовые средства защиты в данной области семейных отношений требуют доработки.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (в ред. от 06.10.2022). // Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — 237; Собрание законодательства Российской Федерации. — 2009. — № 4. — Ст. 145.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 31.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 16; Российская газета. — 1996. — 27 января. — № 17.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст.2955; Российская газета. — 2008. — 31 декабря; 2010–22 февраля.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 25.12.2023) // Российская газета. — 2001. — 22 декабря; Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52. — Ст.4921;
5. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 25.12.2023) // Российская газета. — 2001. — № 256; Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — 7 января; Парламентская газета. — 2002. — 5 января.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 25.12.2023) // Российская газета. — 2001. — 31 декабря. — № 256; Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1. — Ст.3; Парламентская газета. — 2002. — 5 января.

7. Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (в ред. Федеральных законов от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 31. — Ст. 3802; Российская газета. — 1998. — 5 августа.
8. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. Федеральных законов от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 41. — Ст. 4849; Российская газета. — 2007. — 6 октября.
9. Приказ МВД России № 595 «О некоторых вопросах поступления граждан Российской Федерации на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» от 18 июля 2014 г. // Официально опубликован не был // Интернет-версия Консультант-плюс.
10. Постановление № 39 Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного Кодекса Российской Федерации)» от 22.12.2022 // Российская газета. — 2022. — 30 декабря. — № 297; Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2023. — № 3.
11. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018–2022 года [Электронный ресурс] <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 04.02.2024, доступ свободный).
12. Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г. Как «работает» судимость? // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 145–153.
13. Горбатова М. А., Лесин В. Е. Уголовная ответственность за неуплату средств на содержание детей: проблемы теории и практики // Право: история и современность. 2020. № 3. С. 92–99.
14. Жиров Р. М. Правовая теория деятельного раскаяния // Государственная служба и кадры. 2022. № 1. С. 178–180.
15. Зиядова Д. З., Харламов В. С. Уклонение от уплаты средств на содержание детей в криминологическом контексте // Право и государство: теория и практика. 2023. № 3. С. 257–259.
16. Комментарии к Уголовному Кодексу Российской Федерации. В 4 томах. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / отв. ред. В. М. Лебедев. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 371 с.
17. Марковский А. В. Правовые проблемы взыскания и уплаты алиментов в современной России. // Сибирский юридический вестник. 2021. № 3. С. 22–26.
18. Нижечек Е. В. К вопросу о понятии «нетрудоспособность» в праве социального обеспечения // Пролог: журнал о праве. 2017. № 1.
19. Серебрякова А. А. Правовое положение родителей и детей как субъектов правоотношения алиментирования // Пермский юридический альманах. 2021. № 1. С. 379–391.
20. Фефелова Н. Д., Сутурин М. А. Проблемы уголовной ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей по современному уголовному законодательству. // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2016. № 5. С. 150–154.
21. Прокурор разъясняет [Электронный ресурс] https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_59/activity/legal-education/explain?item=55232232 (дата обращения: 30.01.2024).

Некоторые проблемы применения статей, связанных с освобождением от уголовной ответственности и отбыванием наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации или в военное время

Петрова Ксения Валерьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Латыпова Эльвира Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

В настоящее время произошедшие политические события, в которых участвует наша страна, сформировали необходимость учета изменения обстановки и регламентирование новых норм. В связи с этим авторами в статье рассматриваются статьи 78.1 УК РФ и 80.2 УК РФ, введенные в Уголовный кодекс 23 марта 2024 года, регулирующие вопрос освобождения от уголовной ответственности и отбывания наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации или военное время. Подобный опыт относительно новый для нашей страны. В связи с необычностью обстоятельств введения данных норм, логичной спешкой, а также с невозможностью на данный момент оценить масштабы последствий привлечения обвиняемых и осужденных к участию в специальной военной операции, возникают проблемы. Авторами выделен ряд несовершенств, кроющихся как в самих диспозициях статей, так и в практике их применения. Одно из несовершенств выражается в частичном несоответствии статей целям наказания, другая проблема

выражается в сложности восприятия виновными факта, что применение данных статей — это не легальный способ уклониться от судимости, а уступка, на которую идет государство по отношению к преступнику, третьей проблемой является возможность применения статей к виновным в преступлении любой степени тяжести, в том числе к рецидивам. Для более правильного применения статей авторами были разработаны пути решения данных несовершенств.

Ключевые слова: мобилизация, служба, освобождение, ответственность, наказание, статья 78.1 УК РФ, статья 80.2 УК РФ, контракт, осужденные.

Специфика новых и нетривиальных событий, происходящих в Российской Федерации, а именно начало специальной военной операции (СВО) на территории Украины, привели к ряду изменений в законодательной политике нашего государства. После проведения частичной мобилизации возник вопрос о возможности предоставления осужденным или лицам, совершившим преступление, освобождение от наказания и уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу для пополнения людскими ресурсами иррегулярную армию. Такое положение дел приведет к снижению процента осужденных в исправительных учреждениях, а также перераспределению бюджетных средств, затраченных на содержание заключенных, на другие нужды страны [15. С. 498].

Стоит упомянуть, что похожее право совершившим преступление отечество предоставляло и во времена Второй мировой войны. Промедление властей, неверная оценка обстоятельств и неудачи на фронте в первые месяцы войны спровоцировали колоссальные потери личного состава, а потому возник вопрос о мобилизации осужденных или лиц, в отношении которых ведется следствие, для пополнения советской армии [19. С. 62].

Похожий опыт решено было применить и в современных реалиях. Разумеется, данная процедура должна регламентироваться соответствующими нормативными актами, что спровоцировало принятие Федерального закона от 24 июня 2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», а чуть позже и внесение изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ от 23 марта 2024 года.

Стоит сразу оговорить неоспоримый плюс данных изменений. Рассмотрим пример освобождения от уголовной ответственности или наказания за совершение преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ, за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. Оглядываясь на события, произошедшие в XX веке: Великую Отечественную войну и, как следствие, экономическую нестабильность, голод, деморализацию послевоенного общества, мы видим, что данные социальные потрясения повлекли за собой безнадзорность и беспризорность детей [14. С. 66]. В период войны взыскание алиментов было весьма затруднительно, а иной раз и абсолютно невозможно. Данные дела были приостановлены, если плательщик призывался на фронт [8. С. 160]. Это вполне объяснимо в контексте того времени и технологического прогресса.

В современность же у должников по алиментам, уходящих на фронт, в том числе у обвиняемых в уголовном преступлении и осужденных, есть возможность уплатить долг по алиментам из своего денежного довольствия, а также избежать судимости. Это, в свою очередь, даст возможность по возвращению с зоны боевых действий начать жизнь с чистого листа и устроиться на работу с более комфортными условиями труда, чем при наличии судимости. При этом ребенок будет финансово обеспечен, материальное положение его семьи не ухудшится. Разумеется, это благоприятно скажется на формировании правильных установок в сознании взрослеющего чада. Помимо плюсов новеллы имеют и ряд недостатков. Их следует рассмотреть далее.

Введенная в УК РФ новая статья 78.1 подразумевает под собой освобождение лиц, совершивших преступление, от уголовной ответственности при призыве на военную службу в период мобилизации или военное время в Вооруженные Силы РФ. Исключение составляют лица, совершившие преступления, перечисленные в части 1 данной статьи.

Статья 80.2 УК РФ освобождает от наказания условно лиц, совершивших преступление, при призыве на военную службу в период мобилизации или военное время в Вооруженные Силы РФ. Аналогично вышеуказанной статье исключения составляют лица, перечисленные в части 1 ст. 78.1.

Освобождение от уголовной ответственности и наказания происходит в двух случаях:

1. Со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы.
2. Со дня увольнения с военной службы по достижению предельного возраста, либо по состоянию здоровья, либо в связи с окончанием периода мобилизации, отменой военного положения, истечением военного времени [2].

Как пишет Бриллиантов А. В.: «освобождение осужденного от наказания является реализацией принципа гуманизма» [6. С. 4]. И хоть замену уголовного наказания на отправку на поле боя сложно назвать гуманным, но все же это добровольный выбор человека, совершившего преступление, который государство позволяет ему сделать. Мотивы этого выбора могут быть совершенно разными: кто-то хочет просто избежать тюремных стен, кто-то вдобавок поправить финансовое благополучие, кто-то пытается искупить свою вину путем самопожертвования, а в ком-то действительно просыпается чувство патриотизма и любви к Родине, что вызывает желание встать на ее защиту.

Какую бы цель не преследовал виновный, отправляясь на военную службу, в любом случае происходит ситуация, при которой он избегает уголовной ответственности и логичного продолжения — наказания. Правильным ли будет соотнести, например, лишение свободы и службу в Вооруженных Силах РФ? Можно ли расценивать отдачу долга Родине как альтернативу уголовному наказанию?

Уголовный кодекс РФ дает нам четкий перечень целей наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений. Стоит обратить внимание на цель «восстановление социальной справедливости» и разобаться, будет ли военная служба как альтернатива уголовного наказания достигать этой цели. Здесь нам хочется согласиться с мнением Э. В. Лядова, который отмечает, что восстановление социальной справедливости наступает только в случае, когда учитываются интересы всех сторон, а именно: потерпевшего, подсудимого, общества и государства [13. С. 215]. С подсудимым, обществом и государством все понятно, так как виновный совершает благое дело — идет защищать Родину, и это действительно можно расценивать как достойную альтернативу уголовному наказанию, ведь человек рискует собственной жизнью. Но в парадигме взглядов потерпевшего пазл справедливости может вовсе не складываться. Потерпевший ожидает, что за преступление виновный получит, например, условный или реальный срок, а также судимость. Хоть судимость и будет погашена спустя время, но из-за несовершенства ст. 86.6 УК РФ и федерального законодательства, общеправовые ограничения лица останутся с ним до конца жизни и будут влиять на его социализацию [20. С. 196]. Такие последствия как раз и являются для потерпевшего восстановлением социальной справедливости. Вместо этого виновный получает право выбора, склоняется в пользу военной службы, получает за это денежное довольствие, его служба может продлиться меньше вероятного уголовного наказания, а в дальнейшем вместо судимости он может получить даже звание Героя за боевые заслуги или медаль. Например, как экс-режиссер «Ералаша» Александр Белостоцкий, осужденный за педофилию, который был освобожден от наказания и награжден медалью «За спасение погибавших» [21].

Статьи 78.1 и 80.2 УК РФ не содержат указаний на возмещение вреда потерпевшему в отличие от других статей главы. Потерпевший неудовлетворен результатом, а значит социальная справедливость не достигнута, его права нарушены, что исключает достижение цели закона. Фактически происходит ухудшение правового положения потерпевшего, либо близких жертвы преступления [7, С. 108]. Об этом недостатке в своей работе упоминает также Е. Ю. Антонова, подмечая проблему фразой А. И. Коробеева, что «уголовное право зародилось и развивается как право защиты, охраны» [4. С. 41].

Для решения данной проблемы мы предлагаем обязать виновного в преступлении выплачивать 5 % от суммы денежного довольствия потерпевшему, либо обозначенному

судом близкому родственнику жертвы до конца срока службы. Такая альтернатива не будет ухудшать положение новоиспеченного солдата, но в то же время потерпевшая сторона получит моральное удовлетворение от ежедневных поступлений за нарушение их законных прав.

Зафиксировать данное положение мы предлагаем в разделе VI «Иные меры уголовно-правового характера» путем введения главы «Принудительные выплаты», которая будет содержать статью с формулировкой: «лицо, освобожденное от уголовной ответственности на основании ст. 78.1 настоящего Кодекса, а также лицо, освобожденное от наказания на основании ст. 80.2 настоящего Кодекса, принуждается к регулярным выплатам в размере 5 % от денежного довольствия в пользу потерпевшего, либо обозначенному судом близкому родственнику жертвы до конца срока службы либо до окончания срока, назначаемого за совершенное преступление».

Т. Г. Жукова, К. А. Долгополов и А. П. Жуков высказывают необходимость отметить, что рассматриваемые новеллы в УК РФ должны носить поощрительный характер, а также применяться по желанию виновного [10. С. 59]. В данном случае государство идет в некотором роде на сделку с виновным, предоставляя ему выбор в ситуации, когда выбора у него быть не должно, а дальнейшую его судьбу должен определять суд. Это можно расценивать как компромисс: государство делает уступку виновному взамен на дальнейшие его положительные действия, которые будут характеризовать его с лучшей стороны [17. С. 4].

Несмотря на закрепленное Конституцией равенство всех граждан перед законом, осужденные участники специальной военной операции в таких обстоятельствах получают весомое преимущество [9. С. 209]. К тому же в таком случае перестает работать принцип неотвратимости наказания, который служит маркером более высокой степени общественной опасности уголовного преступления по сравнению с другими отраслями. Это приводит к тому, что виновный должен стремиться к исправлению, а не пытаться таким способом избежать наказания и вернуться к прежней преступной деятельности [18. С. 116]. Как правильно высказались П. В. Тепляшин и С. А. Ступина: «Возможность воспользоваться этим правом еще надо заслужить» [16. С. 154].

Мы считаем, что при получении от государства такой уступки виновный должен осознавать степень возложенной на него ответственности по самостоятельному исправлению и посткриминальному поведению, так как обвинитель полагается исключительно на его добросовестность и благоразумие. Участие в специальной военной операции не должно расцениваться как способ уклонения от ответственности, а по возвращении домой возможность продолжить прежний преступный образ жизни. Поэтому мы предполагаем, что будет целесообразно отметить совершение преступления лицом, освобожденным от уголовной ответственности на основании ст. 78.1 настоящего Кодекса, а также лицом, освобожденным

от наказания на основании ст. 80.2 настоящего Кодекса, в качестве отягчающего обстоятельства и ввести соответствующий пункт в ст.63 УК РФ.

Рассматриваемые нами новеллы Уголовного кодекса распространяют свое действие на лиц, которые совершают преступление повторно. Для общества рецидивисты несут повышенную опасность, так как личность такого преступника уже стойко сформирована, и путь к ее исправлению более тернистый и долгий. Их мышление уже адаптировано к одному и тому же сценарию, они относятся безразлично к социуму в связи с пониженным порогом эмпатии, а также с отсутствием мотивации стремиться к более высокому уровню жизни [5. С. 201].

Также законодатель не указывает в статьях категорию тяжести совершенного преступления. При этом другие статьи главы IV УК РФ, за исключением ст.78, содержат уточнения о том, что преступление должно совершаться впервые, а также быть небольшой или средней тяжести. Согласно новым нормам, лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление, а в некоторых случаях не единоразово, имеет право на освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Введенные статьи содержат ограничения по ряду экономических преступлений, преступлений против общественной безопасности, против государственной власти,

против мира и человечества, а также по преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Почему законодатель не внес в этот перечень статьи из раздела преступлений против личности, в частности убийство? Здесь хочется отметить мнение Н. Н. Загвоздкина и Е. О. Коршиковой о том, что законодатель оценивает выше уровень общественной опасности от посягательства на половую неприкосновенность ребенка, чем от посягательства на его жизнь, вопреки тому, что убийство в Особенной части УК РФ стоит на первом месте [11. С. 104]. К тому же право на жизнь одна из основ, которое защищает Конституция РФ [1]. И по отношению к отдельной личности не существует более страшного преступления как лишение жизни. Для каждого человека в мирной обстановке это должно быть табу. Предоставляя виновному в преступлении право на освобождение от ответственности и наказания в связи с призывом на военную службу, стираются границы дозволенного. Если, конечно, не смотреть на это с точки зрения того, что преступник искупит свою вину за отнятие чужой жизни ценой своей жизни.

Посмотрев на статистические данные по рецидивным преступлениям за 2021–2023 года, можно резюмировать, что немалая часть приходится на категорию тяжких преступлений, чуть меньше особо тяжких [3]:

Сводные статистические данные за 2021–2023 гг.

Год	Всего осуждено	Имели неснятые или непогашенные судимости	Осуждены за тяжкие преступления	Осуждены за особо тяжкие преступления
2021	565523	220858	53081	13909
2022	578751	222974	52998	13946
2023	555743	216521	51633	13555

А значит есть шанс, что довольно большое количество отправленных на специальную военную операцию виновных в преступлении будут составлять рецидивисты по тяжким и особо тяжким преступлениям. И это не только убийства, но также и причинение тяжкого вреда здоровью, похищение людей, грабежи и разбои и др. С учетом стойко сформированного преступного поведения рецидивиста, а также в условиях напряженной и нестабильной психоэмоциональной, гуманитарной и социальной обстановки на фронте это может спровоцировать всплеск преступлений.

В связи с отсутствием как таковых действенных мероприятий по ресоциализации осужденных, а также в связи с отсутствием надзора за ними после возвращения с военной службы существует риск провокации на преступление. Участие в специальной военной операции не панацея от совершения новых преступлений, тем более имеет место быть посттравматический синдром, часто встречающийся у бывших участников боевых сражений [12. С. 51]. Повышенная вероятность совершения новых преступлений приводит нас к мысли о том, что в таком

случае нарушается достижение еще одной из целей наказания — предупреждение совершения новых преступлений.

Таким образом, мы рекомендуем внести в ч.1 ст. 78.1 и ч.1 ст. 80.2 УК РФ изменения о том, что действие статей распространяется только на лиц, совершивших впервые преступление небольшой или средней тяжести. Необходимо изложить начало диспозиций в статьях как «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести...» и, соответственно, «лицо, отбывающее наказание за совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести...».

Анализируя вышесказанное, в завершение хотелось бы отметить, что рассматриваемые нами статьи УК РФ являются достойной альтернативой избегания уголовной ответственности и наказания. У виновного есть шанс искупить вину ценой собственной жизни, поправить финансовое положение, которое могло стать причиной преступления, реабилитироваться в глазах общества, избавиться от судимости. При достойной постепенной поддержке и ресоциализации данные граждане

смогут встать на путь исправления и более не допускать криминального поведения в своей жизни.

При этом у данных нововведений существует и ряд недостатков, кроющихся как в самих диспозициях статей, так и в практике их применения. Любая новация чаще всего требует доработки при введении в эксплуатацию, также и с законом: новеллы необходимо адаптировать

под практическое применение. Учитывая характер обстоятельств применения данных статей, нюансы последствий мы сможем оценить только после изменения и нормализации политической обстановки. Поэтому в данном случае важно анализировать возможные проблемы в теоретической плоскости и вносить изменения уже сейчас, на начальном этапе применения статей.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (в ред. от 06.10.2022). // Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — 237; Собрание законодательства Российской Федерации. — 2009. — № 4. — Ст. 145.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 09.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст.2955; Российская газета. — 2008. — 31 декабря; 2010–22 февраля.
3. Сводные статистические данные преступности. — Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации: [сайт]. — URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 01.10.2024).
4. Антонова Е. Ю. Особенности уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: новый вектор уголовно-правовой политики или уголовное законодательство нового времени? // Искусство правоведения. The art of law. — 2023. — № 3. — С.37–42.
5. Афанасьева, О. Р. Криминология / О. Р. Афанасьева, М. В. Гончарова, В. И. Шиян. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 356 с.
6. Бриллиантов, А. В. Освобождение от наказания: законодательство, теория и судебная практика: Монография. — М.: РГУП, 2019. — 96 с.
7. Гончаров Д. Ю., Гончарова С. Г. Освобождение от уголовной ответственности и наказания в связи с поступлением на военную службу: последствия для потерпевших от преступлений // Виктимология. — 2024. — № 1. — С.103–113.
8. Данилян М. А. К вопросу об истории развития алиментного законодательства в России // Современное право. — 2012. — № 4. — С.157–161.
9. Долгиев М. М. Особенности уголовной ответственности участников специальной военной операции в контексте национальных интересов России // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 494. — С.205–210.
10. Жуков Т. Г., Долгополов К. А., Жуков А. П. Освобождение от уголовной ответственности в связи с прохождением военной службы // Правопорядок: история, теория, практика. — 2024. — № 2. — С.55–60.
11. Загвоздкин Н. Н., Коршикова Е. О. Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»: заметки на полях // Образование. Наука. Научные кадры — 2023. — № 4. — С.101–106.
12. Лопашенко Н. А. О некоторых правовых и криминологических проблемах участия осужденных в СВО: частный взгляд на известные события // Вестник Самарского юридического института — 2023. — № 2. — С.48–59.
13. Лядов Э. В. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2017. — № 12. — С.215–218.
14. Серебрякова А. А. Правовое регулирование отношений алиментирования в исторической интерпретации // Право и государство: теория и практика. — 2017. — № 6. — С.64–69.
15. Соколов, А. А. Перспективы совершенствования института освобождения от отбывания наказаний // Уголовно-исполнительное право. — 2022. — № 4. — С. 496–501.
16. Тепляшин П. В., Ступина С. А. Освобождение осужденных от отбывания наказания в связи с их участием в специальной военной операции: правовые возможности и законотворческие перспективы // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. — 2022. — № 4. — С.152–159.
17. Терских, А. И. Компромисс в российском уголовном праве: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Терских Анна Ильинична; Уральская государственная юридическая академия. — Екатеринбург, 2013. — 217 с.
18. Федоренко С. А., Шестина Е. А. Вопросы соотношения некоторых принципов уголовного права с действующим на территории Российской Федерации институтом освобождения от уголовной ответственности // Право и практика. — 2024. — № 2. — С.115–119.

19. Шумилова Э. Е. Государственная политика по вопросам мобилизации осужденных в годы Первой и Второй мировой войн: историко-правовой анализ // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2020. — № 2. — С. 56–67.
20. Шустова П. В., Черных И. А. Проблемные вопросы правовых вопросов судимости // Аграрное и земельное право. — 2020. — № 9. — С.195–197.
21. Экс-режиссера Белостоцкого наградили медалью на СВО. — Текст: электронный // Рамблер: [сайт]. — URL: <https://news.rambler.ru/community/52712710-eks-rezhissera-belostotskogo-nagradili-medalyu-na-svo/> (дата обращения: 01.10.2024).

Вопросы нормативно-дефинитивного оформления понятия «экологическое преступление»

Пискунова Софья Романовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Боровских Роман Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье автор исследует проблему определения термина «экологическое преступление» через поиск верной формулировки видового объекта данного вида преступных посягательств. Автор рассматривает различные точки зрения и, анализируя приведенные определения и формулирует, приводит, на его взгляд, наиболее правильный вариант дефиниции.

Ключевые слова: экологическое преступление, окружающая среда, природная среда, природные объекты, признаки преступления, экологическая безопасность.

Стоит отметить, что, несмотря на постоянную модернизацию в России механизма охраны природы, в законодательстве, устанавливающем уголовную ответственность за экологические преступления, по мнению ряда ученых, существует один существенный недостаток, препятствующий его эффективному применению, — *отсутствие определения термина «экологическое преступление»* в Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ). Интересно, что с позиции некоторых научных исследователей унификация и законодательное закрепление определения этого понятия просто необходимы и имеют первостепенное значение для дальнейшего грамотного применения норм УК РФ [6]. Жук М. С. пишет: «Признавая перспективность и практическую целесообразность включения в уголовный закон дефинитивных, коллизионных норм, можно предложить к обсуждению вопрос о дополнении отечественного института преступлений против безопасности внешней среды нормами, определяющими понятие экологических преступлений, правила разрешения конкуренции преступлений и административных проступков, нормативные правила определения ущерба от экологических преступлений» [5]. Конкретика в понимании признаков данного вида преступлений, по мнению ученых, несомненно, позволит правоприменителю более точно квалифицировать преступные действия в экологической сфере и избежать возможных ошибок.

Несмотря на то, что приведенные выше доводы кажутся на первый взгляд весьма убедительными, ряд других ученых негативно относятся к таким нововведениям в уголовном законе и говорят, что это приведет лишь к «загромождению»

кодекса теоретическими дефинициями. По их мнению, это снижает значение УК РФ, как одного из основных инструментов противодействия преступности [2]. Рассматривая различные точки зрения на данный вопрос, мы пришли к выводу, что довольно сложно однозначно на него ответить. В каждом решении могут быть свои позитивные и негативные последствия. При изучении УК РФ, мы видим, что отсутствие легальных дефиниций характерно большинству других групп преступлений (исключение — преступления против военной службы) [6]. Однако введение корректной и грамотной формулировки данного термина, вероятно, могло бы положительно повлиять на восприятие правоприменителем норм главы 26 УК РФ. В связи с чем будет очень интересным с научной точки зрения рассмотрение вопроса о том, какой именно должна быть грамотная формулировка понятия «экологическое преступление».

Итак, в начале исследования данного вопроса необходимо сказать, что сам термин «экологическое преступление» в науке появился сравнительно недавно: в 1980 году его ввел в научную литературу В. Д. Пакутин. Указанное понятие произошло от словосочетания «экологическое правонарушение», которое впервые употребил в 1972 году О. С. Колбасов [9]. Термин «экологическое преступление» связан с понятием «экология», которое согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой обозначает:

- 1) науку об отношениях растительных и животных организмов друг к другу и к окружающей их среде;
- 2) состояние организмов, населяющих общую территорию, их отношения друг к другу и окружающей среде —

взаимодействие человека, общества и окружающей среды [11].

Думается, что в данном контексте термин «экология» используется во втором значении.

В наше время существующий «пробел» в российском законодательстве учены и правоприменители дополняют доктринальным толкованием. И по причине множества мнений и неоднозначной трактовки данное определение до сих пор относится к числу дискуссионных.

Важно отметить, что различие в точках зрения на правильность определения термина «экологическое преступление» в основном кроется в понимании видового объекта преступлений главы 26 УК РФ. Как известно, под *общим объектом* преступлений следует понимать всю совокупность охраняемых уголовным законом общественных отношений. *Родовой объект* — это часть общего объекта преступления, представляющая собой группу однородных общественных отношений, которые охраняются комплексом взаимосвязанных уголовно-правовых норм. Уголовно-правовые нормы, охраняющие однородные общественные отношения, объединяются в одном разделе Особенной части УК РФ. Таким образом, родовым объектом экологических преступлений, учитывая название раздела IX, в который входит глава 26, является общественная безопасность и общественный порядок. *Видовой объект* представляет собой совокупность однородных общественных отношений внутри родового объекта, которым преступление конкретного вида причиняют вред. Классификация и систематизация составов преступлений в пределах одного раздела по главам осуществляется по видовым объектам преступления [4]. Так, например, глава 16 УК РФ носит название «Преступления против жизни и здоровья», из чего мы можем сделать вывод, что видовым объектом преступлений главы 16 являются общественные отношения по охране жизни и здоровья. Однако при определении *видового объекта преступлений главы 26 УК РФ* возникает неопределенность, так как название данной главы отличается от большинства других глав. В отличие от обычных формулировок «Преступления против...» или «Преступления в сфере...», она названа «Экологические преступления». В связи с чем в доктрине и возникает большое количество мнений о видовом объекте преступных деяний главы 26 УК РФ. Что, несомненно, влечет различие в определениях данного вида преступлений.

Рассмотрим ряд существующих определений. Так, например, Ю. И. Ляпунов писал: «*экологическое преступление — это деяние, совершенное с намерением причинить вред окружающей среде*» [2]. Указанное определение весьма краткое, оно не содержит в себе перечисления общих признаков преступного деяния. Автор выделяет в качестве специфического признака экологических преступлений — направленность умысла на причинение вреда окружающей среде. Однако кроме умысла ряд преступлений главы 26 УК РФ характеризуется формой вины в виде неосторожности. Отметим, что если обратиться к определе-

ниям в статье 1 Федерального закона от 10.01.2002 N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», мы можем обнаружить отличие в понятиях «окружающая среда» и «природная среда». Первое понятие является более широким и включает в себя второе. *Окружающая среда* — это совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов. *Природная среда* (далее также — природа) — это совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов [1]. То есть кроме природных и природно-антропогенных объектов термин «окружающая среда» включает в себя антропогенные объекты, которые созданы человеком для обеспечения его социальных потребностей и не обладают свойствами природных объектов [1]. Во многих статьях главы 26 упоминается термин «окружающая среда». Однако в рассматриваемом определении неясно, каким элементом или признаком состава преступления окружающая среда является. Видится, что в целом эта дефиниция не вносит правовой ясности в вопрос определения упомянутого термина.

Также в научных источниках можно обнаружить следующее определение «*экологическое преступление — это предусмотренное уголовным законодательством или международными соглашениями общественно опасное деяние, посягающее на окружающую среду*» [8]. Кроме того, что дефиниция не содержит общих признаков преступного деяния, объектом преступного посяательства здесь выделена окружающая среда. Данная точка зрения, действительно, встречается в научных трудах. Ученый В. Б. Столяров пишет: «...авторы называют объектом экологических преступлений саму природу и ее материальные блага, а общественные отношения в сфере их охраны («экологический правопорядок») считают предметом данной группы преступлений» [2]. По нашему мнению, как и по мнению большинства исследователей в области уголовного права, *объектом преступления* выступают именно охраняемые уголовным законом общественные отношения [3], а *предметом* является конкретный объект (вещь) материального мира (например, пути сообщения, средства связи и т. п. при диверсии [3]) на который, непосредственно посягая, преступник причиняет вред конкретному виду общественных отношений. Поэтому, мы считаем, что окружающая среда, все её компоненты, которым причиняется существенный вред общественно опасными действиями, необходимо отнести к предмету преступлений главы 26 УК РФ. В связи с чем рассматриваемое определение не может быть включено в уголовный закон.

Далее обратимся к определению, которое было ранее закреплено в статье 85 закона РСФСР «Об охране окружающей природной среды» от 19 декабря 1991 года № 2060-1. «*Экологические преступления — это общественно опасные деяния, посягающие на установленный в РФ экологический правопорядок, экологическую безопасность общества и причиняющие вред окружающей природной среде и здоровью человека*» [6]. Как мы можем видеть, в приведенной

формулировке экологический правопорядок и экологическая безопасность указаны в качестве объектов преступного посягательства. Отметим, что при анализе приведенной дефиниции научный исследователь, кандидат юридических наук Голубев С. И. писал: *«Правопорядок вообще и экологический правопорядок в частности представляет собой систему общественных отношений, которая устанавливается в результате точного и полного осуществления предписаний правовых норм всеми субъектами права. Иначе говоря, правопорядок есть реализованная система права и уже хотя бы поэтому не может выступать элементом (признаком) характеристики экологического преступления»* [2]. По нашему мнению, точка зрения Голубева С. И. не совсем верная. При рассмотрении его позиции хочется заметить, что определение термина «правопорядок» в его рассуждениях, на наш взгляд, указано не совсем правильное. Согласно Большому юридическому словарю Додонова В. Н. «Правопорядок — это основанная на праве и сложившаяся в результате осуществления идеи и принципов законности такая упорядоченность общественных отношений, которая выражается в правомерном поведении их участников» [3]. То есть *правопорядок* — это определенное состояние общественных отношений, которое достигается благодаря соблюдению норм права (в том числе в сфере экологии), а не система отношений. Следовательно, если *объект преступления* — это охраняемые уголовным законом общественные отношения [3], то *правопорядок* — это их определенное состояние, которое не является постоянным и не может существовать при нарушении закона. Правопорядок не совместим с фактом совершения преступлений. Поэтому, когда совершается экологическое преступление, и вред причиняется общественным отношениям в сфере экологии, в этот момент экологический правопорядок, как характеристика этих отношений, перестает проявляться. Кроме того, нужно отметить, что в данном определении указан важный признак всех преступлений — общественная опасность. Данное определение можно считать более правильным, чем предыдущие, однако оно все же не содержит всех признаков экологического преступления.

Научный исследователь Майорова Е. А. считает: *«Экологические преступления — это виновно совершенные общественно опасные деяния (в форме действия или бездействия), запрещенные уголовным законом под угрозой наказания, посягающие на общественные отношения по охране окружающей среды, экологическую безопасность населения, рациональное природопользование, путем причинения вреда или угрозы его причинения компонентам окружающей среды, экологически значимые свойства, которых предусмотрены нормативно-правовыми актами»* [7]. В дефиниции указаны такие важные признаки любого преступного деяния, как общественная опасность, виновность, запрещенность уголовным законом и наказуемость. Более подробно остановимся на объектах, которым, по мнению Майоровой Е. А., причиняется вред. Она выделяет три вида объектов:

- 1) общественные отношения по охране окружающей среды;
- 2) экологическую безопасность населения;
- 3) рациональное природопользование.

Итак, первый вид объекта — *общественные отношения по охране окружающей среды*. Действительно, данному виду отношений при совершении экологических преступлений причиняется вред, и предметом посягательства выступает непосредственно сама окружающая среда. Однако, как правильно указала автор, это не единственный вид отношений, который терпит урон, потому что вред причиняется не только окружающей природной среде, но также при совершении экологических преступлений нарушаются права и интересы граждан на благоприятную окружающую среду. И важно отметить, что два таких элемента, как *защищенность окружающей среды (природной среды)* и *соблюдение прав и интересов граждан на благоприятную окружающую среду*, включает в себя такое понятие, как **экологическая безопасность**. Так, согласно статье 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ «экологическая безопасность — это состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий» [1]. Таким образом, причинение вреда окружающей среде и нарушение прав и интересов граждан, соблюдение которых зависит от состояния природной среды, приводит к разрушению именно *экологической безопасности*. В связи с чем причинение вреда экологической безопасности общества включает в себя причинение вреда общественным отношениям по охране окружающей среды, поэтому, в выделении последнего вида отношений в качестве отдельного объекта посягательства в формулировке определения термина «экологическое преступление» видится не совсем рациональным.

Дальше можно обратиться к термину *рациональное природопользование*, указанному Майоровой Е. А. в качестве объекта преступления. Согласно Экологическому энциклопедическому словарю И. И. Дедю *«рациональное природопользование — это теория и практика рационального использования человеком природных ресурсов»* [10]. То есть это прежде всего система определенных методов и способов грамотного использования природных ресурсов и их реализация, а не вид общественных отношений. К тому же данная система существует независимо от фактов совершения экологических преступлений, она создается и развивается исключительно благодаря желанию и инициативе государства и населения сохранить природные богатства и защитить природу от вредного воздействия антропогенной деятельности человека. Поэтому, думается, что из всех перечисленных в рассматриваемом определении объектов верным является — экологическая безопасность.

Также указанный вывод можно сделать, используя формальный подход, при котором учитывается система-

тизация составов преступлений по разделам и главам УК РФ. Так глава 26 «Экологические преступления» входит в раздел 9 УК РФ, который называется «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», экологическая безопасность (видовой объект) в данном случае выступает в качестве *компонента общей общественной безопасности* (родового объекта).

Итак, проанализировав разные точки зрения мы можем прийти к выводу, что *экологическое преступление* — это виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания, нарушающее экологическую безопасность населения, путем причинения вреда состоянию окружающей (природной) среды и посредством нарушения прав и законных интересов человека и гражданина на благоприятную окружающую среду.

Не секрет, что при осуществлении любой профессиональной деятельности требуется четкая понятийная

база, обеспечивающая прозрачность и эффективность предпринимаемых действий. Так и в работе правоохранительных органов при расследовании и раскрытии преступлений, квалификации совершенных деяний и вынесении судебных решений гораздо удобнее пользоваться четко определенной терминологией. Это позволяет повысить продуктивность работы, избежать ошибок в квалификации и в целом гарантировать защиту законных интересов граждан и государства. Грамотная квалификация всегда обеспечивает законность и обоснованность действий правоохранительных органов, повышает их авторитет и укрепляет доверие к ним общества. Поэтому, видится, что установление четкой, ясной формулировки понятия «экологическое преступление» будет полезным как для правоприменителя, так и для каждого обычного человека, и положительно повлияет на поддержание правопорядка и государстве.

Литература:

1. Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» / СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/.
2. Голубев С. И. Понятие экологического преступления: в чем суть дискуссии? С. 49–59. 2019. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38230769>
3. Додонов В. Н. Большой юридический словарь. URL: <http://courts.spb.ru/spravka/glossary/yuridicheskij-slovar/>
4. Ермолович Я. Н., Кравцов Д. В., Учебник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации/ Классификация объектов преступления. URL: https://sdo.academy-skrf.ru/extbook/up_obch/public_html/page36.html.
5. Жук М. С. Экологические преступления как институт уголовного права // Экология и уголовное право: поиск гармонии: материалы/ Междунар. научно-практ. конф. Геленджик, 2011.
6. Забавко Р. А. К понятию экологического преступления/ Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования/ Материалы Всероссийской научно-практической конференции. С. 45–52. 2019. Иркутск. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39160186>.
7. Майорова Е. А., Климова Ю. Н. Методологические проблемы определения понятия «экологическое преступление»/ Право/ Научный формат: интернет-журн. № 2(2). 2019. С. 206–212. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41414885>.
8. Словарь по географии. 2015. URL: https://geography_ru.academic.ru/7991/экологическое_преступление
9. Умирбаева З. А. Понятие «экологическое преступление» в уголовном праве // Российский следователь. 2010. N 9. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13919418>.
10. Экологический энциклопедический словарь / И. И. Дедю; [Предисл. В. Д. Федорова]. — Кишинев: Гл. ред. Молд. сов. энцикл., 1989. — 406 с.: ил.; 24 см.; ISBN 5–88550–006–1 (В пер.): 6 р. 50 к. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001515704>.
11. Толковый словарь русского языка С. И. Ожерова и Н. Ю. Шведовой // URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/экология>

Правовая регламентация административных правонарушений в промышленности, строительстве и энергетике

Поздняков Мирон Евгеньевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В работе проводится анализ правового регулирования административной ответственности в промышленности, строительстве и энергетике. Выдвигаются предположения о недостатках правового регулирования и отсутствия четких критериев разграничения промышленности от строительства и энергетики. Отмечается необходимость внесения законодательных изменений, связанных с переименованием Главы 9 КоАП РФ.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, правонарушения промышленности, строительстве и энергетике.

Учитывая специфику выбранной темы отметим, что КоАП РФ содержит главу 9 «Административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике» [1], которая закрепляет соответствующие составы преступлений.

Подходы к изучению данной темы у ученых схожи в том, что каждый из них рассматривает отдельную область правонарушений. Вопросы осуществления деятельности в промышленности, строительстве и энергетике, а также административная ответственность в процессе этой деятельности совмещает в себе нормы предпринимательского права, экологического права, административного и гражданского права. Также государственный контроль и надзор представляет существенную специфику правоотношений. Такой широкий междисциплинарный характер говорит о необходимости комплексного научного исследования.

Промышленный сектор, включающий в себя производство, изготовление и переработку продукции, сталкивается с огромным количеством проблем, связанных с сохранением окружающей среды, рациональным использованием ресурсов и соблюдением правовых норм предпринимательства.

В научной литературе подчеркивается, что правовая база в этой области стремительно развивается и постоянно становится шире, что является одним из недостатков правового регулирования. В научных исследованиях поднимаются вопросы о сложности и путанности правового регулирования.

В. С. Чибчикова прямо говорит о том, что «Правоприменение сталкивается со значительными трудностями из-за обширности и запутанности правовых норм, применимых к данным отраслям, что приводит к сложностям для тех, кому поручено следить за соблюдением закона» [2]. Автор говорит о том, что такое положение пагубно влияет на исполнение публичных функций, которые исходят от уполномоченных органов. Однако и для предпринимательского сектора это порождает сложности: соблюдение всех правил и требований осложняется обширностью правового регулирования. А. А. Каюда также рассматривает обширность правового регулирования именно как проблему правоприменителя: «При квалификации правонарушений, предусмотренных гл. 9 КоАП РФ, возникает необходимость обращения к различным нормативно-правовым актам, в которых раскрываются специфические признаки» [3]. Однако в рамках своего исследования, обращается внимание именно на проблемность соблюдения норм со стороны предпринимателей.

Первый из выявленных существенных недостатков — отождествление областей деятельности. В данном аспекте энергетика и строительство не существуют как отдельные единицы, а рассматриваются как части промышленной

отрасли, что не даёт возможности для рассмотрения их как равно порядковых понятий.

Решением в таком случае представляется двумя векторами развития административного законодательства. Высказывается предположение о том, что следует разделить одну главу на две равно порядковых, либо оставить одну главу, но про промышленность в целом. Подобной точки зрения также придерживается и В. Л. Макшанов [4], с мнением которого мы солидарны.

При этом подход о рассмотрении промышленности в качестве родового понятия, включающего в себя и строительство и энергетику, представляется предпочтительным.

Материалы судебной практики позволяют сделать вывод о том, что суды, при вынесении решений, толкуют понятие «промышленность» именно в широком смысле.

Нами рассмотрено судебное решение, которое свидетельствует о том, что даже в практической деятельности возникают сложности с определением правонарушения, исходя из понятия промышленных объектов.

Так, ФГБУ «Санаторий «Айвазовское» было привлечено к административной ответственности за Несоблюдение требований об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта. Учреждение оспорило привлечение к ответственности, исходя из отсутствия сооружений в перечнях опасных промышленных объектов. Окончательное решение суда было вынесено в пользу ФГБУ «Санаторий «Айвазовское». В ст. 5 Федерального закона от 27.07.2010 № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» [5] приведен перечень объектов, относящихся к опасным объектам, владельцы которых обязаны осуществлять обязательное страхование. При этом, те гидротехнические сооружения, которые находились в пользовании ФГБУ «Санаторий «Айвазовское», не были внесены в соответствующий регистр, что говорит о невозможности установить наличие события административного правонарушения в отсутствие сведений о таких объектах. Итогом разбирательства стало то, что ФГБУ «Санаторий «Айвазовское» не был привлечен к административной ответственности [6].

На наш взгляд, подобный прецедент иллюстрирует ту проблематику, которая отмечается в трудах В. Л. Макшанова, А. В. Минаева и А. А. Каюды: органы государственной власти, которые уполномочены привлекать к административной ответственности, не всегда обладают полнотой знаний, необходимых для установления правонарушения.

Также рассмотренный прецедент подчеркивает, что термин «промышленность» используется в широком его

толковании и подразумевает широкий круг деятельности предприятий.

Изучение судебной практики также показывает, что строительство — является частью промышленности. Также суды используют термин «производство» и «производственный контроль».

Так, например, в рамках привлечения к ответственности АО «Специализированный застройщик «Режевской завод ЖБИ» суд указал на то, что правонарушения, допущенные заводом, влекут за собой нарушения требований промышленной безопасности [7]. Вместе с этим, завод осуществляет деятельность в области строительства, и нарушения были допущены при регистрации опасного производственного объекта, то есть в сфере строительства.

Такое положение представляется вполне логичным, т. к. суды, при рассмотрении подобных дел исходят из положений ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», которые, как ясно из понятия, используют термин «промышленный» и «производство», не указывая на строительство и энергетику, но применяемые к таким правоотношениям.

Так, например, промышленная экспертиза стала поводом для привлечения к ответственности ООО МИП «НЭС Профэксперт», вынесенная в отношении качества строительных конструкций и материалов [8]. В научных работах подчеркивается, что строительство — одно из самых обширных направлений промышленности [9]. Это сказывается на судебной практике — большинство дел привлечении к административной ответственности,

а также в рамках разбирательств об обжаловании таких решений связаны со строительством.

Как понятийный аппарат профильного законодательства, так и судебная практика подтверждают необходимость унификации норм административного законодательства. На наш взгляд, одна из выявленных проблематик заключается в путанности понятий, исходя из того, что промышленность — родовое понятие, которое включает в себя и строительство и энергетику, и иные виды промышленности и производства. При этом действующая редакция КоАП РФ использует три термина в равнозначном понятии, фактически вкладывая в них равнозначный видовой смысл. В связи с вышесказанным, представляется необходимым переименование главы 9 КоАП РФ в «Административные правонарушения в промышленности», исключив использование терминов «промышленность, строительство и энергетика» в качестве видовых равных понятий.

Практическая значимость подобных изменений исходит из необходимости приведения в соответствие норм отечественного законодательства и исключения нарушений юридической техники. Многочисленные научные работы, которые также указывает на необходимость внесения законодательных изменений подчеркивают высказанную точку зрения. Однако точки зрения ученых, которые приведены и изучены выше, хоть и говорят о необходимости переименования, не связывают свою теорию с практическим содержанием. В рамках настоящего исследования приведены практические доводы, основанные на материалах судебной практики, которые позволяют убедиться в необходимости переименования главы КоАП РФ.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
2. Чибчикова В. С. Проблемы и пути совершенствования административной ответственности в промышленности, строительстве и энергетике // Вопросы российского и международного права. — 2024. — Т. 14, № 9–1. — С. 151–158.
3. Каюда А. А. Административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 8–2. С. 143–146.
4. Макшанов В. Л. Административная ответственность как вид юридической ответственности / В. Л. Макшанов, А. В. Минаев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 10–2 (61).
5. Федеральный закон от 27.07.2010 N 225-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. 2010, N 31, ст. 4194.
6. Решение № 21–547/2020 от 3 августа 2020 г. по делу № 21–547/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/HtKMZMdVwvoY/>
7. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 26.06.2025 по делу N A60–20083/2025 // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RASVR&n=235138&cacheid=4095DCCAF405FFFBBEA4B4BFAEABD89F&mode=splus&rnd=J0niuA#XViMDwUgGCGkr1FA1>
8. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.08.2025 N 16–4424/2025 // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=191732&cacheid=D9D01059FC1F5B0B126A36EB8E8CA298&mode=splus&rnd=J0niuA#3riODwUVT33KD5U9>
9. Административная ответственность: Учебное пособие. — Оренбург: Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2018. — 134 с.

Анализ природы и основных характеристик правового государства

Полуэктова Екатерина Игоревна, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловьева Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

Правовое государство — это такая форма организации политической власти, в которой государство ограничено в своих действиях законом, подчинено воле народа и призвано обеспечить права и свободы граждан. Деятельность такого государства подчинена нормам права. В статье проводится комплексный анализ правового государства как фундаментальной концепции современной юриспруденции и политологии. Исследуются генезис и эволюция идеи правового государства, выявляются его сущностные характеристики и критерии.

Ключевые слова: правовое государство, верховенство права, разделение властей, права человека, конституционализм.

Концепция правового государства занимает центральное место в современной политико-правовой мысли, выступая одновременно как нормативный идеал и практическая цель государственного строительства. Несмотря на многовековую историю развития данной идеи (от античных философов до современных конституционалистов), ее содержание продолжает уточняться в ответ на вызовы XXI века. Настоящее исследование направлено на выявление устойчивых характеристик правового государства и анализ их современной интерпретации.

Идея правового государства имеет глубокие исторические корни. В трудах Цицерона и римских юристов сформулирован принцип верховенства закона (*lex superior*). В эпоху Просвещения (Локк, Монтескье, Кант) концепция обогатилась принципами разделения властей и приоритета естественных прав. Особый вклад внесла немецкая правовая школа (К. Т. Велькер, Р. фон Моль), введшая сам термин «*Rechtsstaat*». В XX веке теория правового государства получила развитие в работах Хайека, Фуллера и Дворкина, акцентировавших процедурные аспекты верховенства права.

Современная юридическая наука выделяет пять основных признаков правового государства. Перечислим их:

- верховенство закона на всей территории страны, то есть теоретически господство закона выражается в том, что он не просто является продуктом государственной воли, а представляет собой реализацию правовой идеи, сформированной правосознанием индивидов, с которыми государство состоит в публично-правовых отношениях, которая подчеркивает идею, согласно которой право формируется не столько сверху, сколько снизу, исходя из общественного сознания и общественных потребностей;

- соблюдение принципа разделения властей, как мы знаем это разделение государственной власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную, где каждая из которых имеет свои полномочия и обязанности, и действует независимо друг от друга. Цель такого разделения — предотвратить концентрацию власти в одних руках и обеспечить систему взаимных сдержек и противовесов;

- взаимная ответственность личности и государства, поскольку обе стороны несут обязательства перед друг другом, обеспечивая, таким образом, гармоничное развитие общества и защиту интересов каждого гражданина;

- господство правовых норм, так как именно правовые нормы регулируют поведение субъектов правоотношений и определяют пределы полномочий государственных органов;

- гарантии прав и свобод личности, так как являются важнейшими элементами правового государства и направлены на обеспечение достойного существования каждого гражданина. Эти гарантии зафиксированы в основных документах, таких как Конституция РФ, международные договоры и национальные законы. Реальная защита прав и свобод зависит не только от наличия соответствующих норм, но и от эффективности механизма их реализации. Важнейшую роль играют институты гражданского общества, средства массовой информации и судебные органы, которые выступают защитниками интересов граждан [1, с. 190].

В условиях глобализации концепция правового государства сталкивается с новыми вызовами.

Одной из ключевых проблем становится дилемма между национальным суверенитетом и международными правовыми стандартами. Государства вынуждены балансировать между соблюдением внутреннего законодательства и выполнением международных обязательств, что нередко приводит к конфликту юрисдикций. Например, решения международных судов могут противоречить национальным интересам, вызывая споры о приоритете международного права над внутренним. Существование правового государства возможно лишь при наличии гражданского общества, в котором каждый свободен, равен с остальными и имеет все условия для обеспечения жизнедеятельности.

Еще одной серьезной проблемой является развитие цифрового государства и защита прав в виртуальном пространстве. Требуется совершенствование информационных и воспитательных аспектов действия механизмов гражданского общества в цифровой среде, надлежащее организационное освещение функционирования меха-

низмов, придание им воспитательного значения в государственной политике. С одной стороны, цифровизация упрощает доступ к государственным услугам, с другой — создает новые угрозы приватности и безопасности данных. Киберпреступность, массовая слежка и использование искусственного интеллекта для контроля за гражданами ставят под вопрос традиционные гарантии прав человека. Законодательство зачастую не успевает за технологическими изменениями, что приводит к правовым пробелам.

Особую остроту приобретают вызовы, связанные с антитеррористическим законодательством. В борьбе с терроризмом государства расширяют полномочия спецслужб, вводят массовый контроль и ограничивают гражданские свободы — от права на неприкосновенность частной жизни до свободы слова. Это создает парадоксальную ситуацию: защищая безопасность, государство может подрывать сами основы правового порядка, основанного на уважении к правам личности.

Кризис доверия к правовым институтам усугубляется в условиях постправды и популизма. Общественное мнение все чаще формируется под влиянием эмоций, а не фактов, что приводит к размыванию авторитета судов, парламентов и правоохранительных органов. Требуется

совершенствование действующего законодательства как на федеральном, так и на региональном уровнях, нормативное закрепление применяемых средств, полномочий и ответственности соответствующих субъектов, в первую очередь государственных органов и их должностных лиц. Политики-популисты эксплуатируют недовольство граждан, предлагая упрощенные решения сложных правовых проблем, что подрывает веру в демократические процедуры и верховенство права.

Таким образом, глобализация ставит перед правовым государством комплекс новых вызовов, требующих гибкого и сбалансированного подхода к защите как национальных интересов, так и общечеловеческих ценностей. Формирование правового государства предполагает необходимость планомерного внедрения и обеспечения реализации ряда принципов, формирующих данное понятие. Ведущим принципом в системе принципов правового государства выступает принцип верховенства закона. Правовое государство остается динамично развивающейся концепцией, адаптирующейся к современным реалиям. Его ключевые характеристики — верховенство права, защита прав человека и система сдержек — приобретают новое звучание в цифровую эпоху.

Литература:

1. Лутфуллин, Р. Ф. Эволюция конституционного права и признаки государства / Р. Ф. Лутфуллин // Информация как двигатель научного прогресса. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. — 2018. — С. 190–192.
2. Мартышин, О. В. К истории формирования понятия «государство» / О. В. Мартышин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 4 (44). — С. 37–48.
3. Насимов, М. О. Правовое государство: основные признаки и особенности социального государства / М. О. Насимов // Научный альманах. — 2017. — № 2–2 (28). — С. 262–265.

Насилие в семейно-бытовой сфере: особенности квалификации в России и зарубежных странах

Слепченко Марк Антонович, студент магистратуры

Научный руководитель: Лесников Геннадий Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Насилие в семейно-бытовой сфере — это серьезная социальная проблема, которая затрагивает множество людей по всему миру. В разных странах существуют различные подходы к квалификации и уголовному преследованию таких преступлений. В данной статье мы рассмотрим особенности квалификации насилия в семейно-бытовой сфере в России и некоторых зарубежных странах.

Насилие в семейно-бытовой сфере включает в себя физическое, психологическое, сексуальное и экономическое насилие, совершаемое в рамках семейных или близких отношений. Это может касаться как супругов, так и других

членов семьи, таких как дети, пожилые люди и лица с ограниченными возможностями.

Актуальность данной статьи можно описать в нескольких пунктах:

Во-первых, в настоящее время, под влиянием различных социально-экономических факторов, проблема «насилия в семейно-бытовой сфере» в Российской Федерации достигла угрожающих масштабов. По оценкам независимых экспертов, насилие наблюдается в каждой четвертой российской семье. Это явление является серьезным криминогенным фактором, так как, согласно научным исследованиям, около 30–40 % всех тяжких на-

насилия совершается в семейной обстановке. Наблюдается процесс криминализации семейных отношений, и тенденций к его уменьшению не наблюдается. Таким образом, насилие в семейно-бытовой сфере становится проблемой, угрожающей основам общественной безопасности, подрывающей моральные и нравственные ценности, а также негативно влияющей на общее развитие страны.

С учетом этих факторов, правовая система каждой страны должна содержать соответствующие нормативно-правовые акты, которые имеют четкую цель — регулирование института борьбы с насилием в семейно-бытовой сфере.

Во-вторых, современная государственная семейная политика и российское законодательство не предлагают целостной системы мер, включая правовые и социальные, направленных на защиту российской семьи и ее членов от насилия в семейно-бытовой сфере. Судебная практика также не отличается единообразием в применении норм законодательства, касающихся защиты от насилия в этой сфере. Более того, существует явная нехватка фундаментальных и других юридических исследований, поддерживаемых научным сообществом Российской Федерации, в области предотвращения и искоренения насилия в семейно-бытовой сфере.

В-третьих, недостаточная изученность (и, соответственно, актуальность) выбранной темы также подтверждается отсутствием четких статистических данных и аналитических материалов, касающихся вопросов насилия в семейно-бытовой сфере. Официальные сведения Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации не выделяют преступления, связанные с насилием в семейно-бытовой сфере, в отдельные категории.

В-четвертых, вызывает особую озабоченность тот факт, что женщины, дети, пожилые люди и инвалиды не могут защитить себя из-за своего зависимого положения в семье. Поэтому эта категория граждан является наиболее уязвимой и составляет наибольшее число жертв тяжких насильственных преступлений в семейной среде. Например, согласно исследованию Всемирной организации здравоохранения о домашнем насилии, проведенному в нескольких странах, было установлено, что от 20 до 75 процентов женщин стали жертвами одного или нескольких актов насилия, как психологического, так и эмоционального характера.

В-пятых, в России до сих пор не существует действующего закона против насилия в семейно-бытовой сфере, который принят почти повсеместно за рубежом, в том числе в странах СНГ. 28 сентября 2016 года году впервые был внесен Госдуму законопроект № 1 183 390–6 «О профилактике семейно-бытового насилия», инициативой внесения которого выступили член Совета Федерации Беляков А. В. и Мурзабаева С. Ш. в период исполнения ею полномочий депутата Государственной Думы. В результате его рассмотрения он был направлен в комитет Государственной

Думы по вопросам семьи, женщин и детей, где было вынесено решение о возвращении законопроекта субъекту права законодательной инициативы в связи с отсутствием заключения Правительства Российской Федерации.

В конце 2019 года законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия» в России стал одной из самых дискуссионных тем в обществе. Совет Федерации вынес на широкое общественное обсуждение проект закона о профилактике семейно-бытового насилия в РФ. 29 ноября 2019 года документ был опубликован на сайте палаты и собрал 11 186 комментариев, представляющих различные точки зрения. Но в последующих этапах, после рассмотрения в Совете Федерации, акт нормотворчества не был реализован.

16 декабря 2019 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил данные, связанные с домашним насилием. Так, абсолютное большинство россиян придерживаются мнения, что домашнее насилие недопустимо (90 %). При этом показатель среди женщин на 9 процентных пунктов выше, чем среди мужчин (94 % против 85 % соответственно). Большинство россиян (78 %) считают, что тема домашнего насилия является важной для нашей страны, при чем женщины проявили больше единодушия (87 %), чем мужчины. Однако в сумме каждый пятый респондент либо не задумывался о теме домашнего насилия (12 %), либо не считает тему важной (8 %). 40 % опрошенных россиян сообщили, что в знакомых им семьях были случаи побоев или применения силы. Остальные 58 % наших сограждан о подобных эпизодах ничего не слышали. Половина россиян придерживаются мнения, что не следует прощать поднятую руку супруга, даже если это было один раз (50 %), чаще такого мнения придерживаются женщины (62 %). Согласны простить единичный случай 39 % респондентов, чаще — мужчины (52 %). Также россиян спросили о том, нужен ли закон о профилактике семейно-бытового насилия. Большинство россиян уверены, что такой закон нужен в нашей стране (70 %). При этом женщины чаще отвечали положительно, нежели мужчины (80 % женщин против 57 % мужчин). Почти каждый пятый опрошенный (17 %) заявил о маловажности данного вопроса.

19 декабря 2019 года Президент Российской Федерации Путин В. В. в ходе ежегодной итоговой пресс-конференции неодобрительно отозвался о применении физической силы в семейных конфликтах, однако указал, что можно пользоваться уже существующим законодательством, которое позволяет наказывать за подобные правонарушения. По его словам, необходимо спокойно обсудить, нужен ли новый закон, дать прогноз возможных последствий и, лишь, затем принять решение.

В настоящее время закона о профилактике и противодействии домашнему насилию в семье до сих пор не существует в России, так как нет единого мнения по поводу мер, которые могут применяться в случае домашнего насилия.

В-шестых, ситуацию усугубили изменения в законодательстве, касающиеся декриминализации побоев, которые не способствуют снижению числа преступлений (включая

уровень латентности), связанных с насилием в семейно-бытовой сфере. Мы полагаем, что результатом декриминализации побоев стало прямое нарушение положений Всеобщей декларации прав человека (принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10.12.1948), поскольку государство обязано выполнять свои обязательства перед гражданами, включая защиту от насилия и жестокого обращения. Однако в настоящее время мы наблюдаем противоположный эффект — насилие в семейно-бытовой сфере нарушает основные права человека.

Такой ситуации не было, когда ответственность за побои определялась Уголовным кодексом Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ, что связано прежде всего с тем, что расследование преступлений в этом контексте является более контролируемым процессом, который строго регулируется нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.

В-седьмых, с начала проведения специальной-военной операции на территории Украины, государству необходимо принять меры превентивного характера для контроля морально-психологического состояния ее участников при возвращении к своим семьям. Так, в настоящее время у Министерства внутренних дел Российской Федерации, как заявил пресс-секретарь президента Дмитрий Песков, случаи домашнего насилия в России не отмечены в статистике роста преступности как вызывающие обеспокоенность. Справедливо предположить, что пока военные действия не окончатся, вспышки роста преступлений ожидать не стоит.

В-восьмых, отсутствие строго регламентированных норм и судебной практики по данному направлению определяют изучение зарубежного опыта в области квалификации насилия в семейно-бытовой сфере как единственно возможный способ проработки вопроса в наиболее короткие сроки.

Квалификация семейного насилия в России

В России насилие в семейно-бытовой сфере регулируется несколькими статьями Уголовного кодекса:

Статья 116 УК РФ — «Побои». Эта статья применяется в случаях, когда насилие не привело к серьезным последствиям для здоровья жертвы.

Статья 117 УК РФ — «Истязание». Данная статья охватывает более серьезные случаи, когда жертва подвергается систематическому насилию.

Статья 105 УК РФ — «Убийство». В случаях, когда насилие приводит к смерти жертвы, применяется эта статья.

Статья 132 УК РФ — «Изнасилование». Может применяться в случаях сексуального насилия в семье.

Проблемы квалификации

Несмотря на наличие законодательных норм, в России существует ряд проблем, связанных с квалификацией насилия в семейно-бытовой сфере:

Стигматизация жертв. Многие жертвы не обращаются за помощью из-за страха осуждения или недоверия к правоохранительным органам.

Недостаток информации. Не все жертвы знают о своих правах и возможностях защиты.

Сложности в доказательстве. Часто насилие происходит в закрытых условиях, что затрудняет сбор доказательств.

Квалификация семейного насилия в зарубежных странах

В разных странах подходы к квалификации насилия в семейно-бытовой сфере могут значительно различаться. Рассмотрим несколько примеров.

США

Законы о семейном насилии варьируются от штата к штату, но многие штаты имеют специальные законы, касающиеся насилия в семье, которые могут включать:

- Уголовные статьи, касающиеся побоев и истязаний.
- Законы о временных запретах на приближение (restraining orders), которые позволяют жертвам насилия получить защиту от агрессоров.
- Программы для жертв и агрессоров, включая реабилитацию и поддержку.

Великобритания

В Великобритании насилие в семье охватывается несколькими законами, включая:

- Закон о насилии в семье (Domestic Violence, Crime and Victims Act 2004): Этот закон предоставляет определение семейного насилия и устанавливает меры защиты для жертв. Он также позволяет полиции задерживать агрессоров и выдавать временные запреты на приближение.
- Закон о насилии в семье (Domestic Abuse Act 2021): Этот закон расширяет определение насилия в семье, включая экономическое насилие и контроль, а также усиливает защиту жертв. Он также вводит новые меры, направленные на поддержку жертв и улучшение взаимодействия между различными службами.

Германия

Уголовный кодекс Германии: В уголовном кодексе содержатся статьи, касающиеся различных форм насилия, которые могут быть применены в случаях семейного насилия:

- Статья 223 — «Побои». Устанавливает ответственность за умышленное причинение телесных повреждений.
- Статья 224 — «Тяжкие телесные повреждения». Устанавливает более строгую ответственность за побои, если они были совершены с использованием опасных инструментов или в группе.

— Статья 238 — «Преследование». Устанавливает ответственность за преследование, которое может включать в себя угрозы и запугивание.

Закон о защите от насилия: Этот закон был принят в 2002 году и предоставляет жертвам насилия возможность получить защитные меры, такие как временные запреты на приближение к агрессору. Он также позволяет жертвам насилия временно покинуть совместное жилье.

В заключение можно сказать, что насилие в семейно-бытовой сфере — это глобальная проблема, требующая комплексного подхода к ее решению. В России и за рубежом существуют различные механизмы квалификации и защиты жертв, однако многие проблемы остаются нерешенными. Важно продолжать работу над улучшением законодательства, повышением осведомленности и созданием безопасной среды для жертв насилия.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека: принята 10.12.1948 Резолюцией 217А (III) на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2024 г.).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: в ред. от 25.12.2023 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: в ред. от 25.12.2023 № 160-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
4. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ: в ред. от 25.12.2023 № 91-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 52. — Ст. 7007.
5. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 26. — Ст. 3851.
6. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 35. — Ст. 481.

Предупреждение коррупционных преступлений среди государственных служащих посредством повышения их правовой культуры

Тарасюк Екатерина Васильевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Гриценко Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент

Ростовский филиал Российской таможенной академии

В рамках государственной службы коррупционное поведение следует рассматривать как проявление государственным служащим личной заинтересованности, которая приводит к конфликту интересов. В таком случае конфликт интересов является главной предпосылкой возникновения коррупции и иных преступлений против государственной службы.

Конфликт интересов оказывает непосредственное влияние на деятельность государственных служащих, поскольку личная заинтересованность оказывает влияние на принимаемые решения. Данные действия приводят не просто к повышению количества общего уровня преступности, также это чревато снижением уровня доверия граждан к государственной службе и в целом к государству.

Говорить о важности рассмотрения вопроса предупреждения коррупции в настоящее время не приходится, поскольку очевидно, насколько губительны последствия от преступных действий государственных служащих. Кроме того, представляется необходимо обратиться к официальной статистике МВД РФ. Так, за 2018 было зарегистрировано

30495 преступления коррупционной направленности, за 2019- 30991, за 2020–30813, за 2021- 35051, за 2022–35350, за 2023–36407. Если говорить о росте, исходя из общего количества зарегистрированных преступлений за 2023 год он составляет 1,86 %. Такой процент является небольшим, но тем не менее не стоит забывать, что статистические данные не могут отражать полную картину коррупционной преступности, поскольку существует латентная преступность. За последние пять лет рост составил более чем на 6 процентов.

На основании изложенного представляется необходимым рассмотреть факторы, которые способствуют коррупционным преступлениям, и возможные способы предупреждения коррупционных преступлений среди государственных служащих.

Одним из наиболее важных факторов является слабая этическая культура в государственной сфере. Если государственный служащий не придерживается принципов справедливости и неподкупности, то вероятность совершения коррупционных преступлений значительно возрастает. Недостаточное внимание к этике и непрозрачные

механизмы наказания, также могут способствовать развитию коррупции среди государственных служащих.

На наш взгляд, данные причины являются основными, но также следует отметить и иные, так, например, традиционно выделяют низкий уровень оплаты труда государственных служащих и отсутствие независимого контроля по вопросам коррупционных преступлений. Полагаем, что данные причины являются спорными, поскольку вопросы заработной платы всегда вызывают огромное недовольство и можно задаться вполне логичным вопросом, а возможно ли определить достаточный уровень заработной платы и может ли быть его всегда достаточно [1]. Насчёт отсутствия необходимого или надлежащего надзора также можно поспорить в силу того, что на сегодняшний день в системе государственных органов создана процедура по проверке государственных служащих и их близких родственников, их уровня дохода. В соответствии со ст.8 Федерального закона от 25.12. 2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» установлено положение о предоставлении государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Данная информация является обязательной. Кроме того, Министерством труда России разработаны методические рекомендации по вопросам предоставления данных сведений. Непосредственный надзор осуществляют органы Прокуратуры, которые не могут оказывать влияние на иные государственные органы, в этом случае они выступают самостоятельным звеном этой процедуры [2].

Меры предупреждения и борьбы с коррупцией среди государственных служащих играют важную роль в создании честной и прозрачной государственной системы. Здесь рассмотрим некоторые из них.

Многие авторы в качестве меры противодействия выделяют изменение санкции за коррупционные преступления. Данная позиция обосновывается тем, что в силу сурового наказания у лица формируется страх совершения преступления. Данный способ предупреждения является весьма эффективным, но вызывает некоторые сомнения относительно того, что неправильно, что человека от совершения преступления отделяет только суровое наказание и если бы не его наличие, то конечно он бы его совершил. Наказание по своей сути не может быть чрезмерно жестоким или суровым, оно должно быть справедливым, соответствовать характеру и степени общественной опасности, в связи с этим данная мера не представляется целесообразной, поскольку воздействие не должно осуществляться по средствам более сурового наказания.

В рамках данной меры следует отметить позицию Ломброзо, который считал, что лицо является преступником по рождению, то есть совокупность физиологических характеристик делает человека преступником. Итальянский психиатр полагал, что наказание не может исправить человека, исходя из их опасности таких лиц для общества, он считал необходимым назначать наказание на неопре-

делённо длительные сроки. По мнению Ломброзо, наилучшим способом предупреждения является избавление от лица, совершившего преступление [3]. Его взгляды постоянно подвергались критике, в связи с этим его позиция постепенно менялась, в последующем он признал важную роль ненаследственных — социальных, психопатологических причин преступности и пришёл к выводу, что в целях предупреждения преступности необходимо установить принцип неотвратимости наказания [5]. На наш взгляд, неотвратимость наказания действительно имеет значение, поскольку данный принцип построен не на устрашении перед наказанием, а на правильной работе государственных органов.

Изучая вопросы ответственности за коррупционные преступления зачастую говорят об уголовной ответственности, забывая об административной, которая на наш взгляд, не может, конечно, заменить уголовную, но которая может стать альтернативой. Специфика ответственности в административном судопроизводстве сводится к самой природе и видам дел, которые разрешаются в рамках данного процесса, также необходимо отметить своеобразие процессуальных отношений, которые складываются в данном виде судопроизводства и отличительным чертам санкций, которые применяются [6].

Считаем, что в рамках коррупционных правонарушений возможно применение административной ответственности. Данная позиция в теории уголовного права является спорной, так, например, Я. Э. Красновский, считает, что в отношении лиц, совершающих коррупционные деяния невозможно применять административную ответственность, поскольку это может привести к фактическому сокрытию фактов преступлений, также количество коррупционных преступлений находится на достаточно высоком уровне, что также подтверждает невозможность использования данного вида ответственности [7]. Нельзя говорить, что позиция правоведа неверная, но имеет место и другая точка зрения.

Говорить об отмене уголовной ответственности в рамках коррупционных преступлений бессмысленно. На наш взгляд, необходимо ввести в действующее законодательство об административных правонарушениях ответственность за коррупционные деяния. В целях эффективного противодействия коррупции следует ввести составы с административной преюдицией, которые в значительной мере позволили бы предупредить совершения новых преступлений. В данном случае целесообразно сказать, что у уголовной ответственности есть последствие в виде судимости. Последствия у данного правового состояния [8] могут быть и уголовно-правовыми, и уголовно-исполнительными, и общеправовыми. Огромное количество проблемных аспектов кроется именно в рамках последствий института судимости.

Судимость, как правовое состояние оказывает существенное влияние на все сферы жизни человека, в связи с этим представляется необходимым для преступлений

небольшой тяжести ввести составы с административной преюдицией.

Рассматривая различные меры предупреждения коррупционных преступлений среди государственных служащих, следует выделить меру по формированию правосознания. Правосознание — это «совокупность рациональных и психологических компонентов, которые не только отражают осознание правовой действительности, но и воздействуют на нее, формируя готовность личности к правовому поведению» [9].

Работа над правосознанием является наиболее важной мерой по противодействию коррупционным преступлениям среди государственных служащих, поскольку государственные служащие являются представителями исполнительной ветви власти, их понимание и соблюдение норм существенно влияет на качество работы иных органов и обеспечения справедливости в обществе. Развитие правосознания среди государственных служащих не способствует повышению уровня коррупции и нарушений прав граждан. Чем более четко и глубоко понимаются правовые принципы, тем менее вероятно нарушение законов и злоупотребление полномочиями. Также важно отметить, что государственные служащие яв-

ляются образцом для гражданского общества. Их собственное правосознание и уважение к закону могут оказывать влияние на общество в целом. Поэтому развитие правосознания среди государственных служащих является важной составляющей в формировании правовой культуры общества.

Подводя итог, необходимо сказать, что формирование правосознания является самой сложной формой предупреждения коррупционных преступлений, так как развитие правосознания требует работы над расширением и уточнением своего внутреннего духовного опыта [10]. Правосознание — это та категория, которой невозможно научить человека, тем более уже сформировавшуюся личность. Систему идей, убеждений невозможно навязать человеку посредством лекций. Процесс формирования правосознания очень длительный и трудоёмкий процесс, который начинается с самого раннего возраста. Конечно, рассматривая различные меры по предупреждению коррупции, следует учитывать скорость их реализации, очевидно, что формирование правосознания не может отличаться быстротой в реализации, но тем не менее является самой эффективной и результат от которой в перспективе может дать гораздо больше.

Литература:

1. Власова Е. И. Предупреждение коррупционного поведения государственных гражданских служащих // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2022. № S2.1 (33).
2. Гербеков И. И. Профилактика коррупции на государственной службе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 6.
3. Чезаре Ломброзо: Преступный человек. МИДГАРД, 2005.
4. Василевич Г., Василевич С. Комплексный подход к противодействию коррупции — залог успеха // Общество и инновации. — 2020. № 2. С. 131–148.
5. Павлов Е. В. Чезаре Ломброзо: современное видение // Вестник магистратуры. 2016. № 12–2 (63).
6. Самсонов Н. В. Ответственность в административном судопроизводстве // Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. Том 2. Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». 2017. С.57–62.
7. Красковский Я. Э. Мелкое взяточничество как проявление бытовой коррупции // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2018. Т. 6. № 3.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократно и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Максимова И. М. Правосознание как источник правового поведения личности: дис... канд. юрид. наук. Тамбов, 2005. 181 с. — с.18
10. Васильев В. Л. Юридическая психология. — СПб.: Изд-во «Питер», 2005. 655 с. — С.141.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 37 (588) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 24.09.2025. Дата выхода в свет: 01.10.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.